

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
артиллерии, инженерных войск и войск связи

БРАНДЕНБУРГОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск 2

Письменные памятники в музейных собраниях

Санкт-Петербург
2007

Печатается по решению Редакционно-издательского совета ВИМАИВиВС

Председатель Редакционно-издательского совета – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, начальник музея В.М. Крылов.

Сборник включает материалы Четвертых «Бранденбургских чтений» – научной конференции «Письменные памятники в музейных собраниях», посвященной 135-летию архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Редактор Е.М. Пожидаева
Художник Н.Ю. Якубовская
Верстка: В.И. Хоронко
Компьютерный набор: Я.В. Камашина

Лицензия ПД № 2-69-528

Подписано в печать 10.09.2007. Формат 60x90/8.
Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC
Тираж 100 экз. Заказ № 32

Отпечатано в ЦОП ГУ ВИМАИВиВС
Санкт-Петербург, Александровский парк, 7
Тел./факс: (812) 498 07 04

ISBN 978-5-903501-02-1

© ВИМАИВиВС

Содержание

Предисловие	4
-------------------	---

Часть I

Анфертьева А.Н., Подковырова В.Г. Александра Петровна Лебедянская в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук	5
Лобин А.Н. Архив русской артиллерии XVII в. и проблемы его изучения	11
Рамазанова Д.Н. О роли Лихудов в переводах трактатов итальянских военных специалистов для Пушкарского приказа	20
Маковская Л.К. Графические материалы в документальном фонде Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Формирование коллекции)	24
Вознесенская И.А. Рукописная книга в собрании ВИМАИВиВС	35
Гусарова Е.В. История создания и авторы первого «Высочайше конфирмованного» генплана Астрахани по документам архива ВИМАИВиВС	39
Федорова Т.С. Три сюжета из истории России XVIII в. по материалам архива Артиллерийского музея	50
Юркевич Е.И. Документы по истории артиллерии Гатчинских войск в архиве ВИМАИВиВС (Краткий обзор)	55
Рудакова Л.П. Каменная часовня в дубовой роще в память обстрела Сестрорецка 14 июня 1855 г.	58
Никитин В.О. Из истории русской военной историографии (по материалам ИРВИО) ...	61
Трошин Д.Ю. Трофейная Комиссия и создание Музея Первой мировой войны 1914–1918 гг. (по материалам ВИМАИВиВС)	65
Кобякова В.И., Успенская С.В. Сохранность и доступность документального наследия ВИМАИВиВС	69

Часть II

Ефимов С.В. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. в Артиллерийском музее. История формирования собрания (XVIII в. – 1930-е гг.)	76
Шустова Ю.Э. «Альбом» Львовского Ставропигийского братства: проблема атрибуции	87
Бондаренко А.Ф. К вопросу атрибуции прорезного колокола 1648 г. из музея «Коломенское»	93
Анисимова М.А. Коллекция С.В. Перлова в Артиллерийском музее (по материалам архива ВИМАИВиВС)	96
Ильина Т.Н. Колодка с наградами К.Р.	100
Головко Е.Е. Эхо давнего подвига (История подвига крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» по материалам рукописно-документального фонда ЦВММ)	106
Точкина И.К. «В воздаяние геройского подвига...» (История награждения участников боя при Чемульпо по материалам РГАВМФ и РГИА)	109
Грачева И.А. Коллекция альбомов из Музея подарков Союзу ССР и ее использование в выставочной деятельности	114
Павлович М.К. Документы Великого Архидиакона К.В. Розова в архиве Музеев Московского Кремля	117

Приветствую участников и гостей конференции.

Очередные Бранденбургские чтения посвящены актуальной сегодня теме «Письменные памятники в музейных собраниях». В докладах и сообщениях, представленных на обсуждение, рассматриваются такие важные вопросы, как формирование документальных коллекций, методология исследования и археографическое описание письменных памятников, роль и значение документа в атрибуции музейных предметов, проблемы сохранности, а также место документа в современной экспозиционной и выставочной работе.

Наша конференция приурочена к очередной дате образования фондов архива музея. Он был создан 135 лет назад, 28 октября 1872 г. по инициативе заведующего Артиллерийским музеем, так назывался наш музей в то время, Николая Ефимовича Бранденбурга, известного ученого второй половины XIX — начала XX вв. Изначально архив формировался как собрание документов по истории артиллерии, позже его фонды пополнялись материалами более широкого профиля, и в настоящее время — это современное хранилище ценной документированной информации по истории и культуре России. Основная особенность нашего собрания — его качественное многообразие. Этим объясняется и чрезвычайно широкий круг пользователей архива — от крупных ученых в разных отраслях науки, аспирантов и студентов до обычных граждан со своими личными интересами. Обширна и география посетителей, приезжающих из всех регионов России, дальнего и ближнего зарубежья.

О создании и становлении архива, о его непростой истории (он дважды был на грани гибели), о подвижническом труде нескольких поколений архивистов музея, о работе в современных условиях подробно говорилось на конференции «Архивы и время» в 2002 г., когда впервые отмечался юбилей нашего архива, — материалы конференции были опубликованы. Сегодня мне бы хотелось отметить то новое, что появилось в деятельности этого подразделения музея в решении профессиональных задач, стоящих перед сотрудниками. Главная из них — введение в научный оборот новых источников и обеспечение сохранности самих документов. Впервые разобрана и систематизирована по отделам и разрядам картотека Трофейной комиссии. Начиная с 2003 г. регулярно готовятся к публикации ценные источники. За истекшие годы изданы «Письма с войны» Н.Е. Бранденбурга (2003), три тома «Архива генерал-фельдцейхмейстера Я.В. Брюса» (2004, 2005, 2006), и готовится четвертый, к 250-летию Достопамятного зала (2006) опубликована рукопись И.Д. Талызина «Описание Артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов. 1862 г.». В 2007 г. издан краткий справочник по фондам и описям архива. Впервые в него вошли все фонды и перечень содержащихся в них описей с указанием количества архивных дел и крайних дат документов. Напомню, что в путеводителе по архиву, изданном в 1957 г., рассмотрены только фонды досоветского периода. В результате публикации письменные источники стали достоянием широкого круга исследователей, и одновременно, в определенной степени, решилась проблема сохранности самих документальных памятников. Отпала необходимость частого обращения к оригиналу, что дает возможность создать ему более комфортные условия хранения.

Второе направление, выбранное для популяризации документов — выставки. Архив участвовал в больших выставочных проектах, таких как «Религиозный Петербург», «Светозарная Казань» (к 1000-летию Казани), «Великий князь Михаил Павлович — владелец Павловска», «Александр III и Мария Федоровна» (к перенесению могилы императрицы в Петропавловский собор) и многих других, где впервые экспонировались уникальные документы. Тематические выставки проводились в стенах музея. К третьим Бранденбургским чтениям, посвященным 200-летию со дня рождения А.В. Висковатова, была подготовлена выставка «История военного костюма в документах». 250-летний юбилей Достопамятного зала был также ознаменован документальной выставкой.

Не могу не отметить и профессионализм сотрудников, которые всегда принимают активное участие в научных конференциях, в том числе и международных. Сегодня ими разрабатываются три крупных научно-исследовательских проекта, связанных с фондовой работой, сопровождающиеся публикациями научных статей и монографий.

В заключение, от имени коллектива музея хочу выразить признательность всем принявшим участие в конференции и пожелать всем нам плодотворной работы.

**Начальник ВИМАИВиВС
доктор исторических наук
заслуженный работник культуры РФ
В.М. Крылов**

Часть I

А.Н. Анфертьева, В.Г. Подковырова

Александра Петровна Лебемянская в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук

Александра Петровна Лебемянская пришла в Библиотеку Академии наук осенью 1925 г., в очень значимый, переломный момент истории библиотеки. За год до того, 8 октября 1924 г. завершился переезд библиотеки в новое здание¹. Рукописное отделение (или IV-е отделение), куда Лебемянская была принята на работу, впервые за время своего существования получило отдельные помещения: два хранилища, три рабочих комнаты, кабинет заведующего и читальный зал². В 1925 г. произошла реорганизация структуры библиотеки. Коснулась она и рукописного отделения: карты были выделены из его фондов и переданы в специально созданное для них в V-е, Картографическое, отделение³. Тогда же произошли изменения в руководстве библиотеки: академик Н.К. Никольский отказался от должности директора (конфликт с Правлением АН из-за библиотечного оборудования). 22 августа 1925 г. на эту должность был утвержден академик С.Ф. Платонов.

В сентябре 1925 г. торжественно праздновали 200-летний юбилей Академии наук. К этому юбилею штат академической библиотеки был увеличен до 170 должностей⁴. В числе 50 принятых по новому штату была А.П. Лебемянская⁵. 17 ноября ей, в числе других, было отправлено письмо-уведомление на бланке библиотеки: «Секретариат Библиотеки Академии наук СССР уведомляет Вас, что Вы избраны в состав сотрудников Библиотеки и Вам надлежит приступить к исполнению возлагаемых на Вас обязанностей в ближайший срок»⁶.

Надо отметить, что получить место в библиотеке было не так просто. Среди архивных документов 1925 г. сохранился «Список лиц, подавших заявления о приеме на вновь открывающиеся с 1-го октября 1925 г. должности в Библиотеке Академии наук»⁷. В нем перечислен 331 претендент, так что можно говорить о серьезном конкурсе. 11 фамилий в списке отмечены красными крестиками, в том числе – Лебемянская⁸.

А.В. Петров, А.П. Лебемянская в помещении Рукописного отделения БАН СССР. 1926 г.

Рукописное отделение академической библиотеки имело на тот момент следующую структуру: отдел рукописей, отдел старопечатной книги, отдел русских заграничных и нелегальных изданий и подсобная библиотека. Кроме того, к рукописному отделению относился Толстовский музей.

Работы в рукописном отделении было достаточно. Отчет отделения за 1925 год начинается словами: «Благодаря переходу в новое помещение, Рукоп. Отделение получило возможность приступить к разбору и описанию накопившихся в нем с давних пор исторических материалов, самый доступ к которым в старом здании Библиотеки, вследствие крайней тесноты помещения, был весьма затруднителен»⁹.

На 1 августа 1925 г. в рукописном отделении было 1300 м полок документальных материалов и 750 м рукописей¹⁰. Здесь хранилось в общей сложности 76 000 библ. ед., из них рукописей – 39 000. За один только 1925 год отделение получило около 3000 новых поступлений,

в 1926 г. – «свыше 2628»¹¹.

Руководил отделением Всеволод Измаилович Срезневский, который одновременно был и старшим ученым хранителем. Самым большим подразделением был отдел рукописей, в нем работали 10 сотрудников. Почти все они были выпускники историко-филологического факультета Петербургского университета с дипломами 1-й степени, преподавали в высших учебных заведениях, имели печатные работы по русской истории, источниковедению и изданию памятников письменности. Федор Иванович Покровский, возглавлявший отдел, окончил кроме университета еще Духовную академию и был к 1925 г. признанным специалистом в области исследования и описания памятников древней славянской письменности¹². Александр Иванович Заозерский, магистр русской истории, имевший те же два диплома, до рукописного отделения в течение шести лет был профессором Петроградского университета¹³. Борис Михайлович Энгельгардт до библиотеки три года занимался разборкой и описанием рукописных памятников в Пушкинском Доме¹⁴; Петр Васильевич Булычев имел опыт и стаж работы в Рукописном отделении Публичной библиотеки¹⁵. Платон Григорьевич Васенко, магистр русской истории, имел к 1925 г. 60 печатных работ¹⁶; Софья Алексеевна Щеглова, магистр русской филологии – около 20¹⁷. Степан Антонович Еремин, работавший в рукописном отделении на должности библиотекаря, в графе анкеты «Знание языков» писал: латынь, греческий, немецкий, французский, польский, сербский, болгарский¹⁸. Все являлись беспартийными.

В отделе русских заграничных и нелегальных изданий был лишь один сотрудник – Александра Николаевна Коргуева, библиотекарь по должности. Справочной подручной библиотекой занимался библиотекарь Николай Васильевич Тимофеев.

Отделом старопечатных книг руководил ученый хранитель Александр Васильевич Петров. Об этом человеке нужно сказать особо. А.В. Петров, окончив Петербургский университет по юридическому факультету, более 25 лет вынужден был нести службу в области, далекой от того, что он действительно любил. А любил он книгу, был лучшим в стране знатоком книг Петровского времени, страстным и профессиональным коллекционером книг XVIII в. В мае 1919 г. он, наконец, смог стать сотрудником академической библиотеки и, по словам его коллеги и руководителя В.И. Срезневского, «прикрепился к ней, тихая пристань им почувствовалась», тем более, что это было в «светлое, чистое время А.А. Шахматова»¹⁹. В рукописном отделении Александр Васильевич трудился до конца жизни, и до конца жизни – процитируем снова В.И. Срезневского – «работа над

книгой, изучение ее – была его жизнь, в этом он чувствовал ее красоту и радость и украшать жизнь свою, ушедшую в книгу, он ничем другим не хотел»²⁰.

Александра Петровна Лебедевская стала научным сотрудником II разряда (и единственным сотрудником) отдела, руководимого А.В. Петровым. К моменту прихода в рукописное отделение Александра Петровна имела два диплома (Женского педагогического института – 1911 г. и Петроградского университета – 1915 г.) и 13 лет педагогического стажа. Ее специальностью были археология и древнерусское искусство. Она участвовала в работах археологических экспедиций, имела печатные работы, с 1916 г. была членом-сотрудником Русского археологического общества, но болезнь легких, периодически обострявшаяся, принудила – как она сама пишет в автобиографии – «отказаться от полевой археологической работы и перейти на камеральную работу в библиотеках»²¹.

Отдел старопечатных изданий возник при образовании рукописного отделения и включал в себя издания церковно-славянской печати и книги русской гражданской печати Петровского времени. При создании отделения в его фондах было 1653 таких тома: состав их активно пополнялся в 1900-е гг. Основной работой, которую выполняла в отделе Александра Петровна, была каталогизация и научное описание этих книг. Ежемесячные отчеты о работе, сохранившиеся частично в Санкт-Петербургском архиве РАН, частично в архиве библиотеки, дают более конкретное представление о работе Лебедевской. Например, в 1926 г. она составляла «инвентарные описи изданий по истории Петра Великого, приобретенных у гр. Касаткина, а прежде составлявших коллекцию А.В. Петрова» и инвентарную опись книг из собрания Тихвинского монастыря²². В 1927 г. описывала указы и манифесты XVIII в., разбирала литографии, гравюры, лубочные издания и летучие листы XVIII–XIX вв.²³ В 1928 г., после кончины А.В. Петрова, она каталогизировала его собрание книг Петровского времени, а также церковно-славянские книги из собраний И.И. Срезневского и В.Д. Бонч-Бруевича. В том же году поступило ценное собрание акварельных рисунков с видами городов и памятников архитектуры конца XVIII – начала XIX вв., принадлежавшее археологу и искусствоведу Г.Д. Филлимонову, и Лебедевская занималась его разборкой и описанием²⁴. В 1929 г. она разбирала и описывала, в основном, рукописные памятники нешифрованного фонда²⁵. 11 мая 1929 г. открылась юбилейная выставка «Библиотека Академии наук. 1728–1928». В устройстве ее части, относящейся к рукописному отделению, А.П. Лебедевская принимала «деятельное участие»²⁶.

Научную работу по избранной ею специальности Александра Петровна не прерывала; во время работы в Библиотеке Академии наук принимала участие в работах археологических съездов в Керчи (1926) и Костроме (1927).

В архиве БАН хранится список опубликованных и рукописных работ А.П. Лебедеванской²⁷. Согласно этому документу, датированному 28 мая 1928 г., до поступления на работу в БАН у нее были изданы 2 работы:

1. Михайловский клад // Изв. Археологической Комиссии. Вып. 53. 1914.

2. Рецензия на тр. Никольского «История русского искусства» // Летопись средней школы. 1915.

В рукописях остались следующие работы:

1. Мегарские сосуды из Ольвии – материалы являются результатом двух поездок в Ольвию с преподавателем Б.В. Фармаковским. (В мае 1928 г. рукопись находилась в Академии истории материальной культуры.)

2. Древний могильник в селении Хоста на черноморском побережье.

3. Развалины древнего храма. Обе с фотографиями и чертежами. (В мае 1928 г. рукописи находилась в Академии истории материальной культуры: отданы А.В. Миллеру в 1920-е гг.)

4. Храм Климента 1153 г. в селении Старая Лагода по раскопкам Рус. археол. общества. 1912–13 гг. с фотографиями и чертежами. (В мае 1928 г. рукопись находилась у автора.)

5. Памятники именные новгородского серебряного дела XV–XVI вв. в казне московского Вел. Кн. Ивана III. (Доклад читан в Рус. археол. обществе и Обществе друзей письменности и искусства.)

6. Описание нумизматической коллекции Женского педагогического института. (В мае 1928 г. рукопись находилась в Институте педагогики им. А.И. Герцена.)

7. Памятники прикладного искусства (лицевое шитье XV–XVII вв.) в ризнице Кирилло-Белозерского монастыря по рукописям XVII в. из Публичной библиотеки и памятникам Русского музея.

8. Шитая завеса Ивана Грозного 1556 г. в Хиландарском монастыре на Афоне. (Доклад читан в бывшем Археологическом институте.)

9–15. Описание ряда памятников древнерусского шитья в Русском музее и бывшем Археологическом институте.

16. Материалы для истории древнерусского лицевого шитья XIV–XVII вв.

17. Памятники серебряного дела XV–XVI вв. в завещании кн. Дм. В. Углицкого († 1521 г.)²⁸.

Во время работы в отделе старопечатных изданий Рукописного отделения БАН Александра Петровна Лебедеванская занималась, сверх производственной работы, детальным описанием и изучением нескольких конкретных старопечатных московских и венецианских изда-

ний; кроме того, составила указатель к справочному изданию, не снабженному индексом, и продолжала исследования в области древнерусского прикладного искусства²⁹. В результате за 1926–1928 гг. Александра Петровна подготовила следующие работы:

1. Из истории книжной «справы» на Руси в середине XVII в. – Скрижали. М., 1654. – Историко-библиографический очерк. (В мае 1928 г. рукопись находилась у директора БАН акад. С.Ф. Платонова. На титуле автографа, хранящемся в БАН, есть запись о прочтении доклада на соответствующую тему зимой 1928 г. в Обществе древней письменности и искусства.)

2. Венецианские издания на Руси в XVI–XVII вв. I. *Ἡ Θεία Λείτουργία* 1574 г. и ее русское (московское) издание 1656 г. (В мае 1928 г. рукопись находилась у акад. С.Ф. Платонова. На автографе работы, хранящейся в БАН, есть посвящение А.В. Петрову.)

3. Резной складень 1702 г. и его связь с гравюрами Киевских изданий XVII в. (В мае 1928 г. работа не была окончена, так как автору была необходима специальная поездка в Киев.)

4. Указатель к труду В.М. Ундольского «Очерк славяно-русской библиографии» (В мае 1928 г. работа находилась в отделе старопечатной книги Отделения рукописей БАН.)

5. Московские первопечатные издания до Апостола 1564 г. (В мае 1928 г. работа была принята в печать АН СССР, но позднее снята³⁰.)

Из текстов научных работ, написанных в период работы в БАН, А.П. Лебедеванской ничего не удалось опубликовать. В 1946 г., после 12 лет работы в Музее артиллерии, когда стало ясно, что у нее вряд ли будет возможность продолжать свои исследования в области древнерусской книжности и искусства, исследовательница передала часть своих рукописей на хранение в Отдел рукописей БАН. В Собрании авторских материалов этих фондов хранятся в настоящее время 6 неопубликованных работ Александры Петровны. Они различны по тематике и по объему, но все относятся по времени написания к годам работы в БАН. К одной из рукописей приложено письмо Лебедеванской В.А. Петрову от 1 января 1946 г. Приведем несколько выдержек из него: «Перейдя с 1936 г. на работу над архивными материалами Артиллерийского Исторического музея, я не смогу больше вернуться к теме о начале нашего книгопечатания. Несколько же моих набросков, может быть, пригодятся еще кому-нибудь, а поэтому не хотелось бы их уничтожать. Как только найду время, оформлю и передам Вам для БАН еще несколько подобных заметок». «Вот несколько рукописей моих работ по “истории книги” <...> Думаю, что их можно было бы передать в то отделение, где эти старопечатные книги находятся и в настоящее время, как некоторое описание их»³¹.

Две из шести работ, переданных автором в отдел рукописей, были перечислены среди ее работ 1926–1928 гг. – это «Из истории книжной “справы” ...» и «Венецианские греческие издания...»; две могут быть переработкой статьи «Московские первопечатные издания до Апостола 1564 г.», разделенной на части, получившие новые названия: «К вопросу о начале книгопечатания в Москве в XVI в. Первое издание псалтыри “без выхода”» и «Миниатюры в первопечатных изданиях XVI в. “без выхода”». Кроме этих работ приложены еще 2: «Заметка об одной надписи “XII века”» и «С Вятки на Москву и обратно. /Эпизод из истории русской живописи XVI в./». Расскажем кратко о рукописях Александры Петровны Лебединской, хранящихся в БАН.

Работы о московском издании «Скрижали...» 1656 г. и о венецианском издании толкования литургии 1574 г. обе закончены в 1928 г. и тематически взаимосвязаны: русский перевод греческого венецианского издания «*Ἡ Θεία Λειτουργία*» вошел в указанное московское издание как одна из его составных частей. Сборник, составленный непосредственно в связи с исправлением богослужебного устава патриархом Никоном и названный им «Скрижали духовные», отражает важнейшие элементы церковной реформы. Издание включает в себя статьи «учительно-законодательного характера, излагающие основы христианского учения и все дело исправления книг и обрядов»³² в России в середине XVII в. Сборник состоит из 15 статей, первой и важнейшей из которых как раз и является перевод толкования на литургию Иоанна Нафанаила, названного в оглавлении «Пре(д)зрение главизное на едину куюждо бываемыхъ скрыжалей и таинствъ, въ бжезвенномъ священнодействии собранное о(т) Иоанна иереа Нафанаила». (Отметим, что, возможно, по особой важности текста, данному разделу в оглавлении не дано номера.) Лебединская так характеризует значение переводного текста: «Для исправления чина литургии необходимо было кроме служебников иметь и хорошее толкование главнейшей христианской службы. Такового не было <...>, книга Иоанна Нафанаила оказалась подходящей. По славам патриарха Никона “сию настоящую книгу, юже глю скрижали духовныя или откровение таинъ црковныхъ” прислал ему “по умалению нашему” вселенский патриархъ Паисий “в лето 1653³⁴»³⁵. Таким образом, А.П. Лебединская в двух работах не просто дает подробное кодикологическое описание двух старопечатных книг, но и прослеживает историю подготовки к печати важного в идеологическом значении издания XVII в.

Описывая старопечатные русские книги XVI в., Александра Петровна выбрала аспект изуче-

ния, связанный с ее искусствоведческими интересами. В работе 1930 г., рассматривая и давая кодикологию ранних русских печатных Евангелий, исследовательница, в частности, установила, что в них, также как и в инкунабулах, первоначально использовались изготовленные вручную миниатюры³⁶. Лебединская первая отметила эту особенность старопечатной русской книги, 16 октября 1935 г. сделала доклад по теме в Институте книги, документа и письма и получила на этот доклад положительные отзывы Д.В. Айналова и А.И. Малейна³⁷.

Работа 1935 г. о первопечатной Псалтири «без выхода»³⁸ (середины XVI в.) представляет собой законченную статью с полным кодикологическим и палеографическим описанием единственного известного автору на тот момент экземпляра рассматриваемого издания. Подробнейшее описание, в котором учтена довольно обширная литература по вопросу, позволяет А.П. Лебединской обоснованно уточнить место и время издания, назвать имена предполагаемых печатника и резчика и продемонстрировать наличие в орнаментах заставок и инициалов явного влияния итальянских образцов.

Для некоторого подведения итогов работы А.П. Лебединской по изучению русской старопечатной книги (а работа эта практически имеет очень грустные результаты – несколько больших подготовленных к печати рукописей и ни одной опубликованной статьи!) необходимо упомянуть еще несколько подробностей. В автобиографии, датированной 1 декабря 1937 г., Александра Петровна пишет: «<...> составила большие картотеки по русским древностям и библиографические указатели. В настоящее время работаю над большой книгой о “Начале русского книгопечатания” <...>. В 1935 г. вышла последняя работа “Материалы для библиографии Ивана Федорова” / Ак. Наук 1935 г. Юбилейный сборник “Первопечатник Иван Федоров”»³⁹.

Статья «Заметки об одной надписи “XII века”» (машинопись, 26 сентября 1930 г.)⁴⁰ посвящена передатировке времени создания серебряной задравной чары из собрания Оружейной палаты. Работа, касающаяся, казалось бы, очень частной проблемы, дает нам пример тонкого текстологического анализа надписи и элементов декора на предмете прикладного искусства. Лебединской удалось показать на лексическом и графическом уровне, что временем создания чары был, вероятно, не XII, а конец XV – начало XVI вв. Сопоставление основной части декора – процветшего креста – с аналогичными изображениями на новгородских печатях XV в. позволило ей предположить, что местом изготовления чары был север Руси, а не юг, как считалось ранее. Небольшая статья имеет библиографию из 76 названий.

Особое место среди рукописей Александры

Петровны, хранящихся в БАН, занимает статья «С Вятки на Москву и обратно. /Эпизод из истории древнерусского искусства XVI в./» (1931 г.)⁴¹. Материалом изучения здесь стала шелковая вышитая в середине XVI в. пелена с иконы Николы Великорецкого⁴². Изучение древнерусского лицевого шитья было одной из очень любимых Лебедянкой тем, которыми она занималась в «последнее служебное время <...> для повышения своей квалификации»⁴³ и которой посвятила целый ряд (более 10) неопубликованных до сих пор работ⁴⁴. Исследовательница изучала шитую лицевую пелену с разных точек зрения: и текстологически надпись на ней, и иконографию вышитого образа Николая Чудотворца, и связанную с шитьем пелены историю реставрации иконы в XVI в. Лебедянская попыталась подтвердить новгородские корни чудотворной иконы Николы из Вятки, а также доказать, что иконография образа святого, шитая на пелене, по существу единственная сохраняет для нас подлинное изображение Николы Великорецкого, явленное на иконе в последней четверти XIV в.⁴⁵

Налаженная жизнь отделения закончилась через четыре года. Осенью 1929 г. в библиотеке работала Комиссия по проверке аппарата Академии наук СССР. В результате ее трудов 13 ноября 1929 г. трое сотрудников рукописного отделения – Покровский, Фетисов и Еремин – были уволены с формулировкой: «снять с работы в Академии наук по ПЕРВОЙ категории»⁴⁶. П.Г. Васенко повезло чуть больше, он был уволен с формулировкой «снять с работы по II категории, не возражая против его работы в других учреждениях по специальности»⁴⁷. Хуже всех пришлось Заозерскому. Комиссия постановила:

принимая во внимание, что Заозерский «является абсолютно чуждым советской общественности и строительству элементом, с работы в Академии наук снят по первой категории, запретив навсегда работать в государственных, общественных и кооперативных учреждениях»⁴⁸.

Библиотекарь А.Н. Коргуева была уволена за месяц до этих событий с формулировкой «по рационализации». А.В. Петров скончался в 1927 г. Б.М. Энгельгардт уволен по статье 47 КЗоТ «как находящийся под арестом 2 месяца с 16 ноября 1930 г.»⁴⁹ 18 ноября 1930 г. по сокращению штатов уволены А.П. Лебедянская, П.В. Булычев и Н.В. Тимофеев. К концу 1930 г. у Срезневского остались две сотрудницы: С.А. Щеглова и Н.Г. Богданова. Тогда же рукописное отделение перестало существовать как архив: все личные фонды и фонды учреждений были переданы в Пушкинский Дом, Архив Академии наук, Центрархив и др. Георгий Алексеевич Князев, член Комиссии по распределению архивных материалов, писал в своих дневниках о рукописном отделении: «1929 год разметал старый состав. Но Срезневский, создатель Рукописного отделения, остался. Пришедшие новые люди как-то не устраивались там и искали лучшего»⁵⁰.

Подводя итоги, мы можем сказать, что Александре Петровне повезло в библиотеке. Она работала в хорошем коллективе специалистов, занималась нужной и интересной работой по специальности, пережила чистку злополучного 1929 г. (несмотря на то, что ее отец был выслан в 1929 г. в ссылку в Кемь) и нашла новую хорошую работу по специальности – сначала в Центральной библиотеке Главного геолого-разведочного управления, а затем в Артиллерийском музее.

¹ Рукописное отделение переехало за 8 дней, 11–19 июля 1924 г.

² Ранее рукописи выдавали в общий читальный зал.

³ Утверждено Общим собранием АН СССР 5 декабря 1925 г.

⁴ В 1928 г. в связи с общим режимом экономии штат был снова уменьшен, до 149 человек.

⁵ Список вновь избранных сотрудников библиотеки см.: ПФА РАН. Ф. 158. Оп. 3 (1925). Д. 34. Л. 10, 102.

⁶ Там же. Л. 148.

⁷ Там же. Д. 35. Л. 6–23. В списке указаны только фамилия, имя и отчество, без всяких других сведений.

⁸ Там же. Л. 14.

⁹ Там же. Д. 13. Л. 3.

¹⁰ Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.-Л., 1958. Вып. II. С. 57–58.

¹¹ История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. М.-Л., 1964. С. 361.

¹² См. о нем: ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1093 («Дело о службе»); Там же. Д. 5551 («Трудовой список»).

¹³ См. о нем: Там же. Д. 960 («Дело о службе»); Там же. Д. 5141 («Трудовой список»).

¹⁴ См. о нем: Там же. Д. 1883 («Дело о службе»); Там же. Д. 5952 («Трудовой список»).

¹⁵ См. о нем: Там же. Д. 1317 («Дело о службе»); Там же. Д. 4905 («Трудовой список»). «Curriculum vitae» и список

печатных работ см.: Архив БАН. Оп. 8. Д. 28. Л. 2–6.

¹⁶ Сведения о его службе и список работ см.: Там же. Л. 7–8 об.

¹⁷ Список см.: Там же. Л. 29–30.

¹⁸ См. о нем: ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 949 («Дело о службе»); Там же. Д. 5115 («Трудовой список»).

¹⁹ Срезневский В. Об А. В. Петрове // Архив БАН. Оп. 8. Д. 28. Л. 14.

²⁰ Там же. Л. 20.

²¹ Архив ВИМАИВиВС. – АВИМАИВиВС. Ф. 3р. Оп. 13. Д. 569. Л. 4.

²² ПФА РАН. Ф. 158. Оп. 3 (1927). Д. 15. Л. 482 об., 509 об.

²³ Архив БАН. Оп. 8. Д. 20. Л. 29 об., 92, 99, 100. В 1927 г. в Рукописное отделение поступило собрание лубочных картин, преимущественно относящихся к войне 1914–1917 гг., дар душеприказчика Шляпкина.

²⁴ ПФА РАН. Ф. 158. Оп. 3 (1928). Д. 21а. Л. 1–3, 15, 17 об., 23, 26, 35 об.

²⁵ Там же. Оп. 3 (1929). Д. 24а. Л. 4–5 об.

²⁶ Там же. Оп. 3 (1928). Д. 15. Л. 5 об.

²⁷ Архив БАН. Оп. 8. Д. 28. Л. 9–10. Кроме трудов А.П. Лебедянкой, которые будут перечислены в тексте статьи, найдена одна ее рукопись в ПФА РАН. Ф. 58 Оп. 5. Д. 18. Это автограф «Русская печатная книга (Каталог юбилейной выставки)». 21 л. Текст состоит из 2 разделов: «Книги “старопечатные” (кирилловские) XVI–XVIII вв.»

(описано 30 книг) и «Книги “гражданской” печати», 1708–1725 гг. (описано 23 книги).

²⁸ Архив БАН. Оп. 8. Д. 28. Л. 9–10.

²⁹ Там же. Л. 9.

³⁰ БАН. Собр. Авт. мат. Д. 2/4. Запись на обложке.

³¹ Там же. Д. 2/1. Л. 125

³² Там же. Л. 1.

³³ В скобках здесь и в дальнейшем помещена выносная буква, буквы «ять» графически передаются как «е», «ук» как «у», «омега» как «о».

³⁴ Дата в первоисточнике дана буквами и от Сотворения мира.

³⁵ Собр. Авт. мат. Д. 2/2. Л. 11.

³⁶ Там же. Авт. мат. Д. 2/3. 35 л.

³⁷ Там же. Л. 2–3.

³⁸ Там же. Д. 2/4. 28 л.

³⁹ АВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 13. Д. 569. Л. 5.

⁴⁰ Собр. Авт. мат. Д. 2/5. 15 л.

⁴¹ Там же. Д. 2/6. 8 л.

⁴² А.П. Лебедевская делает отсылку в рукописи о том, что

указанная пелена хранилась в то время в Русском музее в отделе № 6. см. Собр. Авт. мат. Д. 2/6. Л. 7, сноска № 9.

⁴³ АВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 13. Д. 569. Л. 5.

⁴⁴ См. в этой статье перечень неопубликованных статей А.П. Лебедевской.

⁴⁵ Об иконографии образа Николы Великорецкого см. Нечаева Т.Н. Иконография Великорецкого образа святителя Николая Чудотворца в русской иконописи XVI в. // «Правило веры и образ кротости...». Образ свт. Николая, архиепископа Мирликийского, в византийской и славянской агиографии, гимнографии и иконографии. М., 2004. С. 439–455. В статье шитый на пелене XVI в. образ Николы Великорецкого не учтен.

⁴⁶ ПФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 949. Л. 18; Д. 1175. Л. 16; Д. 5551. Л. 6.

⁴⁷ Там же. Д. 874. Л. 12.

⁴⁸ Там же. Д. 5141. Л. 10–11.

⁴⁹ Там же. Л. 18.

⁵⁰ Там же. Ф. 929. Оп. 2. Д. 101. Л. 153.

Архив русской артиллерии XVII в. и проблемы его изучения

Развитие вооруженных сил в XV–XVII вв. было обусловлено развитием огнестрельного оружия, поэтому артиллерия в армии любого европейского государства справедливо занимала одно из главных мест. Произошедшая в Европе «пороховая революция» в корне изменила облик войн.

В России того времени «огнестрельному наряду» уделялось самое пристальное внимание. Производство орудий на всем протяжении XV–XVII вв. являлось одним из важнейших государственных дел, так как оно было связано с важными элементами экономического развития государства. Артиллерия не просто олицетворяла собой военную мощь, но и являлась своего рода «двигателем прогресса» – именно ее развитие было связано не только с инженерным искусством и фортификацией, но и с ростом горной, пороходельческой, железоделательной и литейной промышленности.

Название статьи и выбор темы не случайны. Еще в 1889 г. под руководством Д.П. Струкова был издан фактически первый обзор документов из архива Артиллерийского музея, названный «Архивом русской артиллерии»¹. Однако неизученность переданных из ГАУ в Артиллерийский музей дел Пушкарского приказа стала причиной того, что своим трудом Д.П. Струков обошел вниманием уникальный комплекс источников допетровского времени.

Под понятием «архив русской артиллерии» мы имеем в виду массив документации из разных фондов государственных учреждений XVII в., отражающий какие-либо сведения об «огнестрельном наряде». Историк, обратившийся к изучению отечественной артиллерии, может быть введен в заблуждение той иллюзией, что будто бы все основные материалы по этой теме должны храниться *только* в делах Пушкарского приказа, ибо самоназвание этого учреждения означает «артиллерийское ведомство». Если исследователь рассматривает функции Пушкарского приказа через призму структур государственных учреждений XVIII–XIX вв. – коллегий и министерств и проводит соответствующие параллели, то делает крупную системную ошибку. В реальности, несмотря на тенденции к централизации управления, приказная система российского

государства характеризовалась нечеткостью сфер деятельности, параллелизмом функций. Пушкарский приказ являлся лишь централизованным органом производства артиллерии в Москве, но никак не на периферии. Сложная система приказной бюрократии XVII в., при которой сферы деятельности государственного учреждения то сужались, то расширялись, формировала определенные межведомственные отношения с другими государственными учреждениями. По финансовым вопросам артиллерийское ведомство переписывалось с Большим Дворцом, Большой казной, Казенным, Хлебным и четверными приказами. По вопросам материального снабжения велась переписка с Каменным (материалы на крепостное строительство и пушечные раскаты), Конюшенным (обеспечение подвод для орудий, посылка «лошадиного свежего калу» для формовки пушек и др.), Ямским (обеспечение посохи), Аптекарским (пересылка металлов, инструментов, скляниц «для селитренных и зелейных опытов») приказами. По военным вопросам имелись сношения с Рейтарским, Стрелецким, Иноземным, Разрядным, Сибирским, Малороссийским (памяти о присылке в города и полки пушек и снарядов «по образцу», о производстве различных видов боеприпасов) приказами. Вследствие реорганизации некоторых отделов («столов») Пушкарского приказа часть артиллерийской документации кочевала по разным государственным учреждениям, «вливалась» в фонды других приказов, затем, с начала XVIII в., в архивы коллегий, с начала XIX в. – министерств, и ...предавалась забвению на долгие годы.

Фондообразование архива русской артиллерии образно можно представить в виде дерева, «стволом» которого является документация Пушкарского приказа, а ответвлениями – дела других учреждений, чья деятельность так или иначе была связана с артиллерией и артиллерийским ведомством. Подобная «разветленность» создает определенные сложности, отягощенные, кроме того, отсутствием единого фонда Пушкарского приказа в пределах одного государственного архива и распыленностью архивов других приказов. Между тем, главное значение документации Пушкарского приказа в том, что при всей трафаретности и повто-

ряемости она дает объемную картину военной промышленности. Никакой другой источник не может сравниться с ней по степени подробности.

Несмотря на обилие источников, до сегодняшнего времени объем военной продукции и развитие артиллерийского вооружения в России допетровского времени мало изучены. Проблемы в исследовании заключаются в том, что практически отсутствуют работы, непосредственно посвященные источниковедческому изучению архива русской артиллерии XVII в.², которые включали бы в себя не только анализ документов Пушкарского приказа, но также и рассмотрение пласта приказных источников других военных приказов – Разрядного, Стрелецкого, Оружейного и т.д. Разобраться в этом клубке переплетения функций довольно не просто. Поэтому данная статья ни в коей мере не претендует на полноту и завершенность. Даже объем солидной монографии не может технически вместить работу по выявлению всех фондообразователей архива русской артиллерии. Надо учесть, что сам Пушкарский приказ руководил литейными работами только в Москве, а на периферии производство орудий ведалось в «четвертных» (Устюжская четь, Новгородская четь), Разрядном, Оружейном, Малороссийском, Сибирском и других приказах, собрание которых только в РГАДА составляет несколько тысяч единиц хранения. Кроме того, среди документов того же артиллерийского ведомства мы не найдем ни одного дела о боевом применении и тактическом использовании «огнестрельного наряда», так как боевыми действиями на полях Русско-польской 1654–1667 гг., Русско-шведской 1656–1658 гг. и Русско-турецкой 1673–1681 гг. войн руководили Разряд, приказ Великого государя тайных дел и Малороссийский приказ. Поэтому одна из серьезных проблем в исследовании отечественной артиллерии заключается как в определении приказных фондов, содержащих сведения об артиллерии, так и в прослеживании судьбы того или иного приказного архива. Самый характерный и наглядный пример – история главного фондообразователя архива русской артиллерии, Пушкарского приказа.

После пожара 1812 г. долгое время считалось, что его документация полностью погибла. Выявленные в 1830–1870-х гг. Императорской археографической комиссией отдельные акты, по сути, являлись лишь «каплями в море». Е.Б. Сташевский в своей работе отмечал, что «архив Пушкарского приказа не известен и исследователь лишен возможности восстановить подготовленную к войне деятельность приказа во всем ее объеме»³. Также и С.К. Богоявленский ошибочно полагал, как и многие другие исто-

рики, что архив Пушкарского приказа, «хранившийся при Московском Артиллерийском Депо, надо считать погибшим...»⁴. Работы А.П. Лебедевской середины XX в. по Пушкарскому приказу⁵ и судьбе его архива⁶ мало известны научной общественности. До настоящего момента отечественная историография не сформулировала проблемы изучения сохранившегося архива артиллерии.

В результате развития отечественной архивной системы основное количество документов попало в Санкт-Петербург.

В архиве СПбИИ РАН «пушкарские» дела находятся в собрании фонда И.Х. Гамеля (Описи 1, 2 и 3-я дополнительная). В фонде 532 (основное собрание актов и грамот) Отдела рукописей РНБ (ранее – ГПБ) имеется сравнительно немного материалов об артиллерии с 1627 по 1701 гг., прежде составлявшие частные собрания М.П. Погодина, С.Д. Шереметева и Ф.А. Толстого. До 1964 г. в ГПБ находился фонд № 38 (Артиллерийский приказ), содержащий некоторые книги Пушкарского приказа конца XVII в. («Вседневная книга» 1700–1702 гг.; «Опись орудий» 1695 г.; «Книга приходных денег»; «Приходная книга всяких припасов» 1694 г. и др.). В 1964 г. фонд полностью был передан в Центральный государственный военно-исторический архив (ныне РГВИА), и в настоящий момент дальнейшую судьбу этого фонда не удастся восстановить.

Наиболее крупным из всех рукописных собраний является фонд Пушкарского приказа (№1) ВИМАИВиВС, содержащий столбцы и книги артиллерийского ведомства 1627–1700 гг. В фонде приказа Военного морского флота (№ 177) РГА ВМФ хранится переписка с Пушкарским приказом, из которой можно обнаружить данные о производстве и состоянии «огнестрельного наряда» в конце XVII в.

Собрания петербургских архивов составляют примерно 2/3 всех сохранившихся документов Пушкарского приказа.

В Москве материалы Пушкарского приказа по артиллерии находятся в Отделе письменных источников ГИМ (фонд А.С. Уварова), Отделе рукописей РГБ (фонд Н.П. Румянцева), в Российском государственном архиве древних актов. В РГАДА имеются как фондовые включения в другие приказные архивы (фонды Приказных дел старых лет № 141, Разрядного приказа № 210, Оружейной палаты № 396 и др.), так и отдельный фонд Пушкарского приказа № 1470. В составе последнего находятся приходо-расходные столбцы Пушечного двора и Пушкарского приказа за 1650–1651, 1674–1676, 1677–1678, 1699 гг., всего 444 единицы хранения⁷. Таким образом, сведения, сообщенные ранее А.В. Черновым, о том, что в ЦГАДА (ныне – РГАДА) всего 6 дел

Пушкарского приказа⁸, не соответствуют действительности.

Большинство артиллерийских дел Пушкарского приказа посвящены материально-технической стороне «огнестрельного наряда», главным образом литью. Указы, наказы, памяти, сказки, росписи, записи книг учета и другие документы рассказывают об истории создания осадной, войсковой, городской и полковой артиллерии на всех этапах производства – от заказа орудий и до испытаний их на полигонах.

Если Пушечный двор полностью подчинялся Пушкарскому приказу, то Тульские и Каширские железоделательные заводы, специализировавшиеся на выпуске чугунных орудий калибром от 2 до 12 фунтов, только отчасти контролировались артиллерийской канцелярией с 1649 г., но в 1654 г. они были отданы в Большую казну. Затем эти предприятия ведались в приказе Великого государя тайных дел и Оружейной палате. В 1667 г. они вновь отданы в Пушкарский приказ⁹. А в следующем году заводы стали подведомственны Посольскому приказу. В указах этого времени отмечено: «...что надобно будет в Пушкарский приказ, и то отсылати и ссылатся о том памятьми...»¹⁰ И если книги учета производства и приходо-расходная документация не уцелела до наших дней, то сохранились переписные, описные и отказные книги заводов, которые составлялись при передаче заводов из приказа в приказ¹¹. Подробные описи заводского имущества, складов и военной продукции позволяють оценить масштабы производства орудий.

Небезынтересно упомянуть здесь о документах, в которых отражены сведения, пусть даже и мимолетные, касающиеся производства оригинальных, экспериментальных образцов русского оружия. Так, в приказных архивах можно найти упоминания о «пищалих, что с лошадей стреляют» (челобитная Х. Иванова 1661 г.)¹², «деревянных пушках» (дело 1671 г.)¹³, ручных мортирках (роспись 1678 г.)¹⁴, «складных» и «разборных» мортирах (записи 1692 г.)¹⁵ и др.

Источники по истории осадной артиллерии

Вся промышленная документация о производстве тяжелой осадной артиллерии хранилась в архиве Пушкарского приказа. В настоящее время корпус промышленной документации по этой теме нельзя назвать полным. Разрозненные акты из ОР РНБ и ОПИ ГИМ, к примеру, упоминают об отдельных случаях отливки тяжелой артиллерии и не дают целостной картины производства. В этом случае достаточно информативны приходо-расходные и записные книги Пушкарского приказа (РГАДА. Фонд № 1470; АВИМАИВиВС. Фонд № 1; АСПБИИ РАН. Фонд 175), среди

которых не мешает отметить «Книги расходные» за 1644–1645, 1655, 1683 гг.¹⁶, «Книгу приходо-расходную пушкам и пищалям, находящимся в Москве...» 1694 г.¹⁷, ««Тетрадь записную всяким делам денежного стола» 1700 г., отражающую моменты литья с 1660-х по 1690-е гг.»¹⁸ и др. И, наконец, особняком стоят росписи московских орудий¹⁹, которые также представляют собой ценный источник. По ним можно реконструировать пушечное производство с XVI в., узнать, какие орудия отличались, их характерные признаки и размеры. При сравнении их с другими документами открывается впечатляющая картина артиллерийского производства в Московской Руси.

Но по перечисленным материалам невозможно узнать, каким образом отлитые орудия вписывались в структуру постоянно пополнявшегося «государева большого осадного наряда». Для выяснения организации осадного инженерно-артиллерийского корпуса русского войска XVII в. необходимо привлечь документы Разрядного приказа (РГАДА. Фонд 210) и Оружейной палаты (РГАДА. Фонд 396)²⁰.

В описях и сметных книгах Москвы, Пскова, Новгорода и Смоленска встречаются уникальные подробные характеристики крупных проломных орудий, которые в случае необходимости могли входить в состав «большого государева наряда». Так, по «сметной книге» 1696 г. в Пскове базировались тяжелые пищали «Троил» (60 фун.), «Аспид» (45 фун.), «Лев» (40 фун.), «Медведь» (40 фун.), «Соловей» (25 фун.), «Раномыжская» (20 фун.), «Барс» (17 фун.), «Грановитая» (15 фун.), «Соловей» (15 фун.), гигантская верховая пищаль «Ягуп»²¹. В Новгороде – пищали «Свиток» (40 фун.) и «Скоропея» (24 фун.)²². В Смоленске, согласно «Описи Смоленску приему пушкарского головы Прохора Шубина» 1671 г. – «Базл» (50 фун.), «Онагр» (47 фун.), «Брат» (35 фун.), «Острая Панна» (35 фун.), «Дедок» (19 фун.), «Левик» (15 фун.), «Лисица» (12 фун.) и др. Как правило, описания орудий включают в себя калибр, вес, длину ствола и характерные признаки, «которая пищаль меры в длину, и сколько весу и признаки московского литья или немецкого». Иностранная артиллерия («по иноземному образцу») также входила в состав осадного парка. С 1632 г., и наиболее массово – с 1654 г., в «большой государев наряд» входил «Большой голландский наряд», по сути артиллерийский полк из 25–34 стволов новейшей нидерландской артиллерии.

Скорее всего, тяжелые голландские орудия закупались через Посольский приказ, привозились к Архангельску и поступали под ответственность Новгородского приказа, в обязанность которого входила их доставка в Москву. К большому сожалению, рассмотреть матери-

ально-техническую часть «Большого голландского наряда» в 1655–1667 гг. не всегда представляется возможным, так как множество ценных документов о комплектовании иностранной артиллерии погибло, среди которых были «росписи Смоленскому и Галанскому пушечному наряду... за рукою дьяка Михаила Воинова»²³. Ни одной «уговорной записи о привозе пушечного образцового наряда» в делах Пушкарского приказа не сохранилось, хотя в «росписи, что отобрано ис Приказу Тайных дел Пушкарского приказу дел» 1676 г. упоминания о таких документах присутствуют, например: «Уговорная запись в тетратех гостя Петра Микляева города Любека з гостем Яганом фон Горном, что ему, Ягану, поставить у Архангельского города 18 пушек по образцам...»²⁴

В этом случае исключительную ценность представляют дела «территориальных столов» Разрядного приказа. В частности, сохранилось дело о доставке «большого галанского наряда» (25 орудий) из Москвы в Путивль в 1673 г., состоящее из указов, «памятей», челобитных и записей Разрядного приказа, которое позволяет в некоторой степени проследить организацию артиллерии «иностранного образца» в России, несмотря на то, что часть сставов находится в плохом состоянии²⁵.

Согласно подсчетам А.К. Левыкина, исследовавшего разрядные материалы южно-русских городов, «Большой государев наряд» к 1670-м гг. состоял из 69 тяжелых и 124 средних орудий²⁶.

Кроме «осадного наряда» в воеводских полках имелась войсковая артиллерия, так называемый «наряд у разрядного шатра». Название обозначает и место расположения орудий – артиллерийский резерв, при воеводе. В каждом военно-территориальном округе (разряде) имелась своя войсковая артиллерия. Документы Разрядного приказа являются незаменимым источником по изучению «наряда у разрядного шатра», так как состав артиллерии комплектовался стихийно руководством из городских и «присыльных» орудий²⁷. Согласно «росписи походу» 1679 г. в Новгородском разряде «наряд у шатра» состоял из 4 орудий калибром в 2, 3, 4, 15 фун., в Казанском – из 10 пищалей калибром в 2 фун. и 2-пуд. мортиры. В Белгороде войсковая артиллерия формировалась «из городов Белгородского полку (разряда. – А.Л.) для походов, потому что в Белгороде такова походного наряду не бывало»²⁸, и включала 8 орудий калибром в 4, 6, 7 фун.

В то же время документы Разрядного приказа не дают никакой информации о нормативной базе комплектования, и, тем самым, вопрос о структуре и организации «наряда у разрядного шатра» остается открытым.

Источники по истории городской (крепостной) артиллерии

С начала XVII столетия Пушкарский приказ осуществлял контроль над всеми крепостями европейской части России. В дальнейшем часть «городовых дел» перекочевала в другие приказы. Сметный список 1629 г. перечисляет только 83, а список 1637 г. – 64 города в ведомстве Пушкарского приказа²⁹. К 1647 г., по неполным данным, городской стол контролировал артиллерию около 100 крепостей³⁰. С конца 30-х гг. XVII в. города Новгородской земли ведались в Новгородской четверти, Приморские города – в Устюжской четверти, Понизовье и Мещерские города до 1672 г. подчинялись приказу Казанского дворца, а «огненный наряд» в Сибирских городах – Сибирскому приказу³¹. Особой неустойчивостью отличались отношения с Разрядным приказом. К примеру, Пронск и Валуйки только с 1626 по 1633 гг. 4 раза переходили под власть того и другого приказа³², что вынуждало одни и те же отписки воеводы посылать сразу в два приказа³³. Как правило, города, не подведомственные Пушкарскому приказу, снабжались артиллерией по запросу.

Архивы московских приказов оставили колоссальный массив документации по истории крепостной артиллерии российского государства. Самыми объемными собраниями обладает РГАДА, фонды которого (ф. 137 «Боярские и городовые книги»; ф. 141 «Приказные дела старых лет»; ф. 210 Разрядный приказ, Столбцы и книги разрядных столов, Дела разных городов; ф. 396 Оружейная палата и др.) насчитывают несколько тысяч единиц хранения. Поднять из этого комплекса весь пласт источников по вооружению каждого города практически невозможно по причине именно массовости. Большую роль играют краткие сводные документы по артиллерии Замосковных, Поморских, Заоцких, Северских, Украинных, Низовых и прочих городов, так называемые «описные книги», фиксировавшие происходившие изменения в вооружении крепостей. Источником их составления послужили воеводские отписки о состоянии укреплений. Воеводы старались всегда указать на недостаток орудий, на плохое состояние укреплений, предлагали некоторые рекомендации по решению проблем. Отписки присылались в подведомственные приказы, где информацию делили на несколько частей: сведения об артиллерии заносились в росписи наряда и описные книги, об укреплениях – в описи укреплений, о служилых людях – в сметные списки. Таким образом, описные книги представляют собой своего рода конспект артиллерийского вооружения.

Из всей массы источников по истории кре-

постной артиллерии необходимо отметить «Описную книгу пушек и пищалей, учиненную в царствование Михаила Федоровича» 1647 г. (100 крепостей) и «Опись городов, ведомых в приказе» 1678 г.³⁴, (142 крепости). Даже при работе с этими источниками историк сталкивается с большим количеством данных (до 3500 орудий, несколько тысяч пудов пороха, ядер и т.д.). Поэтому зачастую подобные массовые источники приходится подвергать статистической обработке. В качестве примера количественного анализа «Описной книги пушек и пищалей» 1647 г. можно сослаться на работу А.Н. Кирпичникова³⁵.

Источники по истории полковой артиллерии

Архив Стрелецкого приказа погиб в пожаре времен Анны Иоанновны, а оставшиеся от него крупницы, включенные в состав фондов Разрядного и Малороссийского приказов и Оружейной палаты, доносят лишь мимолетные сведения об артиллерии *стрелецких приказов*. Единственная уцелевшая Записная книга Стрелецкого приказа за 1689/90 гг. также не содержит ценных данных³⁶. В связи с этим практическое значение в выяснении некоторых вопросов стрелецкого наряда имеет переписка Пушкарского и Стрелецкого приказов, отложившаяся в фонде № 1 архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Здесь важно отметить «роспись медному наряду, которой прислан из дворца» 1671 г.³⁷, дела о присланных из Москвы медных пищалях в стрелецкие полки Г. Соловцова³⁸, И. Волжинского, В. Ефимьева, О. Салова³⁹, С. Родышевского, С. Расловлева⁴⁰, Б. Пыжова, А. Жукова⁴¹, Г. Остафьева, В. Пушечникова, Л. Грамотина, Ф. Головленкова⁴², Ю. Лутохина, И. Полтева и В. Бухвостова⁴³. Полноценным дополнением к этому комплексу источников примыкают также росписи полкового имущества 1678–1679 гг. девяти стрелецких полков, составленные в Белгородском столе Разряда на основании справок из Стрелецкого и Пушкарского приказов⁴⁴. Именно анализ подобных источников позволил рассмотреть заключительные этапы реформ по перевооружению пехотных полков старой формации к 1680-м гг., что и было сделано в нашей статье⁴⁵.

Полковое делопроизводство пехотных соединений «нового строя» раскидано среди тысяч столбцов и книг рукописных собраний.

Дела об *артиллерии драгунских полков* с 1640 по 1676 гг. хранились в Приказе драгунского и солдатского отпуска, который в те времена ведал комплектованием драгунских и некоторых солдатских региментов. К сожалению, его архив в XVIII–XIX вв. разделил печальную судьбу Рейтарского приказа – он погиб в пожарах. Всего 26 единиц хранения

(1646–1648, 1675–1676 гг.) Приказа драгунского и солдатского отпуска было включено в фонд 396 (Архив Оружейной палаты)⁴⁶. Тем не менее, тот массив документации, который остался до наших дней, позволяет обозначить некоторые особенности артиллерийского вооружения «ездящей» пехоты XVII столетия, по крайней мере, со второй половины XVII в.

Так, полковые росписи Московского, Севского и Белгородского столов Разрядного приказа показывают большой «разброс» пушек в драгунских региментах. Если ранее, в Смоленскую войну один из первых сформированных драгунских полков 12-ротный полк Александра Гордона имел на вооружении 12 легких коротких орудий «по немецкому образцу», то в Тринадцатилетнюю войну 1654–1667 гг. количество пищалей в регименте сокращается до 5–6, а к 1670-м – до 2-х. «Роспись припасов» в составе книги № 98 Белгородского стола показывает, что полковник Ю. Инглис в 1675 г. считал достаточным в драгунском полку иметь 6 пищалей, а полковники А. Гамолтон, К. Фанбуковен – две, и «в прибавок» они не просили доставить дополнительное вооружение⁴⁷. Другая полковая роспись артиллерии полку Любима Вяземского вообще фиксирует только одну двухаршинную пушечку калибром 3/4 фунт.⁴⁸ Два орудия имел на вооружении в феврале 1678 г. драгунский полк Патрика Гордона⁴⁹. Таким образом, анализ такого рода документов позволяет сделать вывод, что шесть полковых орудий⁵⁰ в драгунском регименте 1660-х – 1670-х гг. – это максимум; «ездящая пехота» отличалась от солдатских частей исключительной мобильностью передвижения, и наличие в ней большого числа орудий, притом длинных 2-фунтовых, было ни к чему⁵¹. То есть драгунские полки, по сути, являлись «облегченными» в артиллерийском отношении частями по сравнению с солдатскими полками. С 1680-х гг. некоторые из них стали обеспечиваться оригинальными конно-вьючными орудиями «с седлы и с кругами».

Ни документы Разряда, ни остатки делопроизводства Пушкарского приказа не показывают наличия легкой артиллерии в рейтарских полках (в драгунских шквадронах рейтарских полков она также отсутствует). Только в некоторых документах Разрядного приказа есть упоминания о существовании в штатах полка «огнестрельных стрельб мастеров», которых, по всей видимости, направляли для снаряжения ручных гранат⁵². Вышесказанное позволяет сделать вывод, что артиллерия к тому времени еще не могла сопровождать кавалерию, да и огневой мощи рейтарам, вооруженным пиштолетами и карабинами, хватало.

При исследовании артиллерии самых массовых соединений XVII в. – солдатских полков –

исследователь сталкивается с проблемами иного плана, нежели при изучении стрелецкого и драгунского полкового наряда. Документов о комплектовании пехотных частей за 1650–1680-е гг. достаточно много, несмотря на то, что архивы приказов Иноземского, Сбора ратных людей, Казанского дворца, Драгунского и солдатского отпуска и др. «почили в бозе». Полковые росписи, отписки воевод, описные книги второй половины XVII в. московских приказов обладают достаточной информативностью, чтобы проследить основные тенденции развития полкового артиллерийского вооружения. Но, к сожалению, это нельзя сказать относительно документов первой половины XVII в.

Материалы Пушкарского приказа почти не сохранили сведений о посылке в формировавшиеся солдатские полки артиллерии в 1630–1640-х. Имеется несколько дел приказа, а также несколько записей, составленных «по росписям ис Пушкарского приказу» периода начального этапа формирования «нового строя ратных людей» 1630–1634 гг. Среди всего прочего упоминается деятельность в Москве шведского мастера Юлиуса Коета. Так, в челобитной П.Захарова (подана в Пушкарский приказ в 1638 г.) отмечается, что к нуждам предстоящей войны Ю.Коет делал «короткие пищали по своему немецкому образцу»⁵³. Согласно росписи Пушкарского приказа (включена в разрядную книгу Смоленского похода, август 1632 г.), к Смоленскому походу было приготовлено 116 коротких пищалей, «что литы по немецкому чертежу»⁵⁴. Однотипными орудиями оснащались все пехотные полки «по памятям ис Пушкарского приказу», согласно которым на одну роту приходилось по одному орудию⁵⁵.

Таблица 1

Полковая артиллерия солдатских полков в 1632–1634 гг.

Полк	Количество орудий	Количество рот
Кита	6	8
Маттисона	6	8
Кинемонта	8	8
Лесли	8	8
Ван Даме	8	8
Унзена	8	8
Росформа	8	8
Гордона ⁵⁶	12	12

На период второй половины 1630–1640 гг. вообще очень мало источников о полковой артиллерии пехотных полков. Но некоторые документы достаточно ярко демонстрируют производство полковых орудий. К примеру, толь-

ко 4 источника – челобитная А. Якимова 1641 г., память Г. Фальку 1640 г., приказная запись 1640 г. и «роспись пищальных образцов» 1641 г. показывают объемы производимого артиллерийского вооружения: всего с 1638 по 1641 гг., по неполным данным, пятью мастерами (А. Якимовым, Г. Фальком, М. Ивановым, Д. Кондратьевым, Н. Борановым) было отлито 186 полковых орудий калибром в 2, 3, 4 фун., пришедших на смену орудиям шведского типа⁵⁷.

Согласно полковым росписям второй половины XVII в., постоянной, регламентируемой какими-то уставами, численности орудий в полках не было. Во многом это зависело от полковников, каждый из которых считал нужным для своего регимента определенное количество пушек. Хотя надо отметить, что одного желания полковника иметь в своем полку необходимое число орудий, было мало. Окончательное решение принимал государь и руководство Пушкарского приказа, и результат этого решения зависел от наличия в оружейных складах нужного количества пушек. Часто в полковых росписях вместо перечня артиллерии стоит фраза, написанная дьяческой рукою: «сколько Государь укажет».

На период 1650–1660-х гг. сведений об отправке новоотлитой артиллерии в формировавшиеся пехотные регименты в настоящий момент нами не обнаружено. Но «конечный продукт» деятельности военных приказов по обеспечению «нового строя» – полковые росписи, отражающие «de facto» наличие артиллерии, – показывает сосредоточение орудий в войсках Севского, Московского, Казанского, Новгородского, Владимирского, Тамбовского и Белгородского разрядов.

К 1680/81 гг. была составлена «роспись перечневая ратным людем, которые в 189-м году росписаны в полки по розрядам», включающая Московский, Севский, Владимирский, Новгородский, Казанский, Смоленский, Рязанский, Белгородский, Тамбовский⁵⁸. Если сравнить ее данные с общими сведениями разрядных арсеналов, то можно составить общую картину артиллерийского вооружения пехотных полков русской армии:

Севский разряд. Франц Ульф (1347 чел.), А.А. Шепелев (выборный, 6534 чел.), М. О. Кравков (выборный, 1960 чел.), Михаил Вестов (1584 чел.), Николай Фливерк (1499 чел.), Тимофей Фандервидин (1566 чел.), Яков Ронорт (1150 чел.), Яков Фанфростен (1375 чел.), Самойло Вестов (1352 чел.), Яков Фангольстен (1387 чел.). По описи Севска 1694/95 гг. в арсенале числились 98 двухфунтовых пищалей пехотных полков, которые присланы в 1680 г.⁵⁹ Не известно, сколько находилось таких орудий во Мценске и Курске. С учетом того, что в это

Таблица 2

**Артиллерия пехотных полков
Белгородского разряда 1686 г.⁶⁴**

Полк	Количество орудий	Количество рот
Давыд фон Граама ⁶⁵	8	12
Ивана Грановского	7	8
Карлуса Ригимона	8	10
Христофора Кро	8	10
Якова Готфрида Эрнста	6	10
Даниила Пулста ⁶⁶	8	10
ИТОГО	45	60

время в Севске несли службу еще 3 стрелецких приказа, на которых приходилось 21 орудие, то на остальные 10 солдатских полков, включая двух выборных, приходилось от 77 до 90 пушек.

Белгородский разряд. В Белгороде: Яков Билс (1590 чел.), Вилим Шарф (1241 чел.), Карлус Ригиман (Ригимон) (1113 чел.). В Усерде: Андрей Борнет (1103 чел.), Кашпир Гулиц (852 чел.) (кроме того отряды солдат на Валуйках и в Чугуеве). Количество полковых пушек на протяжении 1675–1686 гг. не сильно менялось. В 1675–76 гг. в полках разряда числилось 39 полковых орудий, а в 1686 г. – 42 и еще «три пищали, которые присланы ис Курска в ... полк не отданы и устроены в Белегороде по сараям»⁶⁰.

Владимирский разряд: Иван Дубасов (894 чел.), Олферий Выберх (1322 чел.). 14 полковых орудий.

Новгородский разряд. Афанасий Росформ (1148 чел.), Мартын Гурик (1052 чел.), Яков Ловзин (960 чел.), Варфоломей Ронорт (1044 чел.). 26 полковых орудий.

Казанский разряд. Владислав Сербин (1421 чел.), Юрий Литензон (1335 чел.), Иван Гаст (1491 чел.), Иван Кегелкин (945 чел.), в Керенске: Анц Олофгран (1691 чел.), Матвей Бердовик (1426 чел.). 38–40 полковых орудий⁶¹.

Смоленский разряд. В Смоленске: у Ф.П. Салтыкова 2007 чел.⁶², Иван Юнкман (935 чел.). 6 полковых орудий.

Рязанский разряд. В Переславле-Рязанском: Яган Купер (1396 чел.), Петр Голст (1032 чел.). В Рязском: Иван Минстерман (1903 чел.), Гаврило Фалтурнер (1864 чел.). 38 полковых орудий.

Тамбовский разряд. Козлов: Юрий Франк (1512 ч.), Андрей Шниттер (1870 ч.), Табияс Калбрехт (1749 ч.), Мартын Болдвин (1729 ч.), Марк Траурнихт (1342 ч.). На Усмани: Елизарей Кро (1398 ч.), Яган Баров (1443 ч.). 48–52 полковых орудия.

Всего: 41 полк и от 289 до 308 полковых орудий.

Очередные сложности в исследовании полковой артиллерии заключаются в том, что полки, также как и командиры, часто меняли место службы, и по государеву указу передислоцировались в другие разряды, при этом сдавали старые пушечные припасы в арсенал и получали другие уже на новом месте⁶³.

Далеко не во всех случаях артиллерийскому управлению удавалось обеспечить каждую роту пехотного полка орудием. На примере росписи артиллерии полков Белгородского разряда 1686 г. можно заметить, что от одной до четырех рот в полку были «безпушечными»:

К 1686 г. белгородские regimenty имели на вооружении до 49% новейших орудий (22 пищали из 45) калибром в 2 фун. и длиной ствола в 3 аршина 7 вершков. Для сравнения укажем, что в 1675 г. в пяти солдатских полках не было ни одного орудия этого типа.

Всестороннее изучение полковых росписей, документов директивного характера (памятей, указов и наказов), полковничьих отписок и челобитных дает основание рассматривать артиллерийское вооружение большинства солдатских полков: 2-х Выборных, 2-х Белгородских, Яблоновского, Курского, 2-х Старооскольских, Ефремовского, Добринского, Мценского, Ливенского, Елецкого, Усманского, Рыльского, Белевского, Путивльского, Орловского, Брянского, Новгородского, Псковского, Владимирского, Великолуцкого, Костромского, Смоленского, Рязанского, Рязского, Козловского, 2-х Тульских, Хотмышского, Касимовского, Казанского, Воронежского, Симбирского и других. Из перечисленных regimentov своим артиллерийским вооружением особо выделяются два выборных полка, по артиллерии которых имеется достаточно информативный пласт источников – полковой архив приказа Устюжской четверти. «Архив Устюжской чети, – отмечает в своем фундаментальном труде историк московских выборных полков А.В. Малов, – содержит как документы по управлению, комплектованию, снабжению и вооружению полка, так и фрагменты собственно полкового делопроизводства (съезжего двора полка)»⁶⁷. На основании архивных материалов А.В. Малов исследовал полковую артиллерию выборных (по сути – гвардейских) частей, которая к концу 1660-х гг. «становится непременно вооружением полка»⁶⁸. Документы показывают, что в разное время полковой наряд насчитывал от 5 до 14 орудий, в том числе «скорострельные» пищали. Но автор не выходил за рамки своего исследования, а между

тем дела Устюжской четверти дополняют материалы Пушкарского приказа о производстве таких оригинальных орудий, например «список с росписи, что приказал князь Юрьи Иванович дале делати, а написал своею рукою»⁶⁹. Подобными «скорострельными пищалями» в 1660-х гг. снабжались не только выборные, но и другие соединения, в том числе и многолюдный полк Н.Баумана⁷⁰.

Таким образом, на примерах, изложенных в данной работе, можно видеть, что архив русской артиллерии XVII в., представленный в массовых приказных источниках, представляет собой характерный пример распыленности по многочисленным рукописным собраниям Москвы и Санкт-Петербурга. Всестороннее исследование всех типов приказной документации, содержащей в себе информацию об ар-

тиллерии, приобретает особое значение ввиду почти полной утраты фондов Стрелецкого, Казанского, Иноземского и других приказов.

Настоящее исследование ставит также определенные задачи в изучении архива русской артиллерии, которые необходимо решать в перспективе. Основу заданного направления в изучении архива русской артиллерии XVII в. должна составлять методология исторического исследования, которая выстроена по классической схеме: поиск, выявление, систематизация и анализ приказных документов, разбросанных по рукописным собраниям. Анализ систематизированных документов архива артиллерии XVII в. позволяет разрешить множество спорных вопросов в отечественной историографии, а также сделать ряд совершенно новых оригинальных выводов.

¹ Струков Д.П. Архив русской артиллерии Т. I. (1700–1718). Издание в память 500-летней годовщины русской артиллерии / Под ред. Н. Е. Бранденбурга. СПб., 1889. Предшественником этого труда можно считать работу Н.Е. Бранденбурга «Приказ артиллерии 1701–1729 гг.» (СПб., 1876);
² См.: Лобин А.Н. Материалы Пушкарского приказа как исторический источник // Историография и источниковедение Отечественной истории. Сб. науч. ст. Вып. 3. СПб., 2003. С. 105–115.

³ Шашевский Е. Смоленская война (1632–1634). Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 179.

⁴ Боявленский С.К. О Пушкарском приказе // Сборник в честь М.К. Любавского. Пг., 1917. С. 362.

⁵ Лебедевская А.П. Пушкарский приказ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1950.

⁶ Лебедевская А.П. Архив Пушкарского приказа // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 122–130.

⁷ Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. В четырех томах. Том 1. М., 1991. С. 109.

⁸ Чернов А.В. ЦГАДА как источник по военной истории Русского государства до XVIII века // Труды московского государственного историко-архивного института. Т. IV. 1948. С. 122.

⁹ Дополнения к актам историческим. Т. V. СПб., 1853. № 51. С. 293.

¹⁰ Там же. № 77. С. 391.

¹¹ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1–2. Л., 1930–1931; АВИМАИВиВС. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Кн. 19. 254 л.

¹² Колосов Е.Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII века // Исторические записки. Т. 1. 1962. С. 259–269; Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. № 248. Ст. 1; по всей видимости, имеются в виду легкие мортиры.

¹³ См. Дело об отпуске к огнестрельному мастеру Г. Тимсону, гранатчикам В. Иванову, Г. Калинину и иноземцу Эману гранат и припасов. Май – июнь 1671 г. // АВИМАИВиВС. Ф. 1. № 348. Ст. 1–4.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Кн. Белгородского стола. Кн. 98. Л. 57.

¹⁵ Есипов Г.В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Ч. 1. СПб, 1872. С. 310.

¹⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 1. Кн. 3, 4, 6, 7.

¹⁷ Там же. Кн. 21.

¹⁸ АСПБИИ РАН. Ф. 175 (И.Х. Гамеля). Оп. 1. № 329.

¹⁹ Напр. АСПБИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. № 465.

²⁰ В качестве примера можно указать на одну из работ

О.А. Курбатова, в которой как раз и привлекаются подобные материалы. См.: Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иноземных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006.

²¹ Сборник Московского архива Министерства Юстиции. Т. VI. М., 1914. С. 40–52; РГАДА Фонд 210 (Разрядный приказ). Книги Новгородского стола. Кн. 66. Лл. 98–179; Кн. 70. Лл. 5–71 об.

²² РГАДА. Фонд 210 (Разрядный приказ). Книги Новгородского стола. Кн. № 71. Л. 5 об.; Ныне хранятся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи.

²³ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 21. Кн. 1. СПб., 1907. Стб. 679.

²⁴ Там же. Стб. 675.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Ст. Белгородского стола. Ст. № 741. Более подробно этот документ будет проанализирован в статье: Лобин А.Н. Несостоявшийся Азовский поход 1673 г. [статья в печати]

²⁶ Левыкин А.К. Пушечный наряд и пушкарские во 2-й половине XVII в. в России (по материалам южно-русских городов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1985. С. 121–122.

²⁷ Под этим термином автор подразумевает один из отделов государственного учреждения XVII в.

²⁸ РГАДА. Фонд 210 (Разрядный приказ). Кн. Белгородского стола. Кн. 152. Л. 293.

²⁹ Изменения в городовой артиллерии (по сметным спискам 1629, 1637 гг., Описной книге пушек и пищалей 1646 г. и Описи 1678 г. // Лобин А.Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2004. Таблица I. С. 167–170.

³⁰ ОР РНБ. Ф. 550. F-IV-75. Л. 4–127 об.

³¹ РИБ. Т. II. СПб., 1875. С. 559; АИ. Т. III. СПб., 1841. С. 85; Оглоблин Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа. Т. 1. М., 1895.

³² Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 617.

³³ Там же. Т. II. СПб., 1894. С. 113, 347, 662.

³⁴ РГАДА. Фонд 210. Разрядный приказ. Кн. Московского стола № 93; опуб.: Дополнения к Актам историческим Т. IX. СПб., 1875. № 106

³⁵ Кирпичников А.Н. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории средневековой русской артиллерии // Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. 1959. Вып. IV. С. 265–289.

³⁶ Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и

художественный музей-заповедник. Владимирское отделение. № 5636/513.

³⁷ Архив ВИМАИВиВС. Фонд 1 (Пушкарский приказ). № 328.

³⁸ Там же. № 265.

³⁹ Там же. № 308.

⁴⁰ Там же. № 310.

⁴¹ Там же. № 307.

⁴² Там же. № 304.

⁴³ Там же. № 311.

⁴⁴ РГАДА Фонд 210 (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. Кн. 98. Лл. 28–70 об., 134–138.

⁴⁵ Лобин А.Н. Артиллерия стрелецких приказов во второй половине XVII в. // Бомбардир. 2007. № 19. С. 88–96.

⁴⁶ Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. Т. 1. М., 1991. С. 54.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 98. Л. 74–80.

⁴⁸ Там же. Кн. 152. Л. 296: «Да в Белегороцком ж полку драгунского строю в Любимове полку Вяземского наряду: пищаль медная, прислана с Москвы во 176 году московского литья, подпись и признак вылитых никаких нет, по весу 6 пуд, мерою два аршина, к ней 100 ядер железных весом по 3 четверти фунта ядро, прозвание той пищали никакого нет».

⁴⁹ «2 пищали медных, к ним 196 ядер» (Приложение № 14 // Гордон П. Дневник 1677–1678 гг. / Пер. с англ., статья и примеч. Д.С. Федосова. М.: Наука, 2005. С. 114).

⁵⁰ Севский воевода в 70-х гг. в отписке писал: «У Севских драгунов в полку у майора 5 пищалей медных полковых, а к ним 420 ядер железных по 2 гривенки» (Акты Южной и Западной России. Т. XV. СПб., 1892. № 5. С. 218).

⁵¹ Известно, что в последующих походах их часто могли использовать для сопровождения гужевого транспорта и артиллерии. Так, в походе 1679 г. упоминаются комарицкие драгуны «с подводы, которые были в рейтарских и в драгунских полках и в стрелецких приказах под пушки и подо всякие полковые припасы». Книги Разрядные, по официальным оным спискам... Т. 2. Стб. 1352, 1362.

⁵² РГАДА. Фонд 210 (Разрядный приказ). Ст. Белгородского стола. № 1210. Лл. 193–194 (посылка огнестрельного мастера и гранатных дел учеников из Пушкарского приказа в рейтарский полк Я. Одоврина, 1672 г.)

⁵³ АСПБ ИИ РАН. Ф. 175. (И.Х. Гамеля). Оп. 1. № 38. Л. 1

⁵⁴ Отдел рукописей РНБ. Эрмитажное собр. № 461. Л. 70 об.

⁵⁵ Розрядные записи осады Смоленска // ОР РНБ. Эрмитажное собр. № 461. Л. 70 об.; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Московского стола. № 76. Л. 102–105.

⁵⁶ Полк А. Гордона был драгунским.

⁵⁷ Лобин А.Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) // Исследования по истории средневековой Руси. Сб. ст. в честь 80-летия Ю.Г. Алексеева. СПб., 2006. С. 291–294.

⁵⁸ Иванов П.И. Описание государственного Разрядного архива, с присовокуплением списков со многих хранящихся в оном любопытных документов. М., 1842.

⁵⁹ С длиной ствола в 3 аршина 7 вершков. См.: Епифанов П.П. Оружие. С. 278. Со ссылкой на опись Севска: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Кн. Севского стола. Кн. 23. Лл. 32–117.

⁶⁰ РГАДА. Фонд 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. Кн. № 131. Л. 290.

⁶¹ Данные приблизительные.

⁶² Данные по смоленским солдатам Ф.П. Салтыкова нет.

⁶³ Так, в 1680/81 гг. «полковые припасы, зелье и свинец, оставлены ис полков в Белегороде, которые полки отпущены из Белагорода в Тонбовской розряд». РГАДА. Фонд 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. Кн. № 131. Л. 293 об.

⁶⁴ РГАДА. Фонд 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. Кн. № 131. Лл. 273 об.–279.

⁶⁵ Солдатский полк в составе генеральского полка (дивизии) генерал-майора Д.В. фон Граама.

⁶⁶ «В прошлом во 190-ам году прислано ис Курска в тот полк восемь пищалей, да к тем пищалем восьмьсот ядер, и с той присылки дано в тот полк пять пищалей медных на станках и на вертлюгах, с колесы и з дышлы, окованы железом» (Фонд 210. Разрядный приказ. Книги Белгородского стола. Кн. № 131. Л. 288 об.). Из 8 пищалей 5 устроены в полку, а 3 «устроены в Белегороде по сараям».

⁶⁷ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., Древлехранилище, 2006. С. 25.

⁶⁸ Там же. С. 307.

⁶⁹ «Зделать 24 пушек скорострельных (...) К 24 пушкам скорострельным и дробным 150 картуз к пушке с ядрами да по полтараста картуз к пушке дробовых, и всего к 24 скорострельным пушкам с ядрами и дробных картуз 3600 надобно...» ОР РНБ. Ф. 532 (ОСАГ). № 1923.

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 532. (ОСАГ). № 1363.

О роли Лихудов в переводах трактатов итальянских военных специалистов для Пушкарского приказа

Греческие иеромонахи Иоанникий (1633–1717) и Софроний (1652–1730) Лихуды занимают важное место в истории России конца XVII – начала XVIII вв. и наиболее известны как просветители и богословы, основатели первого высшего учебного заведения в России – Славяно-греко-латинской академии (1685 г.). Этой и, безусловно, основной стороне их деятельности в России посвящена большая историография, начало которой было положено еще в XIX в.¹ Однако московский период жизни этих двух дидаскалов связан не только с их преподавательской деятельностью в академии: можно выделить еще один этап – после 1694 г., когда ученые греки были отстранены от академии и вынуждены искать новые пути для дальнейшего существования.

К сожалению, недостаточность источниковой базы не позволяет выявить все подробности их жизни в 1694–1697 гг.: имеются лишь отдельные свидетельства о попытках Лихудов давать частные уроки итальянского языка. Однако в 1697 г. ситуация изменилась: греческие ученые были возвращены на государеву службу в качестве преподавателей итальянского языка в школе, которая была создана в мае этого года².

Можно утверждать, что организация этого учебного заведения не являлась случайным эпизодом в истории Русского государства. Важность и актуальность данного события обнаруживается при изучении документов Разрядного приказа, которые указывают на то, что Итальянская школа была первым учебным заведением, деятельность которого полностью контролировало правительство: в Разрядном приказе были составлены две росписи предполагаемых для обучения итальянскому языку учеников (одна датируется 15 мая, вторая – 12 ноября 1697 г.), а затем приказ должен был обеспечить посещаемость занятий учениками. Однако, судя по источникам, это оказалось не самой легкой задачей, в связи с чем Разрядным приказом устраивались многократные оповещения подьячими дворов непосещавших занятия студентов. В фонде этого учреждения сохранилось несколько столбцов, содержащих сведения по истории Итальянской школы.

В историографии указывается несколько при-

чин, которые потребовали от правительства создания Итальянской школы: 1) дипломатическая необходимость, обусловленная внешнеполитической ситуацией в Средиземноморье и на Балканах; 2) развитие военного дела и активное строительство и формирование флота и 3) требования просвещения, которые также в это время воспринимались как вполне практическая задача. Следует отметить, что изначально правительство едва ли знало, как впоследствии будет использовать выпускников школы: изучения документов указывает на то, что все решения принимались спонтанно и явно не планировались заранее.

В рамках данной работы наибольший интерес представляет вторая из указанных причин, по которой знание итальянского языка являлось необходимым элементом становления и дальнейшего развития различных областей военного дела. Такое обращение властей к итальянскому языку не кажется странным, особенно если иметь в виду, что об итальянских специалистах в пушечном, обороностроительном и других разделах военного дела в России знали уже на протяжении двух столетий, поскольку еще в конце XV в. на русской службе находились итальянские военные мастера, нередко владевшие несколькими специальностями, в то время, по замечанию А.В. Малова, «четкой границы между людьми, производящими и ремонтирующими огнестрельное оружие и изготавливающими к нему боеприпасы, и людьми, использующими его на поле боя, долго не существовало, т.к. первоначально это были одни и те же мастера»³. Одним из них был военный инженер и архитектор из Болоньи Аристотель Фиораванти, приехавший в Россию в 1470-х гг., который «не только организовал в Москве производство пушек и боеприпасов к ним, но и руководил нарядом при осаде крепостей во время походов великого князя»⁴. О значении итальянских мастеров для развития пушечного дела в России говорит также А. Лебедянская, отмечая, что «летописи сохранили известия о мастерах-иноземцах, занимавшихся пушечным делом, главным образом итальянцах, выписанных московским правительством в период 1475–1505 годов»⁵. Так, в 1490 г. вместе с посольством брата Софьи Палеолог Андрея в Москву прибыли мастера: «...архитек-

тон именем Петр Антоний да ученик его Замантой, мастера стенные и полатные, да пушечного мастера Якова з женою...»⁶.

Таким образом, создание в конце XVII в. первой всесословной языковой школы, в которой «боярским и иных чинов детям» «по имянному великого государя указу учиться итталианскому языку у учителей греков Иоаникия и Софрония Лихудиевых» велено, является естественным продолжением политики Русского государства, частично ориентировавшегося в военном деле на итальянских военных специалистов. Знание итальянского языка могло потребоваться как для непосредственного общения с итальянцами, приток которых в Россию значительно возрос во второй половине 1690-х гг. в связи со строительством флота, так и для перевода с итальянского языка различных писем и военных трактатов. Эти обстоятельства не могли не связать Итальянскую школу с Пушкарским приказом, главным артиллерийским и военно-инженерным управлением⁷. Известно, что большая часть архива Пушкарского приказа погибла в 1812 г., когда в Москве были взорваны Кремль и Арсенал⁸, поэтому все отложившиеся в других приказах документы Пушкарского приказа, отражающие контакты этого учреждения с другими ведомствами, являются важными источниками, расширяющими представление о работе приказа и позволяющими восстановить неизвестные стороны его деятельности.

Еще С.К. Богоявленский отмечал, что «для знакомства с деятельностью Пушкарского приказа приходится привлечь делопроизводство других приказов, преимущественно Разрядного и Четвертных, которые имели некоторые сношения с нашим главным артиллерийским управлением»⁹. Несмотря на то, что с момента выхода в свет работы С.К. Богоявленского были выявлены и частично введены в научный оборот неизвестные ранее отдельные коллекции документов Пушкарского приказа, восстановление делопроизводства приказа остается актуальным и в настоящее время.

Среди столбцов Разрядного приказа, содержащих информацию по истории Итальянской школы, выделяются две указные памяти¹⁰, посланные из Пушкарского в Разрядный приказ и свидетельствующие о заинтересованности артиллерийского ведомства в знатоке итальянского языка. Впервые об этих документах упомянул М.П. Лукичев в своей статье, посвященной Итальянской школе Лихудов¹¹, однако, как нам кажется, они требуют более пристального внимания.

Первый документ датируется 24 сентября 1698 г.¹², то есть в Разрядный приказ он был прислан спустя более чем год после открытия Итальянской школы Лихудов. В этой указной памяти передается государев указ «о присылке на италианском языке писем переводчика в Пушкарской приказ к боярину к Алексею Семеновичю Шеину»¹³. То, что в памяти подразумеваются учени-

ки Итальянской школы, следует из другого документа, датированного тем же числом, – сказки Софрония Лихуда¹⁴, в которой он подробно сообщает, почему ученики школы не готовы еще переводить документы с итальянского языка. Софроний Лихуд указывает несколько причин: прежде всего он напоминает, что ученики в школу пришли не одновременно, а поступали для обучения постепенно, почти все в разное время; вторая причина заключалась в плохой посещаемости учениками занятий; затем Софроний говорит о том, что даже те ученики, которые научились «читать, писать и говорить» по-итальянски, не владеют языком совершенно в том числе и из-за «малого числа времени». Таким образом, ученики еще не были достаточно квалифицированными для перевода грамот, поскольку «в тех грамотах случаются речи высокия, а свойства языка италиянского наречия еще они не познали добре»¹⁵. Действительно, за год преподавания итальянского языка Лихуды, по-видимому, еще не успели прочитать курс так называемого «болшаго Синтаксиса Грамматического», до которого, по словам Лихудов, часть учеников дошла только к осени 1699 г.¹⁶

По всей видимости, Лихуды дали достаточно объективную оценку своим воспитанникам, поскольку, кроме их уровня знаний итальянского, они также хорошо представляли себе язык предполагаемых для перевода трактатов. Данное заключение Лихуды могли сделать на основе тех сочинений, которые им приходилось уже переводить ранее. Так, концом июля 1698 г. датируется «Изъявление сотворившееся по повелению пресветлейших и изящнейших господей надзирателей пушек от Сигизмонта Албергета. О обучении различных кочеств пушечных и можжеерных на новой Каланче, чтобы учинили ко видению царю московскому» на итальянском языке¹⁷, переведенное на русский Иоанникием и Софронием Лихудами¹⁸. Вероятно, перевод был сделан вскоре после составления итальянского списка, из чего можно сделать вывод, что Пушкарский приказ и раньше нуждался в переводчиках с итальянского языка. К сентябрю 1698 г. число сочинений значительно выросло, что заставило Пушкарский приказ просить прислать постоянного переводчика с итальянского языка. Однако все сохранившиеся в фонде «Кабинет Петра I» переводы итальянских трактатов на русский язык по пушечному делу были выполнены Лихудами и частично переводчиком Посольского приказа Николаем Спафарием; следовательно греческим дидакалам удалось убедить Разрядный приказ в неготовности учеников Итальянской школы для переводческой деятельности.

Хотелось бы отметить, что Лихуды назвали не все причины, из-за которых уровень знаний учащихся был невысоким, поскольку лишь в мае 1698 г. они передали своих лучших учеников в только созданную морскую школу итальянца

Матвея Меланковича¹⁹ для обучения «...морскому воинскому ходу и карте и компасом...»²⁰, а спустя некоторое время переводчиком к главе Владимирского Судного приказа окольничему А.П. Протасьеву был назначен еще один ученик Итальянской школы, учившийся ранее также и в Славяно-греко-латинской академии, Федот Агеев²¹. По-видимому, это были лучшие и наиболее способные ученики – после их ухода Лихуды уже не могли за столь короткий срок подготовить новых студентов должного уровня, которых бы могли рекомендовать к столь серьезному делу.

Вторая сохранившаяся память, связанная с деятельностью Лихудов, из Пушкарского в Разрядный приказ была прислана спустя почти полтора года – 9 января 1700 г.²² Вероятно, общая ситуация, которая в это время сложилась вокруг греческих дидаскалов, потребовала повторного указа о необходимости использования их знаний итальянского языка: они должны были «переводить без замедления» все письма, которые «на итталианском языке присланы будут ис Пушкарского приказа»²³. Важность данного документа была отмечена еще М.П. Лукичевым, который указал, что несмотря на то, что в это время Лихуды находились, по сути, в ссылке в Новоспасском монастыре, «они продолжали пользоваться определенным доверием правительственных кругов»²⁴. В то же время можно предположить, что актуальность сочинений итальянских военных специалистов продолжала оставаться достаточно большой, если власти даже были готовы прибегнуть к помощи опальных в то время греческих учителей. Оба документа были подписаны дьяком Пушкарского приказа Иваном Алексеевым²⁵, а написаны подьячим Исааком Матвеевым²⁶. Также необходимо отметить, что в документах приказа упоминается еще один дьяк Пушкарского приказа, Никита Полуниин²⁷ – его сын Федор 12 ноября 1697 г. также был распределен в Итальянскую школу Лихудов. Уже 16 ноября он приступил к занятиям, которые регулярно посещал, однако нельзя говорить о каких-то его выдающихся способностях, поскольку, судя по отчетам Лихудов, к зиме 1698 г. он читать и писать научился, а говорить по-итальянски еще не умел²⁸, в сентябре 1699 г. он уже «говорит отчасти»²⁹, хотя в других документах этого времени отмечается, что он только читает и пишет по-итальянски³⁰.

В историографии уже отмечалась важность изучения фондов Разрядного и других приказов для восстановления деятельности Пушкарского приказа. Рассмотренные документы не являются исключением. Однако, как нам кажется, особенная важность их заключается в том, что эти документы, с одной стороны, раскрывают связь Пушкарского приказа с греческими дидаскалами братьями Лихудами, а также их Итальянской школой, указывая на заинтересованность правительства в них не только как учите-

лях, но и переводчиках столь важной в то время для государства документации; а с другой – прослеживают постоянный интерес Пушкарского приказа к трактатам итальянских военных специалистов, срочный перевод которых требовался от Лихудов.

В связи с этим нам кажется важным привести здесь полный текст выявленных документов Пушкарского приказа, а также связанных с ними тематически документов, которые сохранились среди источников по истории Итальянской школы братьев Лихудов.

№ 1

1698 г., сентября 24. – Указная память в Разрядный приказ из Пушкарского приказа.

Лета 7207-го сентября в 24 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец указал о присылке на италианском языке писем переводчика в Пушкарской приказ к боярину к Алексею Семеновичю Шеину с товарищи свой великого государя указ учинить в Розряде тебе боярину Тихону Никитичю с товарищи и по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи учинить о том по ево великого государя указу. Диак Иван Алексеев.

На л. 143 об.: Писал Исачко Матвеев.
(Ф. 210. Московский стол. Стлб. 773. Столтик 3. Л.143.)

№ 2

1698 г., сентября 24. – Сказка Софрония Лихуда.

Лета 7207-го году сентября в 24 день ученики, которыя, государь, у нас учатся италианскому языку, все ученики во одно время не собралися ко учению, иныя, государь, – прежде, а иныя – после, и из тех, государь, которыя наперед пришли иногда ходили, а иногда и не ходили и из Приказа, государь, многажды по челобитнейшей тех учеников искали и посылали их ко учению, а те, государь, которыя ходили в школу почаще, научилися по-италиански читать, писать, и говорить хотя, государь, и не само совершенно. И как, государь, началось то учение италианского языка за малое число времеие переводить ученикам нашим с грамот невозможно, потому что, государь, в тех грамотах случаются речи высокия, а свойства языка италианского наречия еще они не познали добре.

Σωφρόνιος ἱερομόναχος ὁ Λειχοῦδης
καὶ διδάσκαλος ὑπεγράψα³¹.

(Ф. 210. Московский стол. Стлб. 773. Столтик 3. Л.78.)

1700 г., января 9. – Указная память в Разрядный приказ из Пушкарского приказа

Лета о Рожества Христова 1700-го генваря в 9 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи, великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец указал, которые писма на итталианском языке присланы будут ис Пушкарского приказа ко учителем Аникию и Софронию Лихудеевым, и те писма им учителем переводить без замедления и о том свой великого государя указ учинить в Розряде тебе боярину Тихону Никитичю с товарищи и по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца боярину Тихону Никитичю Стрешневу с товарищи учинить о том по его великого государя указу. Диак Иван Алексеев.

На л. 139 об.: Учинить по сему великого государя указу и послать о том к ним учителем писмо.

Внизу листа: Справил Исачко Матвеев.
(Ф. 210. Московский стол. Стлб. 773. Столпик 3. Л. 139.)

1700 г., января 11. – Выписка из великого государя Петра Алексеевича указа о немедленном переводе писем с итальянского языка, присланных из Пушкарского приказа, Иоанникием и Софронием Лихудами.

1700-го генваря в 11 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца итталианского языка учителем иеромонахом Иоанникию и Софронию Лихудиевым как по указу³² великого государя³³ ис Пушкарского приказа³⁴ писма на итталианском языке присланы к нам³⁵ будут³⁶ и вам те³⁷ писма переводить³⁸ на русской язык без замедления³⁹.

Такой государев указ за приписью дьяка Федора Замятнина послан к учителем с подьячим с Тимофеем Пивницким.

(Ф. 210. Московский стол. Стлб. 773. Столпик 3. Л. 140.)

¹ Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855; Сменцовский М. Братья Лихуды: опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни к. 17 и н. 18 вв. СПб., 1899; современную библиографию см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Часть 4. Дополнения. С. 741–743.

² Отдельные упоминания об Итальянской школе появляются в XIX в., однако впервые истории Итальянской школы была посвящена отдельная работа только в 1990-х гг.: Лукичев М.П. К истории русского просвещения конца XVII в. (Итальянская школа братьев Лихудов) // ПКНО. 1993. М., 1994. С. 15–19 (перезид: Лукичев М.П. К истории русского просвещения конца XVII в. (Итальянская школа братьев Лихудов) // Лукичев М.П. Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 352–361).

³ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006. С. 31.

⁴ Там же.

⁵ Лебединская А. Архив Пушкарского приказа // Вопросы истории. 1946. № 1. С. 122.

⁶ ПСРЛ. Т. 12. М., 1965. С. 222.

⁷ Богоявленский С.К. О Пушкарском приказе // Сборник статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917. С. 361–385. Лебединская А. Архив Пушкарского приказа. С. 122–130; Она же. Пушкарский приказ. Дисс. на соиск. канд. ист. наук. М., 1952.

⁸ Лебединская А. Архив Пушкарского приказа. С. 124.

⁹ Богоявленский С.К. Указ. соч. С. 361.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Моск. Стол. Стлб. 773. Столпик 3. Л. 139, 143.

¹¹ Лукичев М.П. Боярские книги XVII века. С. 360.

¹² Ф. 210. Моск. Стол. Стлб. 773. Столпик 3. Л. 143.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 78.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 134–135.

¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Кн. 1. Л. 369–369 об. Это не единственное сочинение на итальянском языке, которое было переведено Лихудами на русский язык. (См. также: Л. 278–278 об., 279–286, 326–326 об. и др.). См. издание: Документы

и бумаги Петра I.

¹⁸ Там же. Л. 370–370 об.

¹⁹ О Матвее Меланковиче см.: РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1698 г. № 1; Архив СПбИИ. Коллекция 105. Коллекция документов конца XVII – начала XVIII вв. № 18; о школе М. Меланковича см.: Сукновалов А.Е. Первая в России военно-морская школа // Исторические записки. М., 1953. Т. 42. С. 301–306.

²⁰ РГАДА. Ф. 210. Моск. Стол. Стлб. 773. Столпик 3. Л. 39–39 об., 43–45, 49.

²¹ Там же. Л. 64.

²² Там же. Л. 139.

²³ Там же.

²⁴ Лукичев М.П. Боярские книги XVII века. С. 360.

²⁵ Об Иване Алексееве см.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 17.

²⁶ С.Б. Веселовский имени этого подьячего не упоминает.

²⁷ В рассматриваемых документах Разрядного приказа Никита Полунин упоминается в качестве дьяка Пушкарского приказа, однако, если основываться на данных, которые приводит С.Б. Веселовский, то Н. Полунин только до 21 апреля 1694 г. был дьяком Пушкарского приказа, а «затем сменен» (Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 889), 18 декабря 1696 г. назначен к корабельному делу в Воронеже, 11 ноября 1698 г. дьяк, 3 февраля 1700 г. у государя «в шатре» (Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 421–422).

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Моск. Стол. Стлб. 773. Столпик 3. Л. 88.

²⁹ Там же. Л. 134.

³⁰ Там же. Л. 152, 160, 170, 172, 173.

³¹ Подпись выполнена Софронием Лихудом.

³² Вписано сверху вместо зачеркнутого: «в его».

³³ Далее зачеркнуто: «указ в Розряд».

³⁴ Далее зачеркнуто: «за приписью дьяка Ивана Алексеева написано которые».

³⁵ Слово вставлено сверху.

³⁶ Далее зачеркнуто: «ис Пушкарского приказу к вам велено те».

³⁷ Словосочетание вставлено сверху.

³⁸ Далее зачеркнуто: «вам».

³⁹ Далее зачеркнуто: «и по тому его великого государя указу о переводе таких писем чинить вам учителем без замедления».

Графические материалы в документальном фонде Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Формирование коллекции)

В документальном фонде Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи коллекция чертежей составляет отдельное собрание. Оно систематизировано в фонде № 27 и насчитывает 8489 учетных единиц. Коллекция обширна и многопланова. В нее входят чертежи всех видов вооружения, промышленного оборудования и инструментов, географические карты, карты и схемы боевых действий, планы городов, населенных пунктов и крепостей, чертежи производственных и жилых зданий, культовых сооружений середины XVII – начала XX вв. Содержание коллекции связано с историей ее формирования. Складывалась она в течение двух с половиной столетий в недрах артиллерийского ведомства. Объем работ этого ведомства обусловил разнообразие графических материалов. Артиллерийское ведомство на всем протяжении своего существования занималось разработкой, производством и обеспечением российской армии всеми видами вооружения, строительством фортификационных сооружений, военно-промышленных комплексов, учебных заведений и других военных объектов.

Чертеж как исторический источник, как явление культуры своего времени требует системного изучения. Необходимо знать его основные социальные функции, цели и условия его создания и бытования в различных общественных системах. Именно поэтому так важно проследить процесс формирования любой графической коллекции.

Культура картографии на Руси была известна довольно рано. Уже в начале XVI в. существовали рукописные чертежи географического характера. К середине XVI в. появились архитектурно-строительные чертежи. В XVII в. строительство крепостей осуществлялось по планам, предварительно составленным чертежниками Пушкарского приказа. В пушечно-

колоколотейном производстве сметно-проектная документация появилась в конце XVI – начале XVII в. В «Уставе ратных пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», составленном Онисимом Михайловым в 1607–1621 гг., прямо говорится, что литейный мастер, прежде чем приступить к изготовлению орудия или колокола, обязан был представить его чертеж – «знаминовать образец»¹. В последней четверти XVII в. проектная деятельность на Руси уже имела достаточно устойчивые административные формы, в которых чертежу отводилось самостоятельное место.

В коллекции ВИМАИВиВС имеется уникальный чертеж Царь-колокола, выполненный известным колокольным мастером Емельяном Даниловым в 1654 г.² Этот документ является бесспорным доказательством того, что в пушечно-колоколотейном производстве России масштабные ортогональные чертежи появились уже в середине XVII в. Наличие чертежа Царь-колокола 1654 г. дает право вполне реально предположить, что аналогичные чертежи были и при отливке артиллерийских стволов. Это косвенно подтверждается существованием чертежей начала XVIII в. Они сохранились в «Служебной чертежной книге (1702–1730)» С.У. Ремезова из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ)³ и в альбоме чертежей орудий первого десятилетия XVIII в. из коллекции ВИМАИВиВС⁴. Все чертежи (самый ранний из них датирован 1703 г.) выполнены в масштабе при помощи линейки, циркуля и компаса. Детали тщательно вычерчены и снабжены размерами, пунктиром показаны габариты внутренних частей орудия и его разрез, совмещенный с фасадом. Имеются рабочие чертежи деталей.

Картографические материалы использовались в фортификационном строительстве для определения местоположения крепостей и «засечных черт». Потребность в масштабном

строительном чертеже появилась еще в конце XVII в. Но свое юридическое оформление как основной архитектурно-строительный элемент чертеж получил в начале XVIII в. Большое значение для освоения масштабного черчения имели военно-инженерные печатные и рукописные книги, нашедшие широкое распространение в конце XVII в. Одна из таких рукописных книг имеется в документальном фонде музея. Названа она «О начале фортификации или кратчайшем пути как ея изобрести можно»⁵ и датируется рубежом XVII–XVIII вв. Рукопись снабжена большим количеством хорошо графически выполненных чертежей. Для большей связи с текстом они имеют маркировку деталей. Это по существу краткое руководство как строить различного рода укрепления по предварительно выполненному чертежу.

Дальнейшее развитие чертежа связано, прежде всего, с ростом масштабов государственного производства и строительства, необходимостью их финансирования, а следовательно и контроля. Чертеж несет в себе функции не только проектного задания – замысел автора, но и выступает в качестве официального отчетного документа, т. е. приобретает административно-юридические функции. Информационное значение чертежа возрастает, он представляет уже ценность, которая требует особого хранения. После отливки орудий и колоколов на Пушечном дворе чертежи, скорее всего, поступали на хранение в Пушкарский приказ. Это вполне реальное предположение, если иметь в виду, что Пушкарский приказ обладал одной из лучших библиотек, где хранились не только книги военно-технического и естественно-научного содержания, но и подробные описи орудий, конструкция которых опрадала себя на практике⁶.

В первые годы XVIII в. чертеж становится обязательным и самым распространенным техническим документом при производстве всех видов вооружения. Это касалось не только изготовления материальной части артиллерии, оружия и боеприпасов, но даже рабочих инструментов, применявшихся в артиллерии. Начальник русской артиллерии – генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс, пытаясь наладить единообразие при производстве оружия, а главное повысить его надежность, неукоснительно требовал не только отливать снаряды и орудия по утвержденным образцам, но и осуществлять их прием, строго придерживаясь технической документации⁷.

Совершенствуется и чертеж как проектно-технический документ. Я.В. Брюс разработал единую систему измерения для всех частей артиллерийских орудий, в основу которой был положен калибр орудия. Им же была разработана и введена в практику русская артиллерийская шкала. Эта металлическая линейка с на-

несенными на ней диаметрами каменных и чугунных ядер, соответствовавшими определенным линейным размерам. Инструмент служил основной мерой при проектировании и при проверке готовых орудий и снарядов. Брюс неоднократно требовал, чтобы при составлении технической документации пользовались масштабом в английских фунтах, а не в «аршинных вершках»⁸. Тем не менее, единый масштаб в английских фунтах и дюймах не сразу вошел в употребление. Еще несколько десятилетий при черчении использовали разные масштабы. В протоколе Присутствия Канцелярии Главной артиллерии и фортификации от 12 сентября 1729 г. отмечалось, что многие чертежи и планы, хранившиеся в инженерной конторе, не могут считаться документами, потому что выполнены «небрежно и в разных масштабах»⁹. Чертежи составлялись на Московском пушечном дворе, в Приказе артиллерии, в Походной артиллерийской канцелярии, в Киеве и Смоленске – везде, где изготавливалось вооружение.

Бумага, на которой выполнялись чертежи, судя по запросам Брюса, была разного качества: «серая», «добрая большой руки», «картузная», «александрійская», «писчая»¹⁰. Рабочие чертежи – они делались, как правило, в натуральную величину – обычно исполнялись на бумаге низкого качества; чертежи, предназначенные на утверждение, чертили на александрийской бумаге или картузной хорошего качества. Часть из них делалась в цвете. В коллекции ВИМАИВиВС имеются чертежи материальной части артиллерии первых двух десятилетий XVIII в.¹¹ Подавляющее большинство из них первоначально хранилось в Приказе артиллерии отдельно. Но некоторые чертежи, правда, их количество очень незначительно, попадали в делопроизводственные документы, где и находятся в настоящее время¹². Во второй половине 20-х гг. XVIII столетия, помимо проектных, появляются фиксационные чертежи. В августе 1725 г. по распоряжению Канцелярии Главной артиллерии были сделаны чертежи всех типов орудий, состоявших на вооружении Санкт-Петербургской крепостной артиллерии. Они были выполнены на «картузной белой бумаге» одного размера соответственно представленному образцу¹³.

В мае 1727 г. генерал фон Миних был назначен обер-директором Инженерного корпуса, а в сентябре того же года в его подчинение перешли все российские крепости¹⁴. Обер-офицеры и кондукторы Инженерного корпуса были направлены во все основные крепости и укрепленные линии для снятия планов и чертежей с подробным описанием их состояния. Вооружением же крепостей, по-прежнему, ведала Канцелярия Главной артиллерии и, естественно, ей тоже необходимы были эти материалы.

Известны неоднократные обращения Главной артиллерии к Инженерному правлению о присылке их копий¹⁵. Отсутствие специалистов по составлению фортификационных чертежей, поскольку все они отошли в Инженерное правление, заставило Артиллерийскую канцелярию обратиться в Государственную коллегию с просьбой передать в артиллерийское ведомство 30 человек инженерных кондукторов и учеников Инженерной школы, умеющих «сочинять чертежи»¹⁶.

В октябре 1729 г. Канцелярии Главной артиллерии и фортификации (КГАиФ) срочно потребовались «обстоятельные чертежи» с готовых бронзовых и чугунных пушек, мортир и гаубиц «старого и нового манера». С этой целью чертежникам было выделено специальное помещение и закуплены книжная и александрийская бумага, черные карандаши, китайские чернила и свечи для работы в ночное время¹⁷. В январе 1730 г. подобные чертежи делались с орудий полковой и полевой артиллерии на «самой хорошей книжной бумаге»¹⁸. В конце 1729 г. КГАиФ получила задание изготовить чертежи и планы всех российских регулярных крепостей, выполнить их надо было обязательно на александрийской бумаге, переплести в книгу и выслать в Государственную военную коллегию.

В инженерной конторе многих необходимых чертежей не оказалось в наличии. К тому времени инженерная контора была вновь в составе артиллерийского ведомства. Для снятия требуемых планов и чертежей была образована группа кондукторов во главе с инженер-поручиком Карлом Яганом Браском. Для нее было выделено особое помещение – «два покая при Канцелярии», которые предварительно отремонтировали и оборудовали специальными столами и стульями, для хранения чертежей сделали настенный шкаф¹⁹. По заявке Браска закупаются различные краски: кармин – красный краситель, гуммигут – древесный сок для изготовления желтой акварельной краски, берлинское лазарео (лазурь) – светло-синяя или темно-голубая, краска индиго – краситель синего цвета, китайские чернила, карандаши, специальные кисти²⁰. Мастером Санкт-Петербургского арсенала Бредли изготавливаются чертежные инструменты: циркуль «треножный», циркуль простой, перо рисовальное, сектор, прямоугольник складной с футами, «параллель линия с транспортом» (транспортном), кронциркуль с масштабами²¹.

Весной 1730 г. Браск получил задание составить книгу чертежей теперь уже городов Российской империи. Количество чертежников увеличилось, КГАиФ пришлось снять для исполнителей помещение в доме реформистской церкви и срочно изготовить еще один рабочий стол, но размером, указанным инженер-пору-

чиком К. Браском, длиной 9 футов (около 2,74 м), шириной 5 футов (около 1,52 м), высотой 6 дюймов (около 0,76 м)²². Канцелярия постоянно проявляла заботу о сохранности чертежей. Так, для охраны чертежной Браска, где находилось основное собрание чертежей фортификационных сооружений и городских зданий, она распорядилась выделить двух рядовых минерной роты²³. Несколько позже К. Браск получил приказание все чертежи, которые находятся в неудовлетворительном состоянии, «побитые и дранные», подклеить и дублировать холстом. Для этой цели было закуплено: 1000 аршин холста, 6 больших кистей, 100 иголок «большой руки», 3 фунта ниток, большие ножницы, 600 гвоздей, пуд пшеничной муки²⁴.

По заданию КГАиФ выполнялись чертежи и материальной части артиллерии. В июне 1730 г. для составления расписания вооружения Остзейских крепостей потребовались подробные данные об 1- и 2-фунтовых фальконетах, 3-, 6-, 12-, 18- и 24-фунтовых пушках. Изготовление чертежей в натуральную величину поручалось генерал-майору Сперрейтору. Для этой работы было отведено тоже отдельное, оборудованное помещение, выданы инструменты и картузная бумага хорошего качества. Непосредственно руководил чертежниками подпоручик полевой артиллерии Гинтер. На некоторых чертежах из коллекции музея имеется его автограф. В ноябре месяце он затребовал для исполнения чертежей книжной бумаги, китайских чернил и для протапливания «чертежной светлицы» дров²⁵. Следует отметить, что образование специально оборудованных помещений («чертежных светлиц») для производства чертежных работ отчетливо просматривается уже с конца 1720-х гг.

Потребность в чертежах постоянно возрастала, увеличивалось и их количество. Они выполнялись в чертежных Браска и Гинтера, в Артиллерийской и Инженерной школах, в Походной канцелярии фон Миниха, куда регулярно отпускалась александрийская бумага хорошего качества²⁶. Кроме того, в этот период появилась острая необходимость в составлении проектных чертежей новых образцов вооружения, а также в архитектурно-строительных чертежах в связи с предпринятым строительством производственных и жилых зданий на оружейных и пороховых заводах, в Московском и Санкт-Петербургском арсеналах и в других технических заведениях артиллерийского ведомства.

Генерал-лейтенант Декулон, обеспокоенный тем, что чертежи находятся в разных местах и в этих условиях трудно обеспечить их сохранность, обратился к КГАиФ с предложением образовать единую чертежную, где бы производились все чертежные работы и рядом, в от-

дельном помещении находился бы архив. Канцелярия отклонила это предложение и приказала: «разные чертежи сочинять и содержать до указа на Новом пушечном дворе в тех светлицах, где оные ныне содержатся»²⁷. Вместе с тем КГАиФ решила повысить ответственность за хранение чертежей и 17 августа 1731 г. распорядилась все чертежи, планы и проекты, которые сосредоточены в канцелярии, передать «в особое смотрение» поручику Браску. Ему предписывалось принимать чертежи от прапорщика Степана Хвостова строго по реестру. В распоряжении особенно подчеркивалось, что если при приеме отсутствующие чертежи находятся у «инженерного генералитета», их следует взять, приобщить к остальным и затем составить по алфавиту единый реестр. А впредь, в случае необходимости передачи чертежей в КГАиФ или инженерному начальству, отдавать их под расписку и не иначе, как с обязательством возврата²⁸. Это было одно из первых распоряжений по артиллерийскому ведомству, в котором чертеж официально был признан ценным документом, требующим особого учета и хранения. В повседневной жизни это распоряжение постоянно нарушалось. Поэтому в течение всего XVIII в. такого рода приказания повторялись неоднократно.

Вопрос о создании единого помещения для чертежной вновь возник по инициативе генерал-фельдцейхмейстера Миниха. Он предложил правительству продать часть принадлежавшего ему деревянного дома на Санкт-Петербургском острове, где поместить инженерную школу и чертежную с ее архивом. Здание было выкуплено артиллерийским ведомством за 16 тысяч²⁹. Прежде, чем разместить в нем Инженерную школу и чертежную, оно было основательно отремонтировано. Починена крыша и сделаны жестяные водосточные трубы. В целях пожарной безопасности вычищены печные трубы и заменены печные заслонки. Стены тщательно оштукатурены и покрашены, а в некоторых помещениях даже обтянуты холстом. Чертежная была оборудована специальной мебелью, для «охранения чертежей» сделаны 4 больших шкафа с выдвижными полками³⁰. КГАиФ требовала от поручиков Браска и Виттуга (начальника Инженерной школы), ответственных за состояние инженерного дома, чтобы в его покоях всегда поддерживались чистота и порядок, «...ибо, – как говорилось в одном из распоряжений, – ради имеющиеся в том доме всем российским крепостям чертежей и моделей зависит немалая важность»³¹.

К этому времени существовали уже определенные правила для использования бумаги при изготовлении чертежей. Для чертежей крепостей и городов, с последующим переплетом их в книгу, предназначалась импортная

александрийская бумага хорошего качества. Черновые чертежи и копии изготавливались на александрийской бумаге российского производства, для копирования карт применялась почтовая бумага, картузная же использовалась как оберточная для сохранения «чистых чертежей»³².

Начиная с 1733 г. потребность в изготовлении различного рода чертежей резко увеличилась. В апреле КГАиФ понадобились чертежи всей материальной части артиллерии, которая была создана с 1727-го по 1733 г. В эти же годы артиллерийское ведомство принимало самое активное участие в устройстве и проведении фейерверков и иллюминаций, поэтому канцелярия сочла нужным иметь также планы и рисунки световых представлений. В приказании КГАиФ предписывалось: «сочинить чертежи и сосредоточить их в двух книгах». Пушки, мортиры, гаубицы, лафеты и зарядные ящики должны войти в первую книгу. Там же поместить сведения: когда отлито каждое орудие, кто отдал приказ об его изготовлении, и куда оно поступило на вооружение. Во второй книге нужно было сосредоточить весь изобразительный материал фейерверков, тоже с пояснениями, когда они исполнялись и по какому поводу³³.

В мае 1733 г. по приказу фон Миниха КГАиФ распорядилась собрать все чертежи пушек, мортир и гаубиц, конструкция которых была утверждена Его сиятельством, а также все архитектурно-строительные чертежи Литейного дома, Московского арсенала, пороховых заводов и других строений, «опробованных» фон Минихом. Чертежи, находившиеся в разных местах, в том числе и в Московской артиллерийской конторе, необходимо было срочно доставить в канцелярию и отдать полковнику Гарберу для снятия с них копий, из которых впоследствии составить отдельную книгу. Подлинники чертежи должны быть переплетены в особую книгу³⁴. Чертежи копировались в чертежной Артиллерийской школы под руководством штык-юнкера Фабрициуса, ответственным же оставался полковник Гарбер. Поэтому на сохранившихся чертежах могут быть автографы и того, и другого³⁵.

В январе 1734 г. Миних потребовал снять копии всех планов фейерверков и иллюминаций, происшедших со времени его назначения генерал-фельдцейхмейстером. Копии следовало выполнить на хорошей александрийской бумаге одинаковых размеров, чтобы можно было переплести их в книгу³⁶. Чертежи фейерверков изготавливались в чертежной при Артиллерийской школе³⁷. В чертежной Инженерного дома продолжалась работа по изготовлению и копированию чертежей для составления книг «Всех крепостей Российской империи» и «Всех городов Российской империи».

Помимо этого делались копии, иногда до 4-х экземпляров с одного чертежа, по запросам Академии наук, Государственной военной коллегии и других ведомств³⁸.

Во главе инженерной чертежной оставался по-прежнему инженер, капитан-поручик Карл Иоган Браск, ему помогал, копировал и составлял чертежи прапорщик Инженерного корпуса Вилд. Карл Иоган Браск – образованный инженер, стоявший у истоков создания инженерной чертежной и архива. Именно по его проектам готовилось оборудование чертежной: рабочие столы, скамьи, шкафы для хранения чертежей. Он также занимался обеспечением необходимыми материалами, составлял заявки на покупку бумаги, различных красок и чертежных инструментов. Кроме того, на Браска была возложена ответственность за соблюдение чистоты и противопожарной безопасности в помещениях. Сам же он стремился обеспечить быт чертежников, добивался регулярного отопления чертежной, предоставления квартир обер-офицерам и кондукторам рядом с Инженерным домом, поскольку они часто работали до позднего вечера, а иногда и ночью. Между тем Браск нередко по очередному приказу отправлялся в командировки, где занимался составлением планов местности, в частности в Ржевском уезде. В июле 1734 г. по указу Сената он был послан в Воронежский уезд для осмотра и описания «рек, речек и озер» от Волги (от Селижера монастыря) до озера Ильмень с целью установить возможность свободного судоходства³⁹.

Объем чертежных заказов был столь внушительным, что обе чертежные уже не могли справиться своими силами. И КГАиФ отдает распоряжение о привлечении к работам над чертежами учеников, успевающих по основным предметам и владеющих приемами черчения⁴⁰. Из Артиллерийской школы были выбраны ученики Иван Васильев, Павел Серебряков и Федор Михайлов⁴¹. В Инженерной и Артиллерийской школах в течение многих лет обучали профессиональному черчению. Для них изготавливали специальные чертежные инструменты: медные и деревянные большие циркули (длиной 25 см, шириной 20 см), рейсфедеры⁴². В 1735 г. по распоряжению Миниха в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе вводится новая дисциплина – фортификация. Для обеспечения учебного процесса в Санкт-Петербургском арсенале было изготовлено 100 треножных циркулей с рейсфедером и трубкой для вставления карандаша, 100 длинных («долгих») рейсфедеров и 100 транспортиров⁴³.

В начале 1730-х гг. несколько изменилось отношение к чертежу. Да, он оставался основным техническим документом и должен был быть выполнен обязательно в масштабе. Но этого было уже недостаточно. Чертеж, кроме того,

должен был быть красиво оформлен. Это требование относилось и к артиллерийским, и архитектурно-строительным чертежам. Сначала это могли быть декоративная рамка либо картуш, в которых размещались экспликация или масштаб. Позже использовались и другие изобразительные средства – фрагменты пейзажа, человеческие фигуры, статуи.

В первое время оформлением чертежей занимались рисовальные мастера Артиллерийской и Инженерной школы. Так рисовальный мастер Инженерной школы Матерновия находился при чертежной «для делания на чертежах картушей» и только в свободное время преподавал в школе⁴⁴. Начальник Инженерной школы фон Виттиг неоднократно просил закупить дорогостоящих красок, в том числе яри венецианской, индиго, гуммигуту, досок аспидных «для обучения учеников украшению чертежей»⁴⁵. Поскольку оформление чертежей являлось теперь одним из важных моментов при их выполнении, умение рисовать стало очень востребованным. Живописные и рисовальные мастера были нужны при изготовлении чертежей формы одежды, офицерских знаков и других предметов обмундирования. Особенно необходимы они были при проведении световых представлений⁴⁶. В учебных заведениях стали усиленно обучать рисовальному искусству. В Инженерной школе для обучения рисованию, помимо Матерновия, были рисовальные мастера – вначале Яган Бурдейн, в 1734 г. его сменил Иоган Декар⁴⁷. В Артиллерийской школе долгое время преподавал «чистое ручное рисование» Алексей Ларешников.

6 октября 1731 г. солдат Невского полка Санкт-Петербургского гарнизона Алексей Ларешников, «искусный малярному и живописному делу», по его прошению был зачислен маляром Санкт-Петербургского арсенала. В декабре того же года он участвовал в оформлении триумфальных ворот. В октябре 1732 г. за «исполнения живописных работ» при подготовке фейерверка и иллюминации в день коронации императрицы Анны Иоанновны награжден двухмесячным окладом. Позже А. Ларешников был направлен на обучение «смешиванию красок» к живописному мастеру Ведекину. Обучение прошло успешно. Ларешников продемонстрировал свои знания членам Присутствия КГАиФ, которые признали, что он не только сам овладел знаниями смешивания красок, но и может обучать других. Между прочим, за месяц обучения Ларешникова (с 23.10 по 24.11.1732 г.) канцелярия выплатила мастеру Ведекину 60 рублей. Сумма весьма внушительная, если учесть, что сам Алексей Ларешников получал 18 рублей в год, а будучи преподавателем рисования – 24 рубля в год⁴⁸. С 1735 г. живописный мастер Ведекин был преподавателем живописного и рисовального ис-

куста в Кадетском корпусе⁴⁹.

Чертежи, выполненные в артиллерийском ведомстве, в т. ч. и в учебных заведениях, отличается строгая четкость линий, мастерское владение акварельной техникой, художественный вкус. Они интересны не только как исторический памятник технической документации, они представляют самостоятельную художественную ценность. Один из ведущих специалистов в области изобразительного искусства XVIII в., член-корреспондент Академии наук СССР, А.А. Сидоров, рассматривая артиллерийские и фортификационные чертежи с точки зрения их художественной ценности, подчеркивал, что «они сделаны не только профессионально, но и в полной мере отражают основную черту искусства того времени – декоративность»⁵⁰.

Взросшая ценность чертежей заставила КГАиФ принять дополнительные меры по обеспечению их сохранности. Кроме регулярного протапливания светлиц, где изготавливались чертежи, постоянно делалась мебель для их хранения. Шкафами с выдвижными полками, специальными сундуками и ящиками оборудовались не только инженерная и артиллерийская чертежные, но и хранилища, где находились чертежи в самой КГАиФ⁵¹.

25 февраля 1736 г. по указу Сената Инженерный корпус был выделен из артиллерийского ведомства в самостоятельное управление – фортификационную контору во главе с директором. Артиллерийское управление получило наименование «Канцелярия Главной артиллерии» во главе с генерал-фельдцейхмейстером. При этом в указе специально оговаривалось, поскольку вооружение крепостей остается в ведении Артиллерийской канцелярии, чертежи и планы всех крепостей и городов по одному экземпляру с пояснением должны остаться в артиллерийском ведомстве, а с недостающих чертежей сделать копии⁵².

К 1740-м гг. инженерная контора вновь вошла в артиллерийское ведомство. К середине XVIII в. чертежная со своим архивом находилась при КГАиФ. Последняя, озабоченная сохранностью чертежей, издает 29 октября 1762 г. очередное распоряжение («резолюцию») о передаче всех чертежей, находившихся в разных отделениях (повытьях) и в Московской артиллерийской конторе, в «Чертежный архив»⁵³. Основная работа чертежной, по-прежнему, заключалась в копировании чертежей материальной части артиллерии и проектов и планов, связанных со строительством различных объектов артиллерийского ведомства⁵⁴. Копировали чертежи с оригиналов, как правило, ученики Артиллерийской и Инженерной школ. Ко второй половине 1760-х гг. в чертежной скопилось много важных строительных чертежей, которые находились в очень плохом состоянии – «ветхие, изодранные, но весьма

нужные». КГАиФ, полагая, что ученики для копирования архитектурно-строительных чертежей недостаточно профессионально подготовлены, потребовала от генерал-инженера Дебоскета прислать в чертежную «специальных инженерных офицеров». Им надлежало присутствовать при изготовлении копий, а затем визировать готовые чертежи⁵⁵. На некоторых сохранившихся чертежах имеются соответствующие записи: «засвидетельствовал», далее звание офицера и его фамилия.

К концу XVIII в. одним из важнейших военно-учебных заведений становится Артиллерийский Инженерный Шляхетный кадетский корпус. Кадеты – будущие офицеры-артиллеристы и инженеры вполне владели профессиональными навыками чертежников. Именно поэтому им было доверено снятие копий с чертежей новой материальной части полковой, полевой и осадной артиллерии, введенной на вооружение в 1795 г. 25 мая 1795 г. директор Кадетского корпуса генерал-лейтенант Мелиссино получил распоряжение КГАиФ об изготовлении копий чертежей в натуральную величину в двух экземплярах «всем орудиям российским осадным, полевым и полковым с их станками и принадлежностью, утвержденные по последним конструкциям...»⁵⁶.

Но если оригиналы чертежей стволов с их размерами были представлены для снятия копий, то для всего остального, т.е. для лафетов, передков, зарядных ящиков, мортирных роспусков и принадлежности, оригиналы отсутствовали. Кадеты выполняли чертежи по размерам и описанию, данным им капитаном Федором Глебовым. 22 октября 1795 г. П.И. Мелиссино донес в КГАиФ, что все чертежи готовы, и представил ведомость, в которой числилось 111 номеров. Каждый номер означал два одинаковых чертежа. Этот документ может быть интересен историкам вооружения. В нем перечислены все системы полковой, полевой и осадной артиллерии образца 1795 г. и, кроме того, также указаны орудия – 6-фунтовая пушка и 12-фунтовый единорог, принятые на вооружение конной артиллерии.

После тщательной проверки в чертежной, где были устранены некоторые недочеты, чертежи были утверждены. Один экземпляр отдан был в Санкт-Петербургский арсенал мастеру Инглишу, которому поручалось изготовление новой материальной части. Второй – остался в чертежной КГАиФ. В отчете генерал-поручика Мелиссино приводится любопытный документ, о том сколько и каких материалов было израсходовано на изготовление 222 чертежей: бумаги белой слоновой (толстой шероховатой) – 44 1/2 дестей, серой александрийской – 30 дестей, простой серой – 10 дестей, карандашей в кипарисовом дереве – 10 дюжин, разин ластики – 13 бутылочек, клея бумажного – 49 кус-

ков, туши – 11 лот 1 золотник (около 145 г), железный циркуль для черчения колес – 1 и большие березовые линейки с треугольниками⁵⁷.

В конце 1790-х гг. чертежная была загружена составлением планов и чертежей, которые прилагались к отчетам о текущем строительстве казенных зданий, затребованным правительством (указ от 12 ноября 1796 г.)⁵⁸. Существенно возрастает не только объем работ чертежной, но и ее значимость в системе артиллерийского ведомства. В 1799 г. при реорганизации Артиллерийской экспедиции, предложенной Инспектором всей артиллерии генерал-лейтенантом Аракчеевым, чертежная впервые была выделена в самостоятельное отделение – 8-е, «Архив и чертежная по артиллерийской части»⁵⁹. Первый штат 8-го отделения состоял из полковника Проскурякова, титулярного советника Астафьева, канцеляриста Гурьева, подканцеляриста Новикова, копиистов Быкова и Игнатьева; курировал отделение генерал-майор Толстов⁶⁰.

28 октября 1802 г. артиллерийское ведомство вновь подверглось реорганизации. Оно было разделено на два самостоятельных управления – Артиллерийскую экспедицию и Инженерную экспедицию. Каждому управлению предполагалось выделить соответствующую часть делопроизводственных бумаг, архива и чертежной с ее архивом. Разделение делопроизводства и архива не вызвало затруднений. В течение XVIII в. инженеры несколько раз выделялись из Артиллерийского управления и, по существу, вели свое отдельное производство. Это же происходило и с формированием дел, сдаваемых в архив. Исключение составляли некоторые документы, которые находились в переплетенных томах. А вот с разделением архива чертежной все обстояло значительно сложнее. К инженерам отходила большая часть планов и карт местностей, чертежей крепостных сооружений и архитектурно-строительных чертежей зданий, в т. ч. оставшихся в ведении Артиллерийской экспедиции: оружейных и пороховых заводов, арсеналов, казарм, военно-учебных заведений.

Артиллерийской экспедиции было предложено снять копии с нужных чертежей. Но штат ее чертежной после разделения был невелик: 1 подполковник, 1 майор, 1 капитан, 2 поручика – Капустин и Островский, 4 подпоручика – Соболев, Сараев, Геванов и Юденков, 6 фейерверкеров и архитектор (в то время им был Ф.И. Демерцов). А при архиве чертежной числился подпоручик Хилковский и четыре служителя⁶¹. Возглавил чертежное отделение член Присутствия Артиллерийской экспедиции военный советник Санкт-Жорж.

Между тем, с мая 1803 г. в чертежной, наряду с текущими заданиями, начали снимать копии с подлинников, отошедших в Инженерную

экспедицию. По приказанию генерал-майора Проскурякова, назначенного управляющим чертежным архивом 28 октября 1802 г., в мае было сделано 14 копий для архива, в июне выполнены копии плана и фасада фурштатского дома и конюшен, проекта сушильни, чертежей Киевского каменного арсенала; в августе сделаны 5 копий плана дома Артиллерийской экспедиции, копии планов Охтинского порохового завода. В 1804 г. меньше, чем за полгода были сняты копии чертежей и планов поэтажно Санкт-Петербургского арсенала, Экспедиционного дома, построек на Пушечном дворе, всех зданий Охтинского порохового завода на 66 листах и некоторых небольших построек типа пороховых погребов⁶².

6 июня 1804 г. Артиллерийская экспедиция получила приказание графа Аракчеева разобрать чертежный архив, выделить из него чертежи, отошедшие к артиллерийскому ведомству, распределить их по хронологии и составить «обстоятельный каталог». Что же касается чертежей Инженерной экспедиции, хранившихся в том же архиве, то следует оговорить условия их передачи по назначению⁶³.

Разбор чертежей и составление каталога было поручено генерал-майору Проскурякову. 5 сентября того же 1804 г. он уже докладывал, что архив рассортирован, составлен обстоятельный каталог артиллерийских чертежей и отдельная ведомость чертежей, на которых изображены на одном листе артиллерийские и инженерные постройки. Эти чертежи, согласно приказанию, подлежали передаче Инженерной экспедиции⁶⁴. Однако Инженерная экспедиция не спешила принимать чертежи. Несколько раз менялись лица, ответственные за прием, и передача затянулась до 1808 г. Только 17 августа 1808 г. генерал-майору Проскурякову удалось доложить Артиллерийской экспедиции, что Инженерной экспедиции переданы все чертежи, книги, 44 архивных дела и оборудование для хранения чертежей, 17 больших и 3 малых шкафа. К рапорту была приложена опись передаваемых чертежей, в которую вошли 21 086 чертежей российских крепостей, 6440 чертежей, планов и карт военных действий комиссий генерал-майора Голенищева-Кутузова, генерал-лейтенанта Томилова, генерал-адъютанта Князева и генерал-лейтенанта Герарда, 860 разных атласов, рукописных книг, тетрадей с рисунками, всего 28 386 документов. Из них 113 чертежей имели «высочайшие подписи»⁶⁵. В чертежном архиве Артиллерийской экспедиции осталось значительно меньше чертежей, поместившиеся всего в двух шкафах. Точное их количество назвать не представляется возможным, поскольку обстоятельный каталог генерал-майора Проскурякова пока не обнаружен.

Вместе с тем становится совершенно очевид-

ным, почему в коллекции ВИМАИВиВС сохранилось так мало подлинников архитектурно-строительной графики XVIII в. В первые годы после разделения в чертежной Артиллерийской экспедиции, наряду с копиями, выполнялись проектные чертежи для вновь строящихся зданий. Так, в 1806 г. был изготовлен чертеж иконостаса к новой церкви Охтинского порохового завода, планы и фасады фурштатского двора, каменного сарая на Партикулярной верфи, кузницы, слесарной мастерской и магазина на Пушечном дворе⁶⁶. В 1807 г. были сделаны проектные чертежи казарм для арсенальных служителей и планы и фасады зданий на Охтинском пороховом заводе. В октябре 1807 г. по заданию Аракчеева снимались с натуры планы и фасады арсенальных построек, которые отсутствовали в атласе «Санкт-Петербург»⁶⁷.

В марте 1810 г. Инспектор всей артиллерии барон Меллер-Закомельский отдал в архив чертежной чертежи, находившиеся у бывшего военного министра: генеральный план Охтинского порохового завода с профилем плотин и всех фабрик (5 листов), фасад сверлильной машины Санкт-Петербургского арсенала (3 листа), чертежи построек, принадлежащих 3-му артиллерийскому полку и запасному [понтонному] артиллерийскому парку, план нового помещения архива Артиллерийской экспедиции⁶⁸. В 1812 г. подполковник Капустин передал в чертежную 59 медных гравировальных досок чертежей материальной части артиллерии образца 1805 г. и рисунков формы одежды фейерверкеров, бомбардиров, рядовых, ездových и музыканта⁶⁹. В последующие десятилетия в архив чертежной начинают поступать чертежи с заводов и арсеналов.

В 1824 г. по распоряжению директора Артиллерийского департамента происходит обследование зданий артиллерийского ведомства, находившихся в разных гарнизонах и крепостях. К подробным описаниям прилагались планы и чертежи, которые затем поступили в архив чертежной⁷⁰. Туда же начинают регулярно передаваться чертежи, ранее находившиеся в отделениях департамента. В архиве чертежной скопилось множество графических документов, которые требовали определенной систематизации. Еще на ранних этапах по приказанию генерал-лейтенанта Аракчеева составлялись различные реестры и атласы, в которые либо включались чертежи одного крупного технического заведения – арсенала или завода, либо в атлас отбирались чертежи по территориальному признаку – по округам. Сегодня по этим документам можно судить о содержании архива чертежной. Попробуем привести список атласов, составленных к 1827 г.⁷¹ Это атласы географических карт и материальной части артиллерии, Брянского, Киевского, Ка-

занского, Виленского и Санкт-Петербургского арсеналов, Охтинского, Казанского и Шостенского пороховых заводов, Ижевского, Сестрорецкого и Тульского оружейных заводов, Санкт-Петербургской лаборатории, Московского артиллерийского депо и Дубовской пристани на Уральских заводах; атласы всех округов с входившими в них крепостями: Санкт-Петербургского, Ново-финляндского, Лифляндского, Киевского, Южного, Кавказского, Грузинского, Оренбургского, Сибирского, Дунайского. Отдельные атласы были составлены на чертежи, поступившие из разных отделений Артиллерийского департамента. Например, атлас чертежей гидротехнических сооружений Тульского оружейного завода, поступивший из 4-го отделения, или реестр чертежей машин, привезенных начальником Сестрорецкого оружейного завода полковником Ланкри, переданный из того же отделения.

В каждом атласе содержится список чертежей с их названием, указанием количества листов и времени поступления в архив чертежной. Последнее нередко дает возможность уточнить дату изготовления чертежа, если она отсутствует на документе.

В атласах более позднего времени, связанных с поступлением в чертежную после 1827 г., можно найти важную и полезную информацию о происхождении чертежа, т. е. кем отдано распоряжение о его изготовлении, где выполнен чертеж и кто и когда доставил его в архив чертежной⁷².

Во второй половине 1830-х гг. начинается передача части чертежей из архива чертежной в архив Артиллерийского управления. В мае 1835 г. были переданы альбомы гравированных чертежей материальной части артиллерии, утвержденной в 1807 г. Попутно выяснилось, что в этих чертежах заинтересованы некоторые учебные заведения, в частности Ремесленное училище, а также Военно-ученый комитет и ряд частных лиц, готовых приобрести их за деньги⁷³. Артиллерийский департамент разрешил продавать чертежи, находившиеся в архиве. Но когда начальник чертежной капитан Бекман обратился к начальнику архива с просьбой выдать ему чертежи для продажи, последний отказался, мотивируя это тем, что «чертежи переданы в архив на хранение, а потому продаже не подлежат»⁷⁴.

В мае 1836 г. Артиллерийский департамент разослал циркуляр начальникам артиллерийских гарнизонов всех округов с требованием прислать «вернейшие чертежи всем строениям артиллерийского ведомства», которые имеются на 1 января 1837 г. К циркуляру каждый округ получил реестр входивших в него зданий, составленный в конце 1820-х гг. и хранившийся в архиве чертежной⁷⁵. На полях этого реестра предлагалось сделать отметки о проис-

шедших изменениях, вновь построенным зданиям составить отдельный реестр. Что касается выполнения чертежей, то Артиллерийский департамент обратился к Инженерному департаменту с просьбой оказать помощь в их составлении силами инженеров, оказавшихся в округах⁷⁶.

В сентябре 1841 г. Артиллерийский департамент издал приказ, по которому начальники отделений должны были незамедлительно передать в чертежную полученные ими чертежи и сметы на новое, или капитальное строительство. Проверка, а при необходимости изготовление новых чертежей возлагалось на чертежную департамента, потому что ей, как подчеркивалось в документе: «... более известно нежели распорядительным отделениям, в каком виде чертежи эти должны быть представлены на утверждение...». Кроме того, именно в чертежной быстро и квалифицированно могли быть внесены исправления, если бы они потребовались после утверждения⁷⁷.

Действительно, несмотря на то, что с конца 1820-х гг. почти каждое техническое заведение имело в штате архитектора или инженера, которые занимались составлением проектных чертежей и, надо полагать, делали это вполне профессионально, тем не менее, довольно часто при представлении этих чертежей на высочайшее утверждение с них делались копии именно в чертежной. Считалось, что высококвалифицированные чертежники, знающие все тонкости профессионального черчения, выполняют чертеж на более высоком уровне. Это правило относилось и к чертежам материальной части артиллерии. Разработка проектной документации новых образцов вооружения происходила в Артиллерийском комитете. При нем же находилась типография, где вначале гравировались, а позже печатались различного плана технические чертежи. Контрольная проверка их и изготовление образцовых чертежей возлагались на чертежную. Там же производилась раскраска напечатанных чертежей.

В августе 1842 г. был введен новый порядок представления чертежей на утверждение. К проектным чертежам на новое или капитальное строительство полагалось обязательно прилагать план местности, где оно будет происходить⁷⁸. В архиве чертежной появилось много планов городов, населенных пунктов, отдельных улиц или нескольких городских кварталов.

Между тем, Положение о порядке производства дел в Военном министерстве, введенное в 1836 г., коснулось и архива чертежной. Чертежи также, как делопроизводственные документы, делились на три разряда. К 1-му относились чертежи, предназначенные для уничтожения, ко 2-му разряду относились чертежи временного хранения со строго установлен-

ным сроком хранения и, наконец, к 3-му относились чертежи, которые полагалось хранить постоянно. К сожалению, критерий деления чертежей на разряды не известен.

Сохранилось несколько реестров (описей) чертежей, отнесенных к 3-му разряду. Например, реестр чертежей оружейных и пороховых заводов с 1727-го по 1838 г., составленный начальником чертежной подполковником Бекманом и утвержденный директором Артиллерийского департамента генералом Эйлером 29 августа 1839 г. В реестр вошли чертежи Сестрорецкого, Тульского, Ижевского оружейных заводов, Охтинского, Шостенского и Казанского пороховых заводов, селитренных и серных заводов – 119 документов. Принял их на хранение подполковник Бекман. И еще один – реестр чертежей лафетов, передков, мортирных станков и зарядных ящиков с 1656-го по 1838 г., составленный в то же время. На первом листе надпись: «означенные в описи этой двести четыре чертежа полагаю хранить навсегда, подполковник Бекман. Исполнить 29 августа 1839 г. генерал Эйлер». Но эта опись имеет продолжение, в нее внесены чертежи, принятые уже в архив Артиллерийского департамента в начале 1840-х гг., и подписана она начальником архива Керном. По-видимому, передача чертежей из архива чертежной в архив Артиллерийского департамента, которая началась со второй половины 1830-х гг., осуществлялась по реестрам, составленным в самой чертежной. Позже новые описи составлялись уже в архиве департамента. Например, «Чертежи оружейных и пороховых заводов, принятых на всегдашнее хранение Керном в 1841 г.» или «Опись чертежей, сданных в архив в 1842 г.»⁷⁹

В документальном фонде находится архивное дело середины 1840-х гг. (точную дату установить не удалось)⁸⁰, в котором сосредоточены списки всех чертежей, хранившихся в архиве. Оно насчитывает 146 листов и состоит из 5 отдельных описей, а именно «Чертежей артиллерии вообще», «Артиллерийских округов», «Местных арсеналов», «Оружейных заводов» и «Пороховых заводов». Судя по систематизации, можно предположить, что все они поступили из архива чертежной. Во всех перечисленных описях содержится информация, которая, безусловно, окажется полезной при изучении графической коллекции.

В 1857 г. из чертежной в архив департамента было передано 14 тысяч чертежей материальной части артиллерии. Правда с существенной оговоркой, что эти чертежи могут выдаваться только по ее требованию⁸¹.

В 1862 г. с преобразованием артиллерийского ведомства в Главное артиллерийское управление (ГАУ) чертежная потеряла статус самостоятельного отделения. Она, вместе с присоединенной к ней литографией, подчинялась те-

перь Искусственному отделению. Отпала, по-видимому, необходимость в собственном архиве. Во всяком случае, в Положении о ГАУ от 24 декабря 1862 г. он не упоминается.

Архив чертежной был самым большим, но не единственным хранилищем чертежей. Чертежи находились в делопроизводстве Штаба генерал-фельдцейхмейстера, где систематизировались в отдельные тетради. После упразднения штаба они были переданы вместе с другими документами в архив ГАУ. В Артиллерийском комитете имелись чертежи новых образцов оружия, в т. ч. экспериментального. Хранись чертежи и в технических заведениях ГАУ, на заводах, в арсеналах, лабораториях. Все они в установленные сроки сдавались в архив ГАУ.

Первые чертежи поступили в музей из архива ГАУ в 1873 г. вместе с первыми делопроизводственными документами. Сохранилась опись переданных чертежей, подписанная начальником архива полковником Зеленым⁸². В описи содержится 88 порядковых номеров, включающих 173 чертежа. Это отдельные строительные чертежи арсеналов, оружейных и пороховых заводов, генеральные и детальные планы 53-х российских крепостей, 85 чертежей, принадлежавших графу Аркачеву (без указания списка), и чертежи некоторых отдельных построек с 1729 по 1807 г. Следующее поступление было в 1890 г. Из архива ГАУ было передано 523 чертежа материальной части гладкоствольной артиллерии и стрелкового оружия (1656–1840 гг.), в т.ч. чертежи двух Царь-колоколов 1654 г. и 1736 г. Тогда же были переданы медные гравировальные доски с изображением фейерверков и иллюминаций и 8 альбомов рисунков световых представлений⁸³. В январе 1892 г. поступило 116 чертежей архитектурно-строительной графики с 1809-го по 1814 г.⁸⁴ Но основная часть чертежей, составляющая коллекцию музея, поступила вместе с документами архива ГАУ в первой половине 1920-х гг. В 1926 г. к ней были приобщены технические чертежи, находившиеся в здании ГАУ и Артиллерийской технической школе⁸⁵.

В настоящее время коллекция чертежей документального фонда ВИМАИВиВС является уникальным собранием графических материалов. В ее составе чертежи всех видов вооружения, начиная с простейших гладкоствольных орудий XVII в. до нарезной скорострельной артиллерии начала XX в. В нее входят также чертежи боеприпасов, приборов и прицелов. Значительное количество документов относится к производственному оборудованию. Это чертежи станков, различных механизмов,

печей, измерительных и проверочных инструментов. Подавляющее большинство чертежей – подлинники. На многих из них имеются автографы военных министров А.И. Чернышева, Н.О. Сухозенета, Д.А. Милютина, П.С. Ванновского, генерал-фельдцейхмейстеров И.Я. Гюнтера, Л.-В. Гессен-Гомбургского, П.И. Шувалова, Великого князя Михаила Павловича, известных конструкторов Н.В. Маиевского, А.В. Гадолина, В.С. Барановского, Н.А. Забудского и др.

Не менее интересно собрание архитектурной графики. В него включены генеральные планы городов, крепостей и населенных пунктов, проектные и строительные чертежи возводимых зданий и поздних перестроек Санкт-Петербургского, Московского, Киевского, Брянского, Казанского арсеналов, Сестрорецкого, Тульского, Ижевского оружейных заводов, Санкт-Петербургского ракетного заведения, Охтинского, Шостнинского, Казанского пороховых заводов, Ахтюбинского селитренного и Самарского серного заводов, латунных, трубочных и патронных заводов С.-Петербурга, Луганска и Варшавы. В каждом военно-техническом комплексе имеются чертежи гидротехнических сооружений с оборудованными набережными и планы шоссежных дорог. Кроме того, в коллекции представлены чертежи фасадов, планов и разрезов административных и военно-учебных зданий, соборов, часовен, жилых домов для офицеров и командиров, казарм, манежей, госпиталей, складов, конюшен, бань, погребов, сараев и других вспомогательных служб.

Собрание архитектурной графики интересно еще и тем, что оно дает возможность познакомиться со стилистическим почерком архитекторов, участвовавших в военном строительстве. В коллекции хранятся чертежи А. Монферрана, И. Шумахера, К.-И. Шпекле, Ф. Демерцова, З. Краснопевкова, В. Федосеева, А. Гемелиана, Р. Генрихсена, В. Серкова и др. До последнего времени коллекция чертежей оставалась, по существу, за рамками многих научных поисков. Исключения составляют отдельные чертежи, которые затрагивались в профильных для них исследованиях. Да и те рассматривались скорее как иллюстрация к письменному документу или к интерпретации стиля архитектора, творчество которого изучал автор. Чертеж как самостоятельный, очень важный, многогранный информативный исторический источник не исследовался. Возможно, научные каталоги, составление и публикация которых планируется в документальном фонде музея, в определенной степени восполняют этот пробел.

- ¹ Михайлов О. Устав ратных пушечных и других дел, касающихся до воинской науки... Ч. I. СПб., 1777. С. 97. «Устав ратных пушечных и других дел...» – один из важнейших памятников русской военной, технической и научной истории XVII в. В нем изложены сведения в области математики, физики, химии, обширно представлены вопросы военного дела, но главная тема – артиллерия в самом широком смысле этого слова. Долгое время существовал в различных списках, впервые издан в 1777 и 1781 гг. Автор «Устава» Анисим Михайлович Радишевский – военный инженер и гидротехник высокой квалификации, широко образованный человек своего времени играл важную роль в деятельности Пушкарского приказа.
- ² Маковская Л.К. Чертежи двух Царь-колоколов в документальном собрании ВИМАИВиВС // Сборник исследований и материалов ВИМАИВиВС. Выпуск VIII. СПб., 2006. С. 412–425.
- ³ РНБ. Отдел рукописей. Ф. Эрмитажное собрание. № 237.
- ⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 41.
- ⁵ Там же. Ф. 57. Оп. 2. Д. 1. Книга поступила в музей в 1919 г. из собрания лейб-гвардии Конного полка.
- ⁶ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. М., 1962. С. 43–44.
- ⁷ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 1. СПб.–Щелково, 2004. Т. 2. СПб.–Щелково, 2005. Т. 3. СПб.–Щелково, 2006.
- ⁸ Из письма Я.В. Брюса дьяку Приказа артиллерии Н.П. Павлову от 22 ноября 1705 г.: «На Пушечном же дворе прикажи, чтоб исчисление во всяких делах употребляли и считали вместо аршинных вершков футами английскими... Также прикажи и в школе у Петра Грана, чтоб при учение начертания мортир и гаубиц употребляли меру английского фута, а каменного веса меру оставялась». АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 635–635 об.
- ⁹ Там же. Ф. 2. Оп. Генеральное повытье (Г.П.) Д. 142. Л. 89.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 429–429 об., 439 об. Д. 33. Л. 783.
- ¹¹ Там же. Ф. 27. Оп. 15. Д. 41, 44, 51, 149.
- ¹² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 257.
- ¹³ Там же. Оп. 2. Д. 131. Л. 114 об., 115.
- ¹⁴ Там же Д. 185. Л. 389.
- ¹⁵ Там же. Д. 228. Л. 389.
- ¹⁶ Там же. Д. 185. Л. 370.
- ¹⁷ Там же. Оп. Г.П. Д. 143 Л. 275.
- ¹⁸ Там же. Д. 146. Л. 116.
- ¹⁹ Там же. Д. 145. Л. 57–57 об.
- ²⁰ Там же. Д. 143. Л. 9–9 об. Д. 150. Л. 153.
- ²¹ Там же. Оп. 8. Д. 421. Л. 5.
- ²² Там же. Оп. Г.П. Д. 154. Л. 6, 192. Оп. 2. Д. 148. Л. 35.
- ²³ Там же. Оп. Г.П. Д. 155. Л. 15.
- ²⁴ Там же. Д. 156. Л. 159. Д. 160. Л. 19, 282.
- ²⁵ Там же Д. 151. Л. 22–22 об., 207–207 об. Д. 156. Л. 101.
- ²⁶ Там же Д. 161. Л. 132. Д. 171. Л. 146. Д. 173. Л. 17.
- ²⁷ Там же Д. 156. Л. 150.
- ²⁸ Там же Д. 165. Л. 122.
- ²⁹ Там же Д. 180. Л. 226.
- ³⁰ Там же. Д. 176. Л. 59, 135–135 об. Д. 177. Л. 80–80 об. Д. 185. Л. 235–235 об.
- ³¹ Там же. Д. 183. Л. 3.
- ³² Там же. Д. 182. Л. 88–88 об.
- ³³ Там же. Д. 184. Л. 131.
- ³⁴ Там же. Д. 185. Л. 263.
- ³⁵ Там же. Д. 190. Л. 80.
- ³⁶ Там же. Д. 192. Л. 376. Д. 215. Л. 193–193 об.
- ³⁷ Там же. Д. 193. Л. 204, 300.
- ³⁸ Там же. Д. 198. Л. 276. Д. 211. Л. 260. Д. 212. Л. 60.
- ³⁹ Там же. Д. 198. Л. 276. Д. 206. Л. 115. Д. 210. Л. 383.
- ⁴⁰ Там же. Д. 189. Л. 204.
- ⁴¹ Там же. Д. 218. Л. 171.
- ⁴² Там же. Д. 179. Л. 90.
- ⁴³ Там же. Д. 205. Л. 32.
- ⁴⁴ Там же. Д. 193. Л. 80.
- ⁴⁵ Там же. Д. 201. Л. 177.
- ⁴⁶ Там же. Д. 209. Л. 220. Д. 284. Л. 156. Автор сознательно опустил рисунки и акварели с изображением фейерверков и иллюминаций. Световые представления – самостоятельная область исследования.
- ⁴⁷ Там же. Д. 156. Л. 3, 118, 170. Д. 195. Л. 338. Д. 196. Л. 99.
- ⁴⁸ Там же. Д. 167. Л. 74. Д. 169. Л. 89, 171. Д. 178. Л. 41. Д. 179. Л. 189.
- ⁴⁹ Там же. Д. 205. Л. 283.
- ⁵⁰ Сидоров А.А. Рисунок старых русских мастеров. М., 1956. С. 90.
- ⁵¹ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Г.П. Д. 193. Л. 204. Д. 206. Л. 58.
- ⁵² Там же. Д. 218. Л. 165–165 об.
- ⁵³ Из резолюции КГАиФ от 29 октября 1762 г.: «...разные чертежи, подлежащие к содержанию в чертежном архиве, ежели которые по учиненным резолюциям из повытьев в тот архив до ныне не отданы, оные, отыскав, немедленно отдать в тот чертежный архив. И впредь, по вступлению в оную контору и по учинении резолюций, таковые чертежи без замедления отдавать в оной же чертежный архив с расписками». Там же. Оп. Арсенальная (Арс.). Д. 801. Л. 1.
- ⁵⁴ Там же. Д. 678. Л. 56–56 об.
- ⁵⁵ Там же. Д. 678. Л. 56–56 об.
- ⁵⁶ Там же. Оп. Арс. Д. 1193. Л. 1.
- ⁵⁷ Там же. Л. 3–6, 14–16 об., 19–21, 17–18, 22–22 об.
- ⁵⁸ Там же. Оп. Инспекторское отделение. Д. 15. Л. 1. Д. 123. Л. 1–29.
- ⁵⁹ «В сем отделении хранение всех планов и карт, какие есть и вступать будут в Артиллерийскую экспедицию по артиллерийской части, также и экспедиции оной библиотека, и чертежи планов артиллерийских и разные прожекты по артиллерийской части». Там же. Оп. Арс. Д. 1457. Л. 1.
- ⁶⁰ Там же. Л. 4.
- ⁶¹ Там же. Оп. Инспек. Отд. Д. 457. Л. 25–26 об.
- ⁶² Там же. Д. 602. Л. 13–61.
- ⁶³ Там же. Оп. Г.П. Д. 1854. Л. 1.
- ⁶⁴ Там же. Л. 7–8.
- ⁶⁵ Там же. Л. 20–24.
- ⁶⁶ Там же. Оп. Инспек. Отд. Д. 699. Л. 13–19 об., 28–32.
- ⁶⁷ Там же. Д. 774. Л. 9, 17.
- ⁶⁸ Там же. Оп. Г.П. Д. 2209. Л. 3–5.
- ⁶⁹ Там же. Оп. Арс. Д. 2288. Л. 2–3 об., 6.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 31. Д. 6 – в деле перечислены все здания и постройки Сибирского округа по крепостям и гарнизонам; в Д. 25 приводится подробный перечень всех зданий и строений Санкт-Петербургского арсенала с пояснением, что в них находится.
- ⁷¹ В 1827 г. происходила передача чертежного архива от одного начальника – чиновника 8 класса Иванова – к новому начальнику – губернскому секретарю Тимофееву. Там же. Д. 21.
- ⁷² Там же. Д. 24, 25, 49–51.
- ⁷³ Там же. Оп. 35. Д. 40. Л. 3–39.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 1/4. Д. 144. Л. 1.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 31. Д. 6. Л. 25.
- ⁷⁶ Там же. Д. 49.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 1/4 Д. 202. Л. 2–2 об.
- ⁷⁸ Там же. Л. 1–1 об.
- ⁷⁹ Там же. Дело фонда № 27. – Коллекция чертежей.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 35 Д. 75.
- ⁸¹ Там же. Д. 154. Л. 1.
- ⁸² Там же. Д. 213. Л. 203–204.
- ⁸³ Там же. Дело фонда № 27. Опись № 19. В данный момент гравировальные доски и альбомы в музее отсутствуют; когда и кому они были переданы, неизвестно.
- ⁸⁴ Там же. Дело фонда № 27. Опись № 94.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 40. Л. 5–25.
- ⁸⁶ Там же. Д. 161. Л. 132. Д. 171. Л. 146. Д. 173. Л. 17.

Рукописная книга в собрании ВИМАИВ_иВС

Рукописная книга в собраниях письменных памятников музеев занимает особое место и, как правило, пользуется повышенным интересом со стороны исследователей. В архиве ВИМАИВ_иВС хранится ряд рукописей XVIII–XIX вв., представляющих значительную кодикологическую ценность. Рукописные книги сосредоточены в нескольких фондах. Однако их основная часть находится в фонде № 57, который представляет собой коллекцию, поступившую в архив из библиотеки музея в 1956 г. Состав коллекции, распределенной по трем описям, разнообразен. Кроме рукописных книг в коллекции представлены графические материалы (чертежи, карты), различные ведомости, списки чинов, отчеты, поздравительные адреса и т.д.

Первая рукопись из коллекции, поступившей из библиотеки музея (Ф. 57), – «Трактат об атаке крепостей» Вобана, перевод с французского языка, датируется 1739 г.¹ Книга написана на бумаге с филигранью Герб Амстердама и контрамаркой IAS, размером 287x189 мм, на 147 листах. Переплет – картон в коже, на корешке тиснение золотом. Форзацные листы из цветной бумаги. Начиная с листа 11 до листа 27 текст рукописи правлен другой рукой. Правка носит редакторский характер. Например, «О постройке мостов для коммуникации с квартерами» исправлено на «О строении мостов для соединения одной кварталы с другою»². На листе 147об. находится следующая запись: «Вышеписанная книга с французским и с немецким оригиналом в переводе на российской диалект по свидетельству нижеподписавшихся явилась сходственна. Иаков Лешин, капитан порутчик, Carl Friedr. Mesener, Воладимер фон Тирен, Иван Виндорор, Daniel Ferrig. Марта 12 дня 1739 году».

Следующая рукопись, также содержащая текст Вобана, представляет собой сборник, на листах 1–112 которого находится «Практика артиллерии или внятное описание» и на листах 116–169 – «Истинный способ укрепления городов» Вобана³. Рукопись принадлежала ученику Артиллерийской и инженерной школы Александру Шамшеву. На обороте листа I находится следующая помета: «Вся сия книга писана и черчена моею рукою ввремя моего учения. А. Шамшев». Датируется концом 50-х гг. XVIII в. Рукопись написана на 170 (169+1 ли-

терный, 115а) листах, на бумаге с филигранью Pro patria с литерой IW и контрамаркой GR, Pro patria, с контрамарками JHonig&zoop и C&Honig. Размер листа – 305x194 мм. В верхней части листа I находится сухой штемпель: «С.П.Б. Артиллерийский музей». Переплет – картон в коже.

«Военный устав», копия одного из проектов, содержит рукопись, датируемую 1756–1763 гг.⁴ Список на 174 листах переписан несколькими писцами на бумаге с филигранью Герб Ярославля и контрамаркой ЯМАЗ (Ярославская мануфактура Алексея Затрапезнова)⁵. Размер бумаги 330 на 213 мм. Переплет начала XX в. – картон в цветной бумаге с ледериновыми корешком и углами. На л. 1об. экслибрис: «Из книг Алексея Ярославлева».

«Краткие артиллерийские записки», учебное пособие для артиллеристов в форме вопросов и ответов датируется 1771–1779 гг.⁶ Рукопись написана на л. 1–28об. на бумаге с филигранью Герб Ярославля с контрамаркой ЯМСЯ (Ярославская мануфактура Саввы Яковлева)⁷, таблицы, находящиеся на л. 29–38, выполнены на бумаге с филигранью Pro patria, с контрамаркой GR под короной. Рукопись размером 214x165 мм, состоит из I+39 л. и имеет обложку из плотной бумаги, на лицевой стороне которой наклеен бумажный круг диаметром 90 мм с названием книги: «Краткия артиллерийскія записки». На обороте обложки владельческая запись: «В деревню паехал вк <нрзб.> 28 числа месяца февраля а приехал в деревню марта 19 дня. Послал к <нрзб.> в деревне так я?». На л. I: «Дмитре(й) Лихачев? Подписал <нрзб.> 49». На первых листах 5 штампов и 1 бумажный ярлык библиотеки Артиллерийского музея.

Рукопись «Описание артиллерийских орудий. Осадная артиллерия употребляемая ныне» представляет собой справочник об основных видах русских артиллерийских орудий. Датируется 80–90-ми гг. XVIII в.⁸ Рукопись in-8°, размером 156x99 мм, имеет 30 листов (текст на л. 1–25) и бумажную обложку с многочисленными штампами библиотеки.

Рукописная книга конца XVIII в. «Наставление ротному командиру»⁹ написана на голубоватой бумаге с филигранью Герб Ростова (олень) / 1788 и контрамаркой РФЯЯ (Ростовская фабрика Ивана Яковлева) на 37 листах. Размер листа 201x164 мм. На листе 1 владель-

ческая помета XIX в.: «Господина полковника Порошина». На картонной в цветной бумаге обложке бумажные ярлыки: 24/IV, 2.0/П.-60. На обороте обложки черными чернилами написан № 1252 и три синих штампа библиотеки, как и на л. 1. На л. 3–4об. имеются исправления, сделанные карандашом неумелой рукой в XX в.

Учебное пособие по тактике «Образ учения военного искусства, составленный из лучших творений военных наук и в пристойной некоторой порядок приведенный, в пользу господ офицеров Российско-императорских войск Черниговского мушкатерского полка подполковником Олдекопом»¹⁰ – рукописная книга в красном сафьяновом переплете с золотым тиснением и обрезом. Лист 148 рукописи представляет собой письмо Олдекопа, адресованное императору Александру I, в котором он сообщает, что, находясь в отпуске, написал книгу по военному искусству, которую подносит в дар государю. Олдекоп говорит, что при написании своего труда использовал сочинение господина Вентурына, а также другие творения, изданные «при конце последней французской войны». Письмо написано на бумаге с водяным знаком E&P/1796. Рукопись написана на 147 листах размером 240 на 205 мм и имеет приложение виде чертежей, подклеенных к листам 149–153. Филигрань бумаги – Beehive с литерами JH&Z и контрамаркой JHonig&Zoonen¹¹. Чертежи выполнены на бумаге с филигранью Seven provinces (открытый) с литерой JH&Z и контрамаркой JHonig&Zoonen¹².

Наставление о боевых порядках гребного флота при обороне устья Невы представляет собой рукопись на 10 листах размером 186x133 мм в обложке из плотного картона в зеленом шелке¹³. Рукопись написана на бумаге с филигранью Britannia и литерой J Larking/1796. На листах 4, 5, 6, 7 помещены схемы маневров, выполненные тушью и акварелью, на л. 10 – таблица флажков. На обороте обложки три синих штампа библиотеки, на листе 1 – № 2112 и также три синих штампа. На шелке с обеих сторон рукописи читается: «порт №...».

«Экстракт статута военного ордена»¹⁴, или выписки основных положений статута Военного ордена св. Георгия с 1769 г. и последующих правительственных распоряжений, связанных с изменениями и дополнениями к статуту до 1803 г. Рукопись в красном сафьяновом переплете с золотым тиснением и обрезом написана на бумаге с филигранью Seven provinces и контрамаркой JHummen, а также Pro patria с контрамаркой C&IHonig, на 20 листах размером 224 на 167 мм. Имеет пять синих штампов библиотеки и № 1242.

«Устав воинский Римско-императорских королевских войск»¹⁵ 1772 г. Перевод с немец-

кого языка с примечаниями Карла Вагнера, переводчика государственной Военной коллегии. Рукопись конца XVIII в., две книги в кожаных переплетах с красным обрезом. После имени Марии-Терезии в конце текста второго тома стоит имя графа Морица фон Ласци, генерала от инфантерии, с 1762 г. находившегося на русской службе. Оба тома написаны на бумаге с филигранью Pro patria с контрамаркой C&IHonig, первый том размером 301x183, второй том – 301x190 мм. Первый том состоит из IV+290 листов, второй – из VI+375 листов. На л. 362–363об. второго тома написаны ноты сборов и маршей, на л. 364–374 – изображены планы построений полков.

«Новые опыты артиллерии»¹⁶ профессора математики Карла Гюттона. Книга была переведена с английского на французский Г.Л. Виллантруа, директором артиллерийских кузниц в Париже в 1802 г. Перевод с французского Франца Томашевского, рядового Севского пехотного полка. Рукопись написана на бумаге с филигранью Beehive с литерой АО (Александр Ольхин) и контрамаркой F. АО на 104 листах. Размер листа 310 на 208 мм. Переплет: картон в бумаге с кожаным корешком и углами. Рукопись датируется первой четвертью XIX в.

«Искусство верховой езды», извлечение из сочинений Гериньера и Гинерсдорфа. Составлено подполковником Бовинским в Кременчуге 10 мая 1826 г.¹⁷ Рукопись имеет посвящение: «Его императорскому высочеству государю цесаревичу великому князю Константину Павловичу / С глубочайшим благоговением посвящает Новгородского кирасирского полка подполковник Бовинский». Рукопись написана на 125 листах размером 346x215 мм, в кожаном с золотым тиснением переплете, обрез пестрый. Л. 124–125 вклеены в рукопись позже и содержат сравнение сочинения господина Бовинского с изданною в Варшаве в 1815 г. «Школой для кавалерийского солдата». Текст сравнения написан на бумаге с филигранью Pro patria и контрамаркой Holland¹⁸. На листе 1об. карандашом сделана владельческая помета: «Куплена мною у книготорговца Наумова в Ленинграде, в 1927 году. Наумовым куплена у дочери князя Львова. Правильность покупки и <нрзб> проведено следственными властями. <Подпись нрзб.>». На л. 1 находится библиотечный № 1241. На корешке бумажный ярлык с № 1.32/Б-72.

«О полевой службе конницы», сочинение генерала графа фон Бисмарка¹⁹. Перевод с немецкого. Рукопись в зеленом кожаном переплете с золотым тиснением написана на бумаге с филигранью Horn и с контрамаркой JKool&Comp на 162 листах размером 310x194 мм. Датирована 30-ми гг. XIX в. На форзацном листе библиотечный № 1631, три синих штампа проверки и один «АИМ РККА». Библиотека. № 30814.

«Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск Российской армии», часть II, книга I. 1843 г.²⁰ Рукопись в зеленом кожаном переплете с золотым тиснением написана на бумаге с сухим штемпелем: НИ (под короной). Император. Петербург. Бум. Фаб. Рукопись выполнена на 227 листах размером 335x213 мм. На л. 1 синий бумажный ярлык: Отдел рисунков и чертежей. 1971. Рукопись имеет приложение в виде альбома чертежей (Ф. 57. Оп. 1. Д. 37).

«Положение роты дворцовых гренадер», 1857 г.²¹ Рукописная книга в красном бархатном переплете с золотым тиснением на 108 листах размером 312x213 мм. Титульный лист 1 – литография, листы 104–107 – акварельные рисунки формы офицера, унтер-офицера, гренадера и барабанщика. Рисунки выполнены на ватмане с маркировкой JWHATMAN/1856. На л. 1, 36, 73 автограф Александра II: «Быть по сему». Рукой министра императорского двора генерал-адъютанта графа В.Ф. Адлерберга на тех же листах проставлена дата: «В С.Петербурге, ноября 27 дня 1857 года». Его автограф на л. 35об., 39, 51об., 93а об.–93б. На л. 40, 42, 44, 46, 47, 52, 54, 56, 59, 61, 63, 65, 67, 69, 71, 94, 104, 105, 106, 107 рукой Адлерберга: «Высочайше утверждено. 27 ноября 1857 года. Граф Адлерберг». На л. 1, 104об., 105об., 106об., 107об., 108об. синие штампы библиотеки АИМ РККА с № 35561 и 35561/1-5. На обороте верхней крышки переплета синим карандашом: «VII/10577» и бумажный ярлык АИМ: номенкл. № 19, пор. № 473. На л. 1 карандашом «828/П-52».

Во второй описи фонда № 57 находится несколько рукописных книг, одна из которых «О начале фортификации или о кратчайшем пути как ее изобрести можно» начала XVIII в.²² Рукопись в картонном переплете с кожаным корешком написана на бумаге с филигранью Герб Амстердама на 124 листах размером 195x153 мм. На л. 124об. владельческая помета: «Сия книга принадлежит лейб-гвардии конного полку ефрейт-капралу Алексей Муханнов и подписал подлинною своей рукой. Заплачено за сию книгу 35 капеек». На этом же листе синий штамп «Арт. Истор. Музей. РККА. Библиотека. № 35556». На обороте верхней крышки переплета три синих штампа: АИМ РККА. П.Ф./10475; Арт. музей РККА. Инв. № 19/ 609; Арт. истор. музей РККА. Библиотека. № 35556. Внизу синими чернилами написано: «ПФ. 1830/1232».

«Поражение французов на Севере, или военная история знаменитых подвигов российских полководцев и воинов против французов в 1812 г.» – список с опубликованной книги Я. Тихонова. Москва, 1814²³. При изготовлении рукописи использована бумага четырех видов: 1) синяя бумага с филигранью Герб Ярославля (№ 12 у Клепикова) с контрамаркой

ЯБМЯ (Ярославская бумажная мануфактура Яковлевых)²⁴, 2) синяя бумага с филигранью Герб Симбирска с контрамаркой ТМЕП (Тальская Мануфактура Ефрема Пчелина), NOI (сверху) и 1817 (внизу)²⁵, 3) белая бумага с филигранью Герб Симбирска и контрамаркой ПОКФИ Б или И (вверху), 4) серая, грубая плохого качества бумага с филигранью Герб Ярославля (№ 11 у Клепикова). Таким образом, список изготовлен в конце 20-х гг. XIX в. Рукопись имеет IV+208 л. размером 208x134 мм, картонный в коже переплет с остатками орнамента, выполненного черной краской. На л. I следующая запись: «Копия в учетных книгах». На внутренней стороне верхней крышки переплета синий штамп: Арт. Истор. Музей РККА. Библиотека. № 35555, а также № 19/1620, написанный красными чернилами. На л. 1 карандашом: «8.141/Т-46».

«Записки истории артиллерии». 30–40-е гг. XIX в.²⁶ Литография с рукописи в картонном, обклеенном ледерином переплете, с кожаным корешком и золотым тиснением и обрезом. Выполнена на 144 л. размером 342x215 мм. Книга из библиотеки Артиллерийского комитета. На форзацном листе наклеен бумажный ярлык: Библ. Арт. Ком-та. № шкафа – 2. № полки – V. № книги – 62. На л. 1 – синий штамп библиотеки АИМ с № 16583.

«Восемь месяцев плена у горцев, проведенного рядовым Грузинского линейного батальона № 10 Иваном Загорским»²⁷. Части 1–4 опубликованы в Кавказском сборнике (Т. XIX. 1898. С. 221–247.). Рукопись в картонном с кожаным корешком переплете написана на бумаге с сухим штемпелем «НИ. Император. Петербург. Бум. Фаб.» на 32 л. размером 310x196 мм. Л. 33–44 – вырезки из газет (Ведомости С.-П.-Бургской городской полиции. 1847 г. и Русский Инвалид. 1853 г.). Л. 45 и 46 – выписки из книги И. Березина «Путешествие по Дагестану и Закавказью», изданной в Казани в 1849 г. Л. 47 и 48 представляют собой фотографии из Терского областного музея. Таким образом, к рукописи присоединены материалы, рассказывающие о русских офицерах, побывавших в плену у Шамиля. Рукопись можно датировать концом 40-х – 50-ми гг. XIX в.

«Предварительные сведения о Лейб-Регименте и о Кроншлотском драгунском полке»²⁸. Рукопись в кожаном с тиснением переплете написана на 21 листе размером 315x200 мм. По всему тексту на полях идет скрепа: цензор Александр Крылов. На л. 21об. оттиск сургучной печати военно-цензурного комитета и запись: «Военно-цензурный комитет к напечатанию сей рукописи препятствий не находит. Марта 4 дня 1849 года. Председатель Комитета генерал-лейтенант барон (подпись). Ал. Крылов 8 марта 1849 года».

Одно из первых учебных пособий по артил-

лерии в России содержит рукописная книга 1718 г. из фонда Главной артиллерии и фортификации. Рукопись «Совершенное дознание всякому конштапелю от артиллерии»²⁹ была введена в научный оборот под названием «Подлинное научение от артиллерии конштапелям морским и сухопутным» Е.Е. Колосовым в 1958 г.³⁰ Однако титульный лист содержит именно первый вариант, тогда как предложенное Колосовым название представляет собой заголовок первой части книги. На титульном листе черной тушью с размывом нарисована арматура, в центре которой написано «дмитре(й) муравьевъ». Ниже расположена трудночитаемая запись, выполненная вязью, с датой «1718». Возможно, настоящий текст не дописан (отсутствуют выносные буквы) или написан неправильно, что и затрудняет чтение. Рукопись написана на бумаге с филигранями Герб Амстердама с литерой GVH (лигатура) и с контрамаркой Beauvais³¹, Pro patria с контрамаркой IV, размером 317x200 мм, на I+100 (98+2 литерных – 35а, 46а) листах. На листе 36 нарисован герб, на л. 37–44 – таблицы, на л. 46–97 – рисунки орудий и др. Переплет – доски в коже с золотым тиснением, с двумя медными застежками.

В фонде № 52 хранится рукописная книга «О Петре Великом»³², содержащая краткий пере-

чень по годам имен великих князей и царей, подробное описание жизни Петра, его «деяний», болезни, смерти и похорон. Список середины XVIII в. написан на бумаге с филигранью Герб Ярославля (№ 4 у Клепикова) с контрамаркой ЯМЗ (Ярославская мануфактура Затрапезного)³³, на 401 листе размером 314x192 мм. Переплет рукописи изготовлен из досок в коже с тиснением, с двумя медными застежками. На верхней крышке переплета дважды вязью с титлой в картуше: «КНИГА ГЛАГОЛЕМАЯ». На корешке бумажный ярлык: АИМ. Номенкл. № 19. Пор. № 195. На обороте верхней крышки переплета синие штампы: Арт. фонд. № 3670 и Арт. Музей. РККА. Инв. № 19/195.

Настоящий обзор 23-х рукописных книг из архива ВИМАИВиВС позволяет продемонстрировать состав собрания, которое включает в себя учебные руководства, военные уставы и положения, исторические сочинения, воспоминания и описания обмундирования. Хронологические рамки собрания – от начала XVIII до второй половины XIX вв. Некоторые из манускриптов представляют собой подносные экземпляры, а также содержат автографы известных лиц. Дальнейшее исследование собрания позволит проследить историю создания и бытования каждой рукописи в отдельности и собрания в целом.

¹ Архив ВИМАИВиВС (Далее – АВИМАИВиВС). Ф. 57. Оп. 1. Д. 2.

² Там же. Л. 13об.

³ Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 4.

⁴ Там же. Д. 6.

⁵ Клепиков I. № 1054. 1765 г. (Клепиков С.А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX вв. М., 1978.)

⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 8.

⁷ Клепиков II. № 1076, 1079А, 1080 без года. 1783–1787 гг.

⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 10.

⁹ Там же. Д. 11.

¹⁰ Там же. Д. 14.

¹¹ Клепиков I. № 1141. 1801 г. (Клепиков С.А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1958.)

¹² Там же. № 1139. 180? г. (точный год неизвестен. – И.В.)

¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 15.

¹⁴ Там же. Д. 18.

¹⁵ Там же. Д. 19, 20.

¹⁶ Там же. Д. 24.

¹⁷ Там же. Д. 27.

¹⁸ Клепиков I. № 1088. 1827 г.

¹⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 34.

²⁰ Там же. Д. 36, 37.

²¹ Там же. Д. 41.

²² Там же. Оп. 2. Д. 1.

²³ Там же. Д. 4.

²⁴ Датируется 1824 г. См.: Клепиков II. С. 236.

²⁵ Клепиков I. № 388.

²⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 2. Д. 16.

²⁷ Там же. Д. 17.

²⁸ Там же. Д. 18.

²⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 239.

³⁰ Колосов Е.Е. Подлинное научение от артиллерии конштапелям морским и сухопутным» (Наставление по стрельбе 1718 г.) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. III. Л., 1958. С. 211–214.

³¹ Дианова, № 387. 1711–1714 гг. (Дианова Т.В. Филигрань Герб города Амстердама. М., 1998.)

³² АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 114. Д. 1.

³³ 1751–1756 гг. См.: Клепиков II. С. 236.

История создания и авторы первого «Высочайше подтвержденного» генплана Астрахани по документам архива ВИМАИВиВС

Ключевой пункт на Великом Волжском пути, форпост Москвы на Каспии, русская Астрахань в середине XVI в. стала преемницей мегаполисов средневекового Востока – хазарского Итиля, половецкого Саксина, золотоордынских Сараев, татарского Хаджи-Тархана. В XVII в. она выросла в одну из самых мощных крепостей Московской Руси. Строительством здесь изначально ведали военные инженеры. Известны имена «градодельцев», ставивших первую, деревянную, русскую крепость в дельте Волги: дьяка Разрядного приказа Ивана Выродкова (повторившего в Астрахани метод сборного строительства, впервые примененный им при сооружении Свяжска), первого астраханского воеводы Ивана Черемисинова, отправившего чертеж Астраханской крепости в Москву на утверждение («А как городу быть, я начертил, – писал он Ивану Грозному, – Пожалуй, Государь, поскорее отпусти свое повеление»¹). Зарубежные источники называют имя голландского фортификатора Космо де Мушерна, в первой четверти XVII в. принятого на русскую службу для модернизации укреплений Астрахани². Документы астраханской приказной палаты сообщают о «подъячем Петре Радивонове», исполнявшем в 1644 г. в Астрахани чертежные работы³. Известно о чертежах «низовых городов», сгоревших при пожаре 19 июня 1701 г. в Приказе Казанского дворца⁴. Немало чертежей было составлено в XVIII в. в связи с задачей модернизации «нерегулярной з башнями» Астраханской крепости. Из документов архива ВИМАИВиВС недавно удалось узнать о работах 1740-х гг., выполнявшихся в Астрахани военными инженерами Петром Кутузовым, Данилой Менделеевым и другими по инициативе здешнего губернатора В.Н. Татищева⁵, о прокладке задуманного Петром I «астраханского Большого канала», проводившегося инженерной командой в 1750-е гг. под руководством генерал-инженера А.П. Ганнибала⁶.

Имени же автора первого генерального плана города Астрахани, составленного в 1760-е гг., до

сих пор не было достоверно известно. Таковым называют главного архитектора Комиссии о каменном строении Петербурга и Москвы, осуществлявшей знаменитую градостроительную реформу екатерининского времени, А.В. Квасова⁷. Однако он участвовал в разработке планов реконструкции российских городов, как правило, на завершающей стадии: приводил в соответствие с требованиями Комиссии – к «регулярству», единообразию в «новоевропейском духе» проекты, присылавшиеся с мест, и ставил перед подачей на высочайшую конфирмацию свою согласующую подпись. В этом смысле все планы, утвержденные Комиссией при жизни Квасова (до апреля 1772 г.), можно считать «квасовскими». Однако следует иметь в виду, что если в городе работал землемер, инженер или архитектор, то исходный план составлял именно он. Другое дело, что специалистов на местах было еще не так много, а главное – мы о них настолько мало знаем, что их деятельность часто остается для нас анонимной (один из исследователей справедливо назвал это «результатом недостаточного внимания к документальному материалу»⁸).

Другим «претендентом» на роль автора первого генплана Астрахани оказался немецкий ученый С.Г. Гмелин. Приглашенный в петербургскую Академию наук и возглавивший один из отрядов знаменитых академических экспедиций конца 1760-х – 1770-х гг., он жил и работал некоторое время в Астрахани, которая стала «штаб-квартирой» прикаспийских академических путешествий. Гравированный чертеж Астрахани, помещенный во втором томе «Путешествий» академика Гмелина⁹, называют, порой, не только «планом из книги Гмелина»¹⁰, но и «планом, выполненным С.Г. Гмелиным»¹¹. И это при том, что сам Гмелин, хотя и широко образованный ученый, но, тем не менее – «доктор медицинской науки», «профессор естественной истории» – ни геодезистом, ни инженером, ни архитектором не был; таких специалистов не было и среди членов его отряда – были лишь рисовальщики. Мог ли рассматриваемый план Астрахани стать результатом экспедиции Гмелина? Кто на самом деле был его

автор?

Ответ на этот вопрос дают документы архива ВИМАИВиВС, по которым не только устанавливаются имена авторов генплана Астрахани 1769 г., но и реконструируется история его создания.

60-е годы XVIII века. Два столетия минуло с тех пор, как под стены Астрахани приходило крымско-турецкое войско, чтобы отнять у русских «наследие Золотой Орды», которое Крым считал своим. Прошли времена, когда ежегодные «поминки» (государевы подарки «в знак памяти и любви»), посылаемые Москвой крымским Гиреям, объявлялись арендной платой за якобы принадлежавшие им земли¹². Однако угроза городу «на персидской границе» не исчезла. Вот как говорит о ней «представление» астраханского губернатора В.В. Неронова¹³ февраля 1762 г. из дела с характерным названием «О предосторожности Астраханской крепости от волнования Крымских татар»: «Астраханская крепость от прочих российских городов обстоит в немалом удалении, в самом пограничном месте, в близости к турецкой и кубанской сторонам, к самой Персии и к горским жилищам по открытым степям, а паче х кочующим около Яика реки степным народам киргиз-кайсакам, которые прежде сего неоднократно чинили воровские злодейские нападения многочисленными партиями на здешние места... напали на волгских калмык... подходили почти к самой Астрахани...» Опасался Неронов, «яко ныне Крымский хан, имея движение переходить ис Крыма на Кубань с войском чрез барьерные земли между обоими державами», не учинил «на здешние места нападения». Да и «бывшей Кубанской сараскер Багадыр Гирей Салтан», предупреждал губернатор, «чинит в народе на Кубани возмущение», подбивая к набегам «горских черкес», которые «могут самую глубокою степью, миновав дороги и засавы, подбежать к самой Астрахани и на Кизлярскую дорогу»¹⁴.

Такая ситуация требовала сильного гарнизона, надежных оборонительных сооружений, инженерной команды, способной содержать их в рабочем состоянии. По петровскому «аншлуту» 1724 г. – штату «о гарнизонных инженерных служителях, колико где оных быть надлежит», – в Астрахани полагалось 13 специалистов¹⁵, больше, чем в любой другой крепости империи¹⁶. Штат этот далеко не всегда был заполнен – специалистов не хватало, выпускники столичной инженерной школы стремились порой избежать службы в далекой окраинной крепости. Но было немало таких, кто служил не за страх, а за совесть. Военные инженеры много значили в пограничных городах, где ведали строительством не только фортификаций. Так, в августе 1746 г. Военная коллегия

велела генерал-фельдцейхмейстеру князю В.А. Репнину¹⁷, чтобы во всех «местах, где имеются инженерные офицеры, по требованию губернских и гарнизонных канцелярий хотя х крепостям и некасающихся, строением и починкою, токмо б казенные и к интересу касающиеся работы были... кроме партикулярных, инженерным офицером планы и смету сочинять, понеже... для казенных работ особливых архитекторов не везде иметь и содержать можно»¹⁸.

Помимо прочего, инженерные офицеры составляли планы застройки городов-крепостей. Так было и в Астрахани. Вследствие «представлений» губернатора Неронова, настойчиво предупреждавшего о внешних угрозах городу и плачевном состоянии его крепости («Оная приходит в крайнюю ветхость и во многих местах развалилась и людей давит...»¹⁹), в очередной раз возник вопрос о модернизации астраханских укреплений. Первым шагом в этом направлении было «велено всей Астраханской крепости с форшта-том и протчим какое есть строением, как она ныне действительно состоит, учиня окуратной план, тож и всей ситуации версты на две кругом, показав наивернейшие вышинам и глубинам имеющимся как в крепости, так и около в профилях мер, представить...»²⁰ В октябре 1762 г. в Астрахани получили ордер с таким заданием, а в январе 1764 г. глава астраханских инженеров подполковник Василий Левин рапортовал генерал-фельдцейхмейстеру, что «оной Астраханской крепости план с предписанною ситуациею и с профилями сочинен»²¹.

Объясняя причины, по которым «сей план представлением умедлен», Левин сообщил некоторые обстоятельства его создания. «Оной план начался съемкою зимою прошлого 762 года в декабре месяце бывшим при астраханской инженерной команде инженер прапорщиком (которой умре) Марковым марта по 22 число 763 года, в которое время за погодами, великими стужами, тож и ненастными днями, съемки онаго плана было весьма мало. А со онаго 22 числа за болезнью онаго прапорщика Маркова, которой 31 числа марта умре, за неимением в то время в Астрахане афицеров, съемки не было. Почему принужден был онаго взять из Чернаго Яру – инженер порутчика Шышкова. А хотя кондукторы Харламов и Антонов при команде в то время находились, но оные, как люди, в практике набывалые, поверить одним было сумнительно. И так порутчиком Шишковым съемка производилась июня по 15-е. А со онаго 15 числа, как начала прибылью поливаться вешная поляя вода и все низкие места затопила, чрез которую, хотя уже в Астрахань х команде по повелению прибыл из Казани и инженер порутчик Алфимов, ситуации и профилям снимать было невозмож-

но. И продолжалась оная вода, пока поемные места обсохли, по сентябрь месяц. За которыми препядствиями предускорить съемкою онаго плана и профилей было никак не возможно»²².

Именные списки Инженерного корпуса и другие источники позволяют добавить несколько штрихов к этой выразительной информации. Так, погибший в ходе съемки (очевидно, простудившись в «великие стужи») Андрей Марков состоял «в службе», (т.е. начал обучаться в инженерной школе) с ноября 1754 г., в августе 1758 г. стал «кандуктором» (чертежником) II класса, в 1760 г. числился «в Низовой соляной канторе» (располагалась в Саратове) и «по аттестации от команды», а также по «мнению» высших командиров, был «к повышению чина достоин»²³.

Поручик Семен Шишков, имевший в 1763 г. «от роду» 28 лет (прапорщик Марков, несомненно, был еще моложе), происходил «из дворян Новоторжевского уезда» («у отца его» крепостных «мужеска полу 5 душ»), состоял «в службе» (т.е. в учении) с 1747 г., получил офицерский чин (т.е. окончил школу) в 1758 г., служил на Украинской линии, в Изюмской и Бахмутской крепостях, а с 1759 г. – в Чернойрской; формулярный список 1766 г. характеризует его так: «Инженерные науки и часть артиллерии знает, состояния доброго, во всем себя ведет порядочно, опрятен, пороков не имеет, к перемене чина быть достоин»²⁴.

Кондукторов Ивана Харламова и Петра Антонова (им было, соответственно, 17 и 20 лет) направили в 1762 г. в Астрахань, по-видимому, как подмогу в составлении плана, из Петербурга (в 1763 г. Антонов вернулся в столицу, где состоял «в комплекте у генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова при Екатерининском канале», Харламов отправлен в Великие Луки, а в 1764 г. – в Ригу)²⁵.

Прибывший из Казани Ефим Алфимов служил с 1745 г., стал офицером в 1758 г., с 1759-го состоял подпоручиком «в Петербурге при инженерной роте», по «аттестации» 1760 г. назван «к повышению чина достойным»²⁶.

Василий Васильевич Левин («из дворян, за ним мужеска полу 10 душ») в 1763 г. – 40-летний командир астраханской инженерной команды, ставший подполковником в марте того же года; в Инженерном корпусе состоял (т.е. учился «инженерству») с 1738 г., первый офицерский чин получил в 1744 г., в январе 1759 г. стал майором; служил с 1745 г. в крепости Св.Анны, затем в Киеве, а с 1759 г. в Астрахани²⁷. Известно, что позже он был здешним обер-комендантом (следовательно, пользовался авторитетом не только как специалист-инженер), а в конце жизни удалился в Чуркинскую Успенно-Николаевскую пустынь, стоявшую «в 50 верстах от Астрахани», «у самого

Каспийского моря» (из чего можно предположить, что семьи у него не было, а значит, служба составляла главное, если не единственное, содержание его жизни)²⁸.

План Астрахани, изготовленный астраханскими инженерами к январю 1764 г. и отправленный в Петербург, в собраниях северной столицы не обнаружен²⁹. Тем не менее, он существовал: в «Описи чертежам и картам, бывшим при чертежной генерал-инженера Мордвинова»³⁰ 1780 г. чертеж «за рукою подполковника Левина» значится под № 456 как «План и профили Астраханской крепости с показанием ситуации вокруг на две версты 764 году»³¹.

Обладание подобными материалами военно-инженерное ведомство считало своей прерогативой и всячески оберегало ее, выдвигая резонные доводы. Из переписки Правительствующего Сената и генерал-фельдцейхмейстера графа П.И. Шувалова³² открываются следующие обстоятельства. В конце 1750-х гг. Сенат направил на места запросы «зделать объяснение о географических известиях всех городов губерний и правинций Российского государства для сочинения атласа», в том числе «объяснить, чем огражден каждой город – каменною ли стеною или деревянною или земляным валом, полисадником или рвами; при чем показать меры их окружности, вышины, глубины», а также «ежели где есть в городах какие чертежи оных городов – самих и окрестных мест – то оные прислать». Граф Шувалов, соглашаясь с доводами генерал-инженера Ганнибала³³, «усмотрел» в этом угрозу государственной безопасности и нарушение законодательства: «Когда по сему надлежащее исполнение учинить, то состояние всех крепостей... публично открыты будут, что не только политические резоны, но и права или узаконения запрещают». Возглавляемая им Канцелярия Главной артиллерии и фортификации распорядилась, «дабы во всех губерниях и гарнизонах... впредь в такие дела, кои состояния крепостей и сочинения оным планов подлежат, не вступались», а инженерам на местах «по тому запросу объяснения чинить недозволять». В ответ на запрет Шувалова давать «известия» с мест, Сенат извещает, что будет требовать их прямо от него через Академию наук: «Приказали канцелярии Академии наук подлежащая до описания к сочинению Атласа о пограничных, где крепости есть, местах, известия требовать от Вас, г-на генерал-фельдцейхмейстера и кавалера, о которых Вам... сообщать в канцелярию Академии наук, дабы в сочинении того Российского атласа остановки быть не могло». Указ Сената от 8 июня 1760 г. завершается категорическим требованием «сенатору, генерал-фельдцейхмейстеру, Ея Императорского величества действительному камергеру, лейб-гвардии подпоручику, государственно-

ях целых 7 лет – до катастрофы калмыцкого «исхода».

Выросший в Петербурге, увидевший в годы плена благоустроенные города Европы, Бекетов с первых же лет губернаторства вознамерился, помимо прочего, добиться, чтобы вверенный ему город «строением своим отвечивал своему завидному местоположению», решил упорядочить застройку Астрахани, «обстроить по планам архитектуры». Целеустремленно и последовательно добивался он этого, почему и оказался летом 1764 г. в Инженерном доме Петропавловской крепости, где работал над астраханскими чертежами с главой артиллерийского и инженерного ведомства России. «Учиненное» ими совместно «Рассуждение» содержит четыре пункта.

Во-первых, предполагалось «на том месте, где ныне Кремль», сделать «цитадель» в виде земляных куртин с шестью бастиянами, распространив ее до Гостиного двора включительно («а Индейской дом и монастырь уже будет за цитаделью под защитой оной»). Во-вторых, Адмиралтейство решили «особливо укрепить», сделав дополнительно «редант» и «хорошею батарею». В-третьих, пространство за городом – иноземческие, солдатские и прочие слободы – окружить «ретранжаментом по хорошей профили», «зачав от реки Волги» и «приткнув к цитадели против Гостиного двора». В-четвертых, «все пространство» так называемого городского острова – центра Астрахани, окруженного водным кольцом Волга–Кутум–Канал, защитить сооружениями двойного назначения, функционально необходимыми Астрахани и как приграничной крепости, и как торговому городу-порту: «Вместо куртин зделать каменное надежное строение со сводами: на пак гаузы и на кладовыя амбары», т.е. поставить по берегам кольцо мощных складских зданий, которые служили бы одновременно защитой от вражеских нападений (эту мысль мог подсказать Бекетову стоящий поныне на берегу Кутума внушительный комплекс Демидовского подворья – каменных торговых складов купца Демидова-Лошкарева).

Не все идеи Вильбоа, судя по дальнейшим высказываниям, разделял Бекетов. Так, затея устроить на месте древних, сильно обветшавших, но все еще мощных стен и башен Астраханского кремля и примыкавшей к нему торговой площади «новоманирное» земляное укрепление – цитадель – была явно абстрактной, утопической, не учитывавшей местных условий и возможностей. Однако совместная работа губернатора с генерал-фельдцейхмейстером не была напрасной. Ее итог – приведенные «Разсуждения» – Вильбоа направил существовавшей при его ведомстве с елизаветинских времен «Комиссии о рассмотрении крепостей» с предложением «приступить к рас-

смотрению Астраханской крепости»⁴⁰. Таким образом, Бекетов сумел сдвинуть с мертвой точки дело усиления обороноспособности Астрахани, оказавшееся непосильным для его престарелого предшественника В.В. Неронова.

Правда, нельзя сказать, что работа двигалась быстро. Получив распоряжение Вильбоа от 17 июня 1764 г., Комиссия о рассмотрении крепостей отвечает лишь 23 февраля 1765 г., причем заявляет, что занята «прожеком крепости Святого Димитрия Ростовского» – «уважая, что она крепость не только в сравнении других мест больше опасности подвержена, но и еще до сего времени, яко самая пограничная против такого силнаго соседа, весьма слабою фортификациею... снабдена». Намеревались «прежде окончить оной прожект... а потом и к астраханскому приступить...» На это здесь же, на рапорте Комиссии, – приписанная «бисерным» почерком реакция Вильбоа: «Ежели столко же Астраханской прожект дожидать, как Святому Димитрию, которой и теперь еще вскоре сулитца, то всемерно поспешность в том неуповательна...»⁴¹ Невзирая на объяснения Комиссии, что «сие дело поныне задлилось» из-за «множества деталиев», а также по «недостатку потребных к черчению инженерных офицеров и кандукторов», генерал-фельдцейхмейстер велел: «А как астраханской прожект более весьма нужен, потому что обывателям нужнейшее строение без точнаго положения зачать неможно, и для того рекомендую ево наискорейше сочинить и представить...»⁴².

Комиссия о рассмотрении крепостей состояла из профессионалов высочайшего класса. Представленный через полгода рапорт о «прожекте» Астраханской крепости подписали генерал-инженер Данила Дебоскет – ученик «ветерана Петровских времен» А.П. Ганнибала, сменивший его в должности «главного инженера Российской империи», инженер-генерал-майор Ларион Голенищев-Кутузов – отец прославленного полководца, знаменитый в свое время военный строитель, создатель Екатеринбургского канала и Казанского моста в Петербурге, а также инженер-полковник Вильгельм Пурпур, служивший в начале 1740-х гг. адъютантом возглавлявшего Астраханский инженерный департамент генерал-майора Петра Дебриньи и при случае консультировавший военно-инженерное начальство по вопросам астраханской специфики. Их рапорт являет собой обстоятельное пояснение к проекту, включавшему, как они писали, 5 листов «планов и профилей»⁴³.

Из пояснения следует, что Комиссия нашла «неудобным» строить предложенную в «Разсуждениях» Вильбоа–Бекетова цитадель, поскольку «как под оную, так и под экспланату немало отойдет строения... которое со вредом

обывателем перенести в другое место должно». К тому же для такого многолюдного города, как Астрахань, предложенная цитадель «по тесноте своей не токмо пожитков, [но] и самых жителей поместить не может». В случае нападения «все, что составляет город, останитца вне крепости... – церкви, гостиной двор, фабрики тож, обывательские дома...» Все перечисленное, перейдя под защиту «слабого» ретранжаменты, легко станет добычей «нерегулярного неприятеля», который, «атакуя вдруг в разных местах», легко всем городом «овладеть может». (Комиссия нашла нужным подчеркнуть, что неприятель в тех краях – «варвар... которой не токмо все разграбит, разорит, выжжет, опустошит, но и самых жителей отведет к вечному порабощению».) Слабость предложенного в сочетании с цитаделью ретранжаменты объяснили тем, что таковой «по всем линиям боле девяти верст разтянетца» – «ко обороне онаго целая армия потребна будет».

Зато согласилась Комиссия с тем, чтобы «все что включалось в старой каменной город» следует «обнять настоящим укреплением». В качестве такого укрепления предлагалось использовать сохранившиеся, хотя и очень обветшавшие, местами утраченные, старые стены («содержать починкою... да ежели нет окон, то бойницами, и поделать вновь, откуда по высоте места очень командовать весь город можно...») и «положенные в куртинах пакгаузы и казармы», предложенные в «Разсуждениях об Астраханской крепости», скорее всего, Бекетовым. При этом следовало «куртины сомкнуть от канала пакгаузами, чтоб купцам товары ближе выгружать было, делая в них наружные стены толще и окна таким образом, чтоб в нужном случае пушки в них вместо бойниц употреблять можно».

Складывается впечатление, что и в работе Комиссии не обошлось без участия астраханского губернатора. Это проявляется в отрицании авторами проекта того, что не нравилось Бекетову, в принятии того, что Бекетовым в разных случаях предлагалось, а также в том, что многие решения оставляются на усмотрение «тамошнего губернатора», который «по знаемости» местных реалий «надлежащая меры употребит», «особливыя способы найдет» и т.п. Главным образом это касается планировки и застройки жилых кварталов: «А о улицах и оставленной для збору людей площади... единственно на ево попечение положась... чтоб без

разорения жителей... полезность в регулярности строения не упустить... и строение небезпрестойно в каждой улице одинаких фасадов со опробаци от тамошнего губернатора производить». Но и в отношении фортификационных сооружений рекомендовалось прежде, чем приступить к осуществлению проекта Комиссии («не вступая в действительное исправление тех строений»), получить от губернатора заключение («его мнения о том прожекте представить по команде») – вот что значит быть

среди лучших «в регулярной фортификации» кадет Сухопутного Шляхетного корпуса!⁴⁴ И даже в столь эмоциональном и совсем не характерном для текстов военно-инженерного ведомства пассаже об образе действий противника-варвара можно усмотреть влияние человека, который был известен в придворных кругах своего времени как поэт, чьи стихи «многими знающими людьми похвалялись».

Комиссия представила астраханский «прожект» через полгода – в сентябре 1765 г. Но и Бекетов не сидел это время, сложа руки. 15 августа того же года – вскоре после того, как на место Вильбоа был назначен Григорий Орлов⁴⁵ – в адрес нового генерал-фельдцейхмейстера отправилось из Астрахани письмо, обнаруженное в деловой переписке военно-инженерного ведомства. Этот документ имеет первостепенное значение для градостроительной истории Астрахани. (Любопытно, что письмо Бекетова Орлову – не обращение к генерал-фельдцейхмейстеру и над фортификациями обер-директору с полной его титулатурой, которой открываются все прочие подобного рода бумаги, а фактически – приватная просьба, свидетельствующая о личных отношениях автора и адресата⁴⁶.)

«Сиятельный Граф
Милостивый Государь Григорей Григорьевич.

За милостивое Вашего Сиятельства писание от 29 мая, полученное мною чрез г-на Цыплетева⁴⁷, приношу при сем мое вседолжнейшее благодарение. Приказание Ваше исполнить во всяком случае я себе почитаю за особое удовольствие.

Простите мне, милостивый, что и я осмеливаюсь с моей стороны утруждать Ваше Сиятельство всепокорнейшею просьбою, которая состоит в успокоении нескольких тысяч людей, которых благосостояние из Высочайшей

Н.А. Бекетов.
С портрета Ф.С. Рокотова
1760-х гг.

ко мне милости монаршей препоручено попечению моему. Итак, не столько для меня, сколько для сего множества, снесите милостиво сие принесенное Вам от меня утруждение.

Здесь получил я указ, что Астраханской крепости повелено из Сената зделать проект и что Вы изволили приказать оной как наискорее окончивать. Но я, ведая, что посланной от инженерной команды чертеж – что касаетца до домового строения – то в нем по мелкости маштапа всего так ясно ни внести, ни рассмотреть неудобно. А притом и по нынешнему действителному Астрахани состоянию несколько и неверен. Поправление же по местоположению здешних улиц – как оное единственно по Высочайшей воле на меня положено – и не назначено. *А прибывшей архитектор толко что вновь оной план окончал со всякою верностию, полагая при том, как и вновь Астрахани впредь строением быть должно* (курсив мой. – Е.Г.), то я оной на рассмотрение Вашего Сиятельства при сем посылаю *с назначиванием одними линейками, по мнению моему, применяясь к улицам и крепостное строение* (курсив мой. – Е.Г.) к главнейшему Вашего Сиятельства рассмотрению. Цытадели же, как Вильбуа во время бытия моего в Петербурхе разсуждал, мне кажетца, быть ненужно. Ибо целая часть, назначенная под каменное строение, посредством канала с положением в нужных местах батареи, вместо ее служить может. А притом и... показанное на плане сплошное каменное строение по здешнему неприятелю непобедимую обороною составить в состоянии. В протчем, предаю все в мудрое ученийших людей рассмотрение. Прошу толко ради бедных жителей исходатайствовать какую нибудь толко скорейшую резолюцию, ибо *без того мне ни мест отводить, ни домов перестраивать допускать невозможно.* (курсив мой. – Е.Г.) А сие крайне беспокоит всякаго хозяина. И меня, смотря на них, не менее мучит. В протчем, препоручая себя в неотъемлемую Вашу милость, с глубочайшим почтением моим остаюсь, Сиятельный граф, Милостивый государь, Вашего Высокопревосходительства всепокорнейший слуга Никита Бекетов. 15 августа 1765 году. Астрахань»⁴⁸.

Из письма, помимо всего прочего, следует, что пока военно-инженерная комиссия в Петербурге «сочиняла прожект» Астраханской крепости, губернатор привлек к работе над планировкой и застройкой жилых кварталов города гражданского архитектора. В этом проявилась осведомленность Бекетова о столичных нововведениях, в данном случае – о деятельности учрежденной в декабре 1762 г. Комиссии о каменном строении Петербурга и Москвы, в адрес которой после колоссального пожара в Твери последовал указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов...» Именно в русле этого, вышед-

шего 25 июня 1763 г. указа, гласившего: «Как доныне всем в России по губерниям и провинциям лежащим городам специальных планов еще не сделано, то всем тем городам, строению и улицам делать по каждой губернии особо специальных планов»⁴⁹ – действовал Бекетов, привлекая к работе в главном городе подведомственного ему края архитектора, способного решать вопросы градостроительства.

Появление гражданского архитектора было для Астрахани совсем необычно. До тех пор здесь, как и в любом другом приграничном городе-крепости, все вопросы планировки и строительства находились в ведении военных инженеров. Если бы не компетентность и инициатива губернатора Бекетова, появление архитектора в Астрахани стало бы делом отдаленного будущего. Показательно, что в астраханской историографии первым здешним архитектором – ошибочно, как теперь понятно, – числится Александр Дигби⁵⁰, работавший, по его собственному выражению, «в качестве архитектора губернского города Астрахани с 1786 по 1803 гг.»⁵¹ Обнаруженные документы открывают, что архитектор появился в Астрахани (в цитированном письме Бекетов называет его «прибывшим») уже в середине 1760-х гг.

Реакция астраханских инженеров на нововведение губернатора была предсказуемой. В октябре 1765 г. глава астраханской инженерной команды знакомый нам подполковник Левин в рапорте генерал-инженеру «Даниле Ивановичу Дебоскету»⁵² с явным негодованием докладывал о нарушителе двухвековой традиции. «Господин генерал-майор, ковалер и астраханской губернатор Бекетов», ссылаясь на собственноручную резолюцию «Ея Императорского Величества», учредил «под своею дирекциею... особливую экспедицию», которую отдал «под управление... архитектора», и велел тому «снять со всего города Астрахани план, как он ныне есть, с назначиванием поправления улиц и домов, полагая, что от Кремля города в длину до реки Кутумовы, в ширину от Волги до канала быть каменному строению, а деревянное вынести за канал...»⁵³ И отвод новых мест под застройку, и переделку старых, доносил Левин о губернаторе, тот отдал «на разсуждение того ж архитектора». Как и следовало ожидать, инженер-подполковник напомнил один из указов елизаветинского времени, по которому «препоручено было оное строение в подлежащее смотрение командующим крепостным инженерным офицерам». А далее высказал опасение, что «сочиняемый» в Петербурге военно-инженерной Комиссией «прожект» Астраханской крепости может войти в противоречие с тем планом города и отводом мест под жилое строительство, которые осуществляет новоявленный архитектор. В заключение Левин предупреджал: «Ежели...(в

результате такого противоречия. – Е.Г.) крепостному укреплению произойдет помешательство и обывателем в ломке домов последует убыток...» – чтобы «онаго на астраханской инженерной команде взыскиваемого не было». Опасения эти были бы справедливы, если бы Бекетов, направляя на месте работу архитектора, не контролировал одновременно разработку проекта астраханских укреплений в столице – именно для того, по-видимому, чтобы избежать нестыковок, чреватых означенными Левиным «помешательством» и «убытками».

Но как реагировал на письмо Бекетова его адресат?

Письмо отправлено 15 августа, а 29 сентября того же 1765 г. «из военной походной его высокографского сиятельства господина генерал-фельдцейхмейстера, над фортификациями генерал-директора... графа Григорья Григорьевича Орлова» канцелярии Комиссия о рассмотрении крепостей получила «две трубки чертежей и один коверт»⁵⁴. В конверте было «предложение» Орлова Комиссии, в котором сообщалось: «...Ныне господин генерал-майор, астраханской губернатор и ковалер Бекетов, ведая, что посланной сюда от тамошней инженерной команды чертеж по теперешнему Астрахани состоянию несколько неверен, да и по мелкости мачтапа всего на нем рассмотреть неудобно, прислал ко мне зделанные вновь тамошним архитектором два плана – в большом и уменьшенном положении – известив, что оные сочинены во всею верностию, с положением при том, как и вновь Астрахани строенной быть, по мнению ево, должно. Цытодели ж, разсуждает, быть ненужно, потому что целая часть, назначенная под каменное строение, посредством канала с положением в нужных местах батарей, вместо ее послужить может...» В «трубке» Орлов направил своим подчиненным как присланные ему Бекетовым планы Астрахани, так и разработанный Комиссией «прожект» астраханских укреплений, оцененный самим Орловым как «весьма изрядный». И рекомендовал «все обще рассмотреть, соображая» интересы как обороны, так и обывателей города, «и потом прожектюванной план с профили и сметою представить» к нему «в скорости»⁵⁵. То есть высокой Комиссии предлагалось откорректировать составленный ею проект в соответствии с материалами, присланными астраханским губернатором.

Как видим, Орлов по отношению к Бекетову проявил себя как настоящий товарищ – тот «веселый и дружески расположенный» к незнатным армейским соратникам товарищ, о котором вспоминал один из них, А.Т. Болотов, – а также как «добрый, с мягким отзывчивым сердцем, готовый помочь и оказать покровительство, доверчивый до неосторожности, щедрый до расточительности... схватывавший мысль на

лету, быстро усваивавший суть дела» фаворит императрицы, о котором пишут биографы⁵⁶.

По-другому, разумеется, восприняла «предложение» Орлова Комиссия о рассмотрении крепостей. Глава ее, убеленный сединами ветеран, образованный и опытный инженер Дебоскет (Бекетов знал, о ком говорил, упоминая в своей просьбе к Орлову «ученейших людей») в рапорте Орлову от 8 декабря 1765 г. устроил «ничему не учившемуся» юнцу, «любимцу счастья», волею императрицы оказавшемуся во главе одного из самых могущественных ведомств империи, едва ли не отповедь, потребовав, чтобы «пока означенной астраханской крепости прожект опробаци не удостоитца... никаково строения вновь нерасполагать и под оные места отводить обождать», и напомнив: «Чтоб в крепостях обывательское строение порядочно и в подлежащих местах располагаемо было, отдано в попечение и смотрение инженерным командам, как и во всех Российской империи департаментах поныне чинитца». Однако субординация не позволяла ослушаться генерал-фельдцейхмейстера – и генерал-инженер, справившись с эмоциями, пришел в финале своего рапорта к компромиссному решению: «Инженерному командиру (в Астрахани. – Е.Г.) по получении прожекта о местах, которые офортификацировать (так! – Е.Г.) должно, точно будет известны, нежели архитектору... и потому неотменно оному инженеру... в согласии обо всем з губернатором быть надлежит (курсив мой. – Е.Г.), о чем Вашему Сиятельству чрез сие и представляю...»⁵⁷

Эта бурная переписка, остававшаяся до сих пор неизвестной, открывает еще один важный факт отечественной архитектурно-градостроительной истории XVIII в. Здесь указывается имя архитектора, которого Бекетов привлек для разработки генерального плана Астрахани. Его называет инженер-подполковник Левин в цитированном рапорте Дебоскету, а затем Дебоскет – в рапорте Орлову: «архитектор Меншой (Меншев, Меншов)».

Имя этого архитектора содержит также неопубликованный чертеж из РГИА с проектом «обывательским домам» в Астрахани, датированный ноябрем 1767 г. и подписанный «архитектор Андрей Меншой»⁵⁸. Упоминание об этом архитекторе есть в книге астраханского краеведа, ссылающегося на документы местного архива⁵⁹. О «Меньшом (Меньшове) Андрее» появились сведения в недавно вышедшем словаре московских зодчих времени барокко и классицизма⁶⁰. Информации здесь не много, главная – что он был «архитекторским учеником» у Ф.Б. Растрелли, участвовал в строительстве по его чертежам Среднерогатского путевого дворца близ Петербурга, Анненгофа в Москве. Сказано также, что в 1759 г. Меньшой получил звание архитекторского помощника, в

1764 г. стал «заархитектором» и в этом звании умер в 1768 г.

Цитированные бумаги военно-инженерного ведомства, а также упомянутый астраханский чертеж из РГИА добавляют следующее. Во-первых, кроме Петербурга и Москвы Меншой работал в Астрахани, где, по-видимому, и умер. Во-вторых, с 1765 г. он имел звание архитектора – именно так обозначают его Бекетов в письме Орлову, переписка военно-инженерного ведомства и собственноручная подпись на чертеже 1767 г. В-третьих, реалии упомянутого чертежа астраханских домов с подписью Меншова (композиция, планировка, детали и отделка представленных на нем зданий), а также особенности графической «подачи» проекта (размещение на листе и тип изображений фасада и поэтажных планов) идентичны проектам «образцовых» каменных «сплошных» домов для застройки Твери и других городов, разрабатывавшимся архитекторами Комиссии о каменном строении в ее первый, «квасовский» период. Это позволяет предположить, что после отставки Растрелли Андрей Меншой работал в составе Комиссии. Один из высокопоставленных членов этой Комиссии – соратник Бекетова по Цорндорфу и товарищ по прусскому плену, а теперь сенатор Захар Чернышов⁶¹ – мог рекомендовать Бекетову Меншова, когда тот искал архитектора для Астрахани.

Получается, что астраханский губернатор привлек к работе в городе архитектора очень хорошего уровня – во-первых, ученика и помощника Растрелли, во-вторых, представителя градостроительной школы, формировавшейся при Комиссии о каменном строении, где сосредоточились лучшие архитектурно-градостроительные силы России того времени, сумевшие, как мы знаем, за несколько десятилетий предложить проекты реконструкции всех сколько-нибудь крупных городов Российской империи, провести беспрецедентную по масштабу в мировой практике градостроительную реформу. И хотя Андрей Меншой работал в Астрахани всего около 4-5 лет, именно он заложил здесь основы, по которым следовало дальнейшее проектирование и строительство города⁶².

Разумеется, Меншой не мог обойтись без сделанной накануне съемки территории города «с форштатом» и «ситуациею». Сам он, появившийся в Астрахани не ранее середины 1764 г. и к августу 1765 г. представивший план, упомянутый Бекетовым в цитированном письме Орлову, не мог выполнить работу, требовавшую, как мы узнали из документов, долговременных усилий в непростых условиях волжского низовья нескольких военных инжене-

ров под началом командира астраханской инженерной команды Василия Левина.

Все это стало возможным благодаря инициативе и усилиям губернатора Н.А. Бекетова, который, будучи выпускником одного из лучших в России учебных заведений, а значит компетентным и в архитектурно-градостроительном отношении администратором, сумел наладить отношения с инженерным ведомством, соотнести план реконструкции жилых кварталов с размещением сооружений Астраханской крепости, предложить убедительную концепцию застройки города.

План Астрахани стал одним из первых среди сотен проектов перепланировки русских городов, появившихся в ходе градостроительной реформы екатерининского времени. Бекетов приступил к его разработке сразу по учреждению Комиссии о каменном строении Петербурга и Москвы и создал за десятилетие до того, как разработка таких проектов приобрела всероссийский характер. В то время как в провинции еще два десятилетия спустя, за отсутствием специалистов-архитекторов, планы городов делали землемеры, геодезисты, военные или горные инженеры, Бекетов сумел привлечь к работе над планом Астрахани профессионального архитектора, которым стал ученик и помощник Ф.Б. Растрелли Андрей Меншой.

В упорной борьбе с Комиссией Бекетов добился утверждения императрицей своего варианта плана, заставил учесть специфику города, сохранить его исторически сложившуюся планировку и застройку⁶³. Защищая введенный ему город от абстрактных унифицирующих схем, навязывавшихся центральным архитектурным начальством, астраханский губернатор способствовал тем самым более внимательному в дальнейшем отношении столичной Комиссии к сведениям, приходившим с мест, более бережному подходу к живой архитектурно-градостроительной ткани русских городов. Объективно такого рода упорство на местах смягчило действие жесткой рассудочной картезианской методы, примененной в столь всеохватном масштабе к городам русской провинции⁶⁴. В истории русского градостроительства указанная роль генплана Астрахани середины XVIII в. отмечена⁶⁵, однако до сих пор не было известно ни о причастности к его созданию военных инженеров, ни имени архитектора, ни соавторства губернатора.

Таким образом документы архива В И М А И В и В С раскрывают неизвестную страницу отечественной архитектурно-градостроительной истории XVIII в. и позволяют назвать первый генеральный план Астрахани планом Левина–Бекетова–Меншова⁶⁶.

- ¹ Ключаревская летопись о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней происшествиях, об архиереях, в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, 1887. С. 7.
- ² Велувенкамп Я.В. Архангельск: Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 56; 253.
- ³ Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1597.
- ⁴ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. II. СПб., 1872. С. 283.
- ⁵ Подробно см.: Гусарова Е.В. Недоросль Смолянинов, майор Кутузов и другие лица астраханской инженерной команды первой половины XVIII в. // Петровской время в лицах. Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 107–122.
- ⁶ Подробно см.: Гусарова Е.В. Генерал-инженер Абрам Ганнибал // Вопросы истории. 2006. № 10.
- ⁷ Шилков В. Работы А.В. Квасова и И.Е. Старова по перепланировке русских городов // Архитектурное наследство (далее – АН). Вып. 4. М.-Л., 1953. С.30–31; Осятинский А.И. Строительство городов на Волге. Саратов, 1965. С. 66; Михайлова М.Б. Александр Дигби – зодчий классицизма на юге России // АН. Вып. 28. М., 1980. С. 80–81; История Астраханского края. Астрахань. 2000. С.268.
- ⁸ Убедительные доводы против застарелого стереотипа – «общепринятой репрезентативной концепции» о создании планов всех городов России Комиссией о каменном строении в Петербурге приведены историком отечественного градостроительства, обстоятельно изучившим многочисленные документы Комиссии и обнаружившим в проработанных им материалах более чем красноречивое соотношение: «Планов, составленных Комиссией – 12, на местах – 203». (Гаряев Р.М. Регулярные планы русских городов как памятники градостроительства XVIII в. // Архитектурное наследие и реставрация. Вып. 3. М., 1988. С. 133–134).
- ⁹ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Кн. 2. СПб., 1777. Таб. 43.
- ¹⁰ Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX вв. / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1998. С. 181.
- ¹¹ История Астраханского края... С. 261.
- ¹² Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай: Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV – первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 128.
- ¹³ Неронов Василий Васильевич (1698–1764) – астраханский губернатор в 1760–1763 гг.
- ¹⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1674. Л. 48; 59 об.
- ¹⁵ «Манор один, порутчиков два, кондукторов шесть, писарей один, дерновых кладчиков один, плотников один, кузнецов один» (Савельев Ал. Исторический очерк Инженерного управления в России. Ч. I. СПб., 1879. С. 217–219).
- ¹⁶ По тому же «аншалту», Кронштадту, Кроншлоту, Ревелю, Тобольску полагалось по 12 человек, Петербургу, Риге, Смоленску, Киеву – по 10, Выборгу, Нарве, Царицыну, Теркам – по 9, Пскову, Великим Лукам, Чернигову, Нежину, Архангельску, Казани – по 7, Пернову – 5, Шлиссельбургу, Кексгольму, Динаменту – по 4 «инженерных слугителя» (Там же).
- ¹⁷ Репнин Василий Аникитич (?–1748) – князь, в 1745–1748 гг. генерал-фельдцейхмейстер, т.е. высший командир объединенного артиллерийского и инженерного ведомства Российской империи.
- ¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 916. Л. 75 об.
- ¹⁹ Сенатский архив. Т. XII. СПб., 1907. С. 44.
- ²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1674. Л.56.
- ²¹ Там же. Л. 56–56 об.
- ²² Там же. Д. 1674. Л. 56–56 об.
- ²³ Там же. Д. 1193. Л. 49.
- ²⁴ Там же. Д. 1749. Л. 153 об. – 154. Д. 1213/1. Л. 6 об.
- ²⁵ Там же. Д. 1749. Л. 118 об. – 119; 172 об. – 173.
- ²⁶ Там же. Д. 1193. Л. 41 об.
- ²⁷ Там же. Д. 1749. Л. 77 об. – 78. Д. 1213/1. Л. 3.
- ²⁸ Озерецковский Н.Я. Описание Колы и Астрахани. СПб., 1804. С. 115.
- ²⁹ Очевидно, он хранится в РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 2452.
- ³⁰ Мордвинов Михаил Иванович (1730–1782) – военный инженер и педагог; в 1774–1780 гг. – генерал-инженер, т.е. глава «строительной части Инженерного ведомства», бывшего составной частью артиллерийского и военно-инженерного ведомства Российской империи.
- ³¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2268. Л. 44 об.
- ³² Шувалов Петр Иванович (1710–1762) – граф, государственный деятель; в 1756–1762 гг. генерал-фельдцейхмейстер.
- ³³ Ганнибал Абрам Петрович (1696–1781) – «арап Петра Великого», прадед А.С.Пушкина, выдающийся военный инженер; в 1756–1760 – генерал-инженер.
- ³⁴ Архив ВИМАИВиВС, Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1193. Л.121–122.
- ³⁵ О совместном решении оборонительных и градостроительных задач в Астрахани губернатором В.Н.Татищевым и военными инженерами см.: Торопицын И.В. Реконструкция Астрахани // Сборник Русского исторического общества. 2000. № 3 (151). С. 206–208; Гусарова Е.В. Питомец Брюса В.Н. Татищев и астраханские крепости // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха: Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2004. Ч. I. С. 33–41.
- ³⁶ Вильбоа Александр Никитич (?–1781) – в 1762–1765 гг. – генерал-фельдцейхмейстер.
- ³⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1921. Л. 2–3. Документ не подписан, как это часто практиковал Вильбоа, зато, в отличие от других генерал-фельдцейхмейстеров, никогда своей рукой в делах ничего не писавших, а только диктовавших, Вильбоа имел обыкновение оставлять в деловых бумагах своего ведомства собственноручные заметки. Бумага его записок – тонкая и белая – отличается от грубых серо-желтых листов, заполненных писарским почерком, и, главное, рука Вильбоа – мелкий, изящный, индивидуальный почерк – выделяется среди общей массы грубоватой усредненной писанины инженерных канцеляристов. Кроме того, содержание других документов подтверждает, что «Разсуждения об астраханской крепости» составлял вместе с Бекетовым сам генерал-фельдцейхмейстер.
- ³⁸ Подробно о Бекетове см.: Гусарова Е.В. 1). Питомец Сухопутного кадетского корпуса Никита Афанасьевич Бекетов: Неоконченный портрет на фоне генерального плана Астрахани // Труды Гос. Эрмитажа. Вып. XXXII. СПб., 2006. С. 83–112; 2). Был ли Никита Бекетов фаворитом Елизаветы Петровны: Опыт восстановления исторической репутации // Труды Гос. Эрмитажа. СПб., 2007. В печати.
- ³⁹ Шамрай Д.Д. Заметки о Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе. Рукопись. ОР РНБ. Ф. 1105. Д. 244. Л. 3.
- ⁴⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1921. Л. 2; 8.
- ⁴¹ Там же Л. 8.
- ⁴² Там же. Л. 9.
- ⁴³ Там же. Л. 12 – 13 об. Чертежей, к сожалению, обнаружить также не удалось.
- ⁴⁴ Здесь уместно вспомнить, что еще в 1745 г. «повелено» было в случае недостатка инженеров «употреблять» в этом качестве выпускников Сухопутного кадетского корпуса (Висковатов А. Краткий очерк истории Первого кадетского корпуса. СПб. 1832. С. 21–22).
- ⁴⁵ Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783) – граф, фаворит Екатерины II; в 1765–1783 гг. генерал-фельдцейхмейстер.
- ⁴⁶ Соображения о возможном времени, месте, обстоятельствах знакомства Бекетова и Орлова см.: Гусарова Е.В. Питомец Сухопутного кадетского корпуса Никита Афа-

насьевич Бекетов... С. 94–96.

⁴⁷ Циплятев Иван Ермолаевич – «знающий инженерную науку астраханского гарнизона подполковник», которого в мае 1763 г. Бекетов привлекал к выбору места для Моздокской крепости; позже – комендант Царицынской крепости, проявивший себя как достойный командир при ее защите от Пугачева.

⁴⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д.1921. Л. 10 – 10 об.

⁴⁹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XVI. № 11833.

⁵⁰ Дигби Александр (1758 – после 1830) – итальянец по национальности, «подданный короля Австрии», работал в России, «попал в Астрахань вскоре после правительственного указа 1785 г.»; после 1803 г. работал в Одессе, Херсоне, Керчи.

⁵¹ Цит. по: Михайлова М.Б. Александр Дигби – зодчий классицизма на юге России... С. 80.

⁵² Дебоскет Данила Иванович (Данила Исакович) – известный военный инженер; в 1740-х гг. руководил строительством Киевской крепости, в годы Семилетней войны командовал русскими инженерами в действующей армии, в 1760 г. сменил А.П. Ганнибала в должности генерал-инженера.

⁵³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1921. Л. 17–17 об.

⁵⁴ Там же. Л. 15.

⁵⁵ Там же. Л. 14–14 об.

⁵⁶ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России князя М.Щербатова и путешествии А. Радищева. М., 1985. С. 119; Голомбиевский А.А. Биография князя Г.Г.Орлова. М., 1904. С. 4–5.

⁵⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1921. Л. 16–19.

⁵⁸ РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Астраханская губерния. Д. 73. Л. 1.

⁵⁹ Марков А.С. Астрахань: иконы, коллекции, открытия. Записки собирателя. Астрахань, 2004. С. 11.

⁶⁰ Зодчие Москвы времени барокко и классицизма. Сост. и научн. ред. А.Ф. Крашенинников. М., 2004. С. 154.

⁶¹ Чернышев Захар Григорьевич (1722–1784) – граф, государственный деятель, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Москвы; с 1763 г. член Комиссии о каменном строении Петербурга и Москвы.

⁶² Этот проект «был почти полностью реализован в последующие годы» (Шилков В. Работы А.В. Квасова... С. 31). Высокая оценка градостроительных качеств генплана Астрахани 1760-х гг., хотя и без указания его авторов, бывших до сих пор неизвестными, см.: Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX в... С. 378–379.

⁶³ О борьбе Бекетова с необоснованными вариантами генплана Астрахани, предлагавшимися Комиссией о каменном строении, см.: Гусарова Е.В. Питомец Сухопутного кадетского корпуса Никита Афанасьевич Бекетов... С. 106–107.

⁶⁴ Теоретическими основаниями, на которые опиралась Комиссия, были доктрины раннего академизма во французском градостроительстве, исходившие в свою очередь из механистической трактовки Р. Декартом градостроительных взаимосвязей, а также устаревшие к тому времени эстетические воззрения Вольтера, в которых утверждался примат «воли художника» над «грубой эмпирией жизни», регулярной формы над содержанием, – все то, что за чрезмерное стремление к геометризму, за абстрактность критиковал уже Д. Дидро (см.: Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Кирюшина Л.Н. Градостроительная культура Франции XVII–XVIII веков. М., 2004. С. 64–70).

⁶⁵ «Казань и Астрахань занимают особое место в общем процессе перепланировочных работ... Они... внесли практический вклад в дальнейший ход реконструктивных работ не только в масштабах Поволжья, но и значительно шире, во многом повлияв на весь широкий градостроительный процесс конца XVIII в.» (Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX в... С. 374; 378–379).

⁶⁶ Историю появления гравюры с планом Астрахани во втором томе «Путешествий» академика С.Г. Гмелина см. в работе Е. Гусаровой, готовящейся в настоящее время к публикации в 49 выпуске «Архитектурного наследия».

Три сюжета из истории России XVIII в. по материалам архива Артиллерийского музея

Мое знакомство с архивом Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи состоялось более 10 лет назад, и за эти годы мне повезло трижды обращаться к фондам архива. Темы занятий были самые разные, и с помощью знающих и очень доброжелательных сотрудников архива, в те годы под руководством Л.К. Маковской, я всегда находила нужные мне документы.

Когда я впервые переступила порог архива музея, меня интересовали материалы, связанные с династией датской семьи Берингов. В 1984 г. РГАВМФ выпустил первый том серии сборников документов «Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в.», в который вошли документы Первой и Второй Камчатских экспедиций, начальником которых был Витус Беринг. С тех пор и по настоящее время и сам капитан-командор, и экспедиции входят в круг моих интересов. В начале 90-х гг. прошлого века составлялась родословная Беринга, и имелся портрет одного из представителей этой семьи. Одно время предполагали, что это возможно и есть Витус Беринг, но потом выяснилось, что человек на портрете одет в форму офицера инженерных войск. Это и привело меня в архив музея.

Изучение документов началось, конечно, с описи ШГФ (Штаб генерал-фельдцейхмейстера) фонда Канцелярии артиллерии и фортификации. И все последующие мои изыскания в архиве музея начинались с этой описи, ибо касательно XVIII в. – это кладезь всяческой информации обо всем.

В итоге работы я обнаружила Крестьяна и Христиана Берингов. Крестьян Беринг – «дацкой нации, лютеранин», вступил в российскую военную службу в 1741 г., 18-ти лет от роду. Как и положено, с годами повышался в чинах и в 1764 г. находился в гарнизоне города Орша. В аттестации его говорится: «читать и писать по-русски, немецки и по-латински умеет, артиллерию, феэрверочное искусство, фортификацию, архитектуру, шпили, перспективу и ручному рисованию знает»¹. Он был представлен к производству в обер-фейерверкеры, но ни-

каких сведений о его дальнейшей судьбе не обнаружено.

Более известен был Христиан Беринг, возможно сын Крестьяна. Он вступил в службу в 1762 г., в 1763-м получил первый офицерский чин, в 1774-м был поручиком. Вся его последующая служба была связана с Артиллерийским и Инженерным шляхетным кадетским корпусом и обучением там дворянской роты и кадет инженерной науке. «Как уже он, Беринг, сделал довольную ко обучению кадет способность, то и оставляется по-прежнему при оном корпусе», – говорится в его аттестации от 6 декабря 1781 г.²

Однако фортификационные, инженерные знания Христиана Беринга понадобились и совсем в другой области. В 80-х гг. XIX в. активизировались работы по благоустройству набережных Фонтанки, Мойки и Екатерининского канала (канал Грибоедова). Эти работы начались еще в 1763 г. Уже тогда Глухую протоку, речку Кривушу, соединявшую Фонтанку с Мойкой, расширили, углубили и в честь Екатерины II назвали Екатерининским каналом. В 1780 г. для ведения работ была образована Комиссия строения реки Фонтанки и Екатерининского канала, в 1781-м по указу Екатерины II для канала освобождали территорию, поэтому пришлось переносить адмиралтейские казармы, а купцу Попову взамен места, отчужденного у него под канал, предоставили другое место «недалеко оттуда и в дистанции ведомства Адмиралтейского»³, – говорится в документе. В 1782 г. на эти работы Петербургское казначейство выделило необходимую сумму, Адмиралтейств-коллегия изготовила машины для очистки канала, кирпичом и цементом обеспечили Ижорские заводы, также находившиеся в ведении Адмиралтейств-коллегии⁴.

Для производства работ по сооружению канала нужны были опытные инженерные кадры, и капитана Х. Беринга сверх комплекта включили в состав Комиссии по постройке канала. Так, с помощью русского специалиста-фортификатора датского происхождения и Адмиралтейств-коллегии решались некоторые градостроительные задачи Санкт-Петербурга.

В 1797 г. он вышел в отставку и в следующем году был нанят вице-адмиралом А.Г. Спиридо-

вым, который в то время был главным командиром Ревельского порта, «для смотра и показания работы при строении военной гавани» в Ревеле. Руководство порта 1 мая 1800 г. просило Адмиралтейств-коллегию прислать указ о его назначении, объясняя это тем, что «он для работ сих по его званию крайне нужен». Коллегия оставила решение этого вопроса на усмотрение адмирала⁵. Можно полагать, что Христиан Беринг продолжал и дальше помогать строить гавань в Ревеле.

Следующий сюжет, которым мне пришлось заниматься в архиве музея, тоже некоторым образом связан с экспедициями В. Беринга, но он имел большее отношение к артиллерийской тематике. Участником Первой и Второй Камчатских экспедиций был лекарь, а затем штаб-лекарь Филипп Вилим (Вильгельм) Буцковский, который еще во время второй экспедиции женился на дочери одного из помощников Беринга – М. Шпанберга – Анне. По документам РГАВМФ было известно, что у них родился сын Мартын, а благодаря документам архива музея и любимой описи ШГФ удалось проследить всю его биографию. Эти материалы понадобились для составления родословной М. Шпанберга, когда книга о нем готовилась к изданию в Дании. Он тоже, как и Беринг, был датчанин.

Мартын Филиппович Буцковский вступил в службу из волонтеров 15 сентября 1754 г., в 1755 г. был кондуктором, адъютантом командира Бомбардирского полка, в 1758-м стал подпоручиком, через год поручиком, а 1 июня 1763 г. получил чин капитана и назначение в Первый фузелярный артиллерийский полк в Белгород. В 1770 г. он уже майор, а в 1775-м подполковник. В аттестации М.Ф. Буцковского читаем: «...грамоте по-русски, по-немецки и по-французски читать и писать, артиллерийскую и инженерную науки, часть географии и танцевать знает...В должности звания своего прилежны, ослушны не бывают, подкомандных своих содержат и воинской экзерциции обучают порядочно и к сему тщание имеют, лености ради большими не репортовались и во всем себя ведут так, как исправным обер-офицерам надлежит, и как по чину своему опрятны, так и никаких от них не порядков не происходит»⁶. Так он был аттестован в 1763 г., так же аттестовался в продолжение всей службы.

М. Буцковский участвовал в Семилетней войне, в 1757–1760 гг. находился в заграничном походе в Пруссии, принимал участие во многих сражениях во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В ноябре 1776 г., будучи подполковником Второго артиллерийского фузелярного полка, М.Ф. Буцковский подал прошение об отставке. Он писал, что служит с 15 сентября 1754 г. и «...все возлагаемые на меня командою по званиям моим дела исправлял с истинным по долгу верноподданничес-

кого раба усердием без всякого порока, в рассуждении чего я чинами происходил..., не быв никогда обойден. Находясь же в прусском и в турецком походах на полевых с неприятелем баталиях при осаде и атаке многих городов, здоровье свое изнурил, а за тем не нахожу себя в состоянии далее продолжать полевую службу...»⁷. Он просит учесть его заслуги за 22 года службы и уволить в отставку со следующим чином.

В связи с увольнением в отставку возник вопрос, какой он национальности и состоит ли в российском подданстве. М. Буцковский ответил, что он и сам этого не знает. Он писал: «...я всего этого не зная, по приспевшим в возраст летам в службу так точно, как и все другие, записался и служил. А родясь в России, и считая себя вечным российскому скипетру подданным, писавшись в списках по обстоятельству выезда отца моего бранденбургской нации».

Именно свидетельство сына помогло выяснить, откуда же прибыл в Россию доктор Филипп Буцковский. И это очень пригодилось сейчас при написании биографической справки о нем для издаваемого в Дании на английском языке Журнала Первой Камчатской экспедиции под руководством Витуса Беринга, участником которой доктор был.

Указом Екатерины II от 18 июля 1774 г. Мартын Филиппович Буцковский был уволен в отставку с чином полковника и поселился в Петербурге. Женился он, уже будучи в отставке, но тем не менее стал родоначальником военной династии Буцковских. Несколько поколений этой династии в составе русской армии мужественно сражались на поле брани, в том числе и в Отечественной войне 1812 г.

И, наконец, еще одним сюжетом стало образование Гимназии чужестранных единоверцев, или Греческой гимназии, которая имеет самое прямое отношение к Артиллерийскому и Инженерному кадетскому корпусу. Именно инженер-генералу М.И. Мордвинову, директору строения государственных дорог и Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса 7 января 1775 г. Екатерина II повелела «для отправляемых сюда из Архипелага греческих мальчиков учредить при Артиллерийском и Инженерном шляхетном кадетском корпусе особое училище». 26 февраля 1775 г. М.И. Мордвинов представил императрице разработанный им план, «...объясняя, сколько слабый мой разум достигал, о содержании юношества пищею и одеждою, о порядке учения и экзаменах, куда и какими чинами по окончании положенных наук выпускать и какие необходимо нужные для воспитания их потребны надзиратели и служители». 17 апреля императрица написала на плане «Быть по сему», и эта дата считается днем рождения гимназии⁸.

В разделе «О наименовании училища» говорилось, что так как оно учреждается по повелению Екатерины II «и об чужестранных одновверцах попечению...с таким высочайшим намерением, чтоб не только те, которые по случаю бывшей турецкой войны нам доброхотствовали, но и все одновверцы наши, к воспитанию детей своих способ лишённые, могли получать всегда надежное от России покровительство, такое вашего императорского величества милосердие восхищает сердца своих подданных и бессмертным остается во всей Европе, а училище по приличности и получает свое название Гимназии для чужестранных одновверцев»⁹.

По плану Мордвинова, принимать в гимназию предполагалось юношей в возрасте от 12 до 16 лет, имевших происхождение если и не дворянское, то от «честных родителей». Были даже предусмотрены места сбора желающих поступить в гимназию: в Италии и Польше – у российских резидентов, а в Киеве, Кинбурне и Еникале – у главных командиров портов, которые должны были отправлять юношей в Петербург за казенный счет. Для поступления требовался аттестат, в котором необходимо было указать «отечество», родителей и возраст поступающего.

Обучение должно было длиться 4 года, за это время воспитанникам предстояло освоить Закон Божий, русский, французский, итальянский, турецкий и греческий языки, арифметику, алгебру, тригонометрию, историю, географию, рисование, танцы и фехтование. Причем занятия языками предполагались не более как двумя одновременно, «дабы множеством чужестранных слов не затмить понятие и тем не отнять способности к изучению других полезных наук». Математические науки были необходимы как «изошряющие разум и делающие способнейшим к понятию». Танцы вводились, чтобы придать стройность телу, а фехтование – «для укрепления членов».

После общеобразовательного курса каждый воспитанник мог выбрать в соответствии со склонностью и способностями свое дальнейшее обучение морской, артиллерийской и инженерной службе или статским делам. Однако, чтобы не вводить в гимназии специальные предметы, предполагалось определять их в Морской и Артиллерийский кадетские корпуса или студентами в Академию наук.

Были разработаны также положения об инспекторе, «который бы не только что в науках и разных языках имел довольно знание, но и служил бы всегда примером в поведении своим подчиненным», и учителях, об экзаменах и выпусках по окончании гимназии. Отличившиеся воспитанники получали награды, «а тем, которые единственно от своего нерадения тщетно препровождали время», делались выговоры и определялось наказание.

Предусматривалась и возможность возвращения юношей на родину «для нужды их фамилий и от непреодолимого желанья видеть свое отечество». Таким юношам по окончании курса обучения дозволялось давать увольнение в надежде, что они всю жизнь будут благодарны за полученные знания и «наставления».

По приложенному к плану М.И. Мордвинова штату в Гимназии полагалось иметь 200 учеников, 25 учителей, одного штаб-офицера, одного капитана, 12 унтер-офицеров из артиллерии или полевых полков. Штаб-офицеру надлежало знать иностранные языки и быть сведущим в науках. Как первый помощник главного командира он должен был наблюдать за порядком в училище, «и ничто из команды его» не исключалось. Первым штаб-офицером, назначенным в гимназию, стал Иван Толстов, произведенный для этого в подполковники¹⁰.

Очевидно, что при разработке плана создания Греческой гимназии Михаил Иванович Мордвинов исходил из опыта деятельности Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса, внося лишь отдельные штрихи, которые должны были отличать учебное заведение, учреждаемое для иностранных детей, от кадетского корпуса. Отсюда и военные чины в гимназии, где не предусматривались военные дисциплины, и организация по образцу и подобию военного училища. Тем не менее, именно этот план на 20 лет вперед определил порядок функционирования гимназии, а затем Корпуса чужестранных одновверцев, состав руководства и учителей и даже основной перечень изучаемых предметов. Жизнь вносила необходимые коррективы, но заложенные при создании учебного заведения принципы его деятельности сохранялись.

Новому учебному заведению отводилось свободное место рядом с Артиллерийским и Инженерным кадетским корпусом. Оно располагалось по реке Петровке (позднее и ныне Ждановка), где ранее размещались бани и пивоварни, и примыкало к дворам купца Хлебосолова и жены камердинера Екатерины II Норберха.

Первая группа маленьких иностранцев – 21 человек – прибыла из Архипелага в Кронштадт 6 июня 1775 г. на английском судне «Маркиз Рокингам» в сопровождении И. Иванова, русского архитектора. М.И. Мордвинов сообщил в контору главного командира Кронштадтского порта, что «оное юношество следует ко определению в учрежденную для содержания и обучения разным наукам ея императорского величества при Артиллерийском и Инженерном кадетском корпусе Гимназию и мальчиков нужно отправить на судне в С.-Петербург»¹¹. В Кронштадт прибыл подпоручик артиллерии Ф. Шапошников, который и доставил греческое юношество в Петербург.

25 октября 1775 г. в Кронштадт пришел фре-

гат «Наталия» с 16 греческими мальчиками на борту, но самая большая группа мальчиков – 63 человека – прибыла на кораблях эскадры А.В. Елманова «Чесма», «Победа» и «Европа» не в Кронштадт, а в Ревель. Оттуда на двух городских судах и корабле «Трех иерархов» их доставили в Кронштадт. Из-за раннего ледостава на Неве две последние группы детей вынуждены были зазимовать в Кронштадте. И только 8 декабря, когда по льду Финского залива установился санный путь, из Кронштадта в столицу России выехала длинная вереница подвод. Всего удалось нанять 29 подвод, на которых и разместили детей. В 12 часов дня подводы благополучно прибыли в Петербург. В общей сложности, по разным источникам, в гимназию было зачислено 109 человек.

Идея создания учебного заведения для греческих мальчиков в Петербурге принадлежала графу А.Г. Орлову. Первую школу для детей он организовал еще на острове Наксос в Греческом архипелаге, затем купил дом в Пизе в Италии и перевел школу туда. Когда русская эскадра после окончания Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. уходила в Россию, по приказу Орлова на кораблях эскадры разместили и будущих воспитанников Гимназии чужестранных единоверцев.

Греческие мальчики прибыли в Россию более чем с 30 островов и городов Архипелага. Это были дети архонтов (старшин), моряков, служивших во время русско-турецкой войны в русском флоте, священнослужителей и, как сказано в документах, «простых греков». В русских документах их называли «мещанский сын».

Очень разным был и возраст привезенных детей – от 7 до 18 лет, и уровень знаний. Некоторые из них уже служили на флоте кают-юнгам и матросами и уже начали обучаться русскому языку. Трое мальчиков были приняты на русскую службу еще в апреле 1771 г. в качестве переводчиков и даже участвовали в боевых действиях флота в Архипелаге, причем один из них – Е. Мозган – служил переводчиком на корабле «Европа» у адмирала Г.А. Спиридова. Большинство же воспитанников гимназии обучались русской грамоте в школах на острове Наксос и в Пизе, но все маленькие греки владели русским языком еще очень слабо. Обучение давалось и ученикам и учителям, не имевшим профессиональных навыков работы с иностранными детьми, с большим трудом. Ребята тяжело привыкали к чужой стране, незнакомым людям, порядкам и дисциплине в гимназии, русской пище и, особенно, к совершенно другому, северному сырому петербургскому климату, часто болели, некоторые, не выдержав, умирали. И хотя было сложно, мальчики упорно учились, постепенно приспосабливаясь к новой жизни.

В 1778 г. выяснилось, что поступить выпуск-

никам Греческой гимназии в Артиллерийский и Морской кадетские корпуса, закрытые дворянские учебные заведения, невозможно, так как штатное число кадет в этих корпусах «всегда бывает наполнено российским дворянством». Следовательно, мест для чужеродных греков, в основной своей массе не дворян, там не оставалось. 1 января 1779 г. последовал новый указ императрицы, повелевавший «обучать при сем училище и касающимся до военного искусства наукам, не отсылая их уже в кадетские корпуса». При этом отличившимся в учебе и поведении воспитанникам не дворянского происхождения обучение в гимназии засчитывалось как служба в унтер-офицерских чинах, и при выпуске – при желании – в военную службу они производились в прапорщички, а дворяне – в подпоручики¹². Гимназия, таким образом, превращалась в полувойенное училище.

Первый выпуск из гимназии отпраздновали 1 января 1779 г. Выпускников было всего четверо. Один из них – Егор Чимбураки – был произведен в подпоручики, причислен по линии к Нарвскому пехотному полку и оставлен учителем в алгебраическом классе гимназии. Это был первый учитель из греческих мальчиков, оставивших родину в 1775 г. С гимназией, а затем с Корпусом чужестранных единоверцев была связана вся последующая жизнь Егора Афанасьевича, вплоть до ликвидации учебного заведения.

Практически Греческая гимназия являлась обособленным учебным заведением, с Артиллерийским и Инженерным корпусом ее объединяли штабной дом, канцелярия, в которой должен был присутствовать штаб-офицер гимназии, церковь, лазарет и аптека.

5 октября 1782 г. скончался Михаил Иванович Мордвинов, основатель и устроитель Гимназии чужестранных единоверцев, и ее ожидали перемены. Сначала предполагалось перевести ее в Херсон и подчинить генерал-губернатору Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний светлейшему князю Г.А. Потемкину. В рескрипте Екатерины II от 31 января 1783 г. говорится: «...что же касается до находящегося при том корпусе училища для единоверных с нами иностранцев, то мы повелели нашему генералу князю Потемкину, отделя, перевести оное Новороссийской губернии в г. Херсон... При назначенном переводе в г. Херсон объявленного училища быть оному под главным его ведением и под управлением кто им... избран будет»¹³.

Во исполнение этого повеления начальником училища был назначен подполковник П.С. Волховский, который 12 апреля и принял в свое ведение «состоящих людей, денежную казну, строение и все вообще к оной принадлежащее»¹⁴. С 1 мая 1783 г. гимназия полностью отделилась от Артиллерийского и Инженерно-

го кадетского корпуса и получила самостоятельность, штаб-офицер ее больше не должен был присутствовать в канцелярии корпуса. Предполагаемое перемещение в Херсон так и не состоялось, она продолжала действовать в Петербурге, хотя и оставалась в ведении князя Потемкина до его смерти в октябре 1791 г. Сам князь редко появлялся в гимназии и не занимался конкретными, особенно хозяйственными делами, целиком возлагая все заботы на Петра Степановича Волховского.

Хотя Гимназия чужестранных единоверцев стала самостоятельным учебным заведением, но связь ее с Артиллерийским корпусом окончательно не прерывалась. В 1784 г. новый директор Артиллерийского и Инженерного кадетского корпуса П.И. Мелиссино предложил награждать лучших учеников по результатам экзамена золотыми и серебряными медалями. 30 апреля дежурный при дворе императрицы генерал-поручик А.Д. Ланской уведомил П.И. Мелиссино о благосклонном отношении Екатерины II к его предложению¹⁵. В том же году Положение «О преимуществах к получению медали за прилежание и доброе поведение» было напечатано в типографии Артиллерийского и Инженерного корпуса. С 1785 г. Греческая гимназия распространила это начинание и на своих учеников.

При отделении гимназии в нее перешли из Артиллерийского корпуса некоторые офицеры и учителя, в том числе учитель истории и географии штык-юнкер Евграф Батулин, учитель арифметики артиллерии подпоручик Григорий Аргун, учитель фехтования Александр Бубякин, преподаватель фортификации кондуктор 1 класса, а затем инженер-подпоручик Козьма Горбунов и другие, военными занятиями в летнем лагере руководил майор артиллерии Геринг.

Жизнь в гимназии шла своим чередом. Вводились новые предметы, рос уровень преподавания, все больше воспитанников оканчивало учебное заведение и пополняло офицерский состав армии и флота России. Однако ученики не всегда радовали руководство. 1 мая 1784 г. полковник (с марта 1784 г.) Волховский вынужден был назначить специального инспектора для усиления

надзора за нерадивыми учениками, которые «по незрелости своих лет...губят от лености драгоценное юности своей время»¹⁶, – говорилось в приказе по гимназии.

6 июля 1789 г. новым директором был назначен известный археолог и археограф, собиратель старинных рукописей и книг, член Российской академии наук действительный статский советник Алексей Иванович Мусин-Пушкин, что также внесло свои изменения в жизнь гимназии. С 1790 г. воспитанники проводили лето в лагере, который находился на Петровском острове. Здесь они обучались «ружейной и пушечной экзерциции». Указом от 29 января 1791 г. Екатерина II пожаловала 10 выпускников мичманским званием¹⁷. Это были первые офицеры морского флота, подготовленные непосредственно в Гимназии чужестранных единоверцев. В 1792 г. она была преобразована в Корпус чужестранных единоверцев, который получил новый штат и занял место рядом с другими кадетскими корпусами. В 1794 г. Греческий корпус переехал в новое помещение на Васильевском острове.

1796 г. стал годом наивысшего расцвета Корпуса чужестранных единоверцев и последним годом его существования. 6 ноября скончалась Екатерина II, и уже 8 декабря Павел I подписал указ о его ликвидации. 97 воспитанников были переведены в Морской кадетский корпус, 98 – в Сухопутный. Так неожиданно закончилась история уникального, единственного в России учебного заведения, созданного при Артиллерийском и Инженерном шляхетном кадетском корпусе для обучения иностранных детей христианской веры. За 21 год его существования в этом учебном заведении обучалось более 600 человек, из них около 500 были греки, остальные – сербы, македонцы, болгары, малороссы, русские. И все они, окончив учебу, верой и правдой служили России.

Работа над приведенными сюжетами показала, что материалы архива музея и РГАВМФ, наверное, как и других архивов, тесно связаны между собой и что в архиве музея хранится еще множество пока не востребуемых документов, которые рассказывают о разных событиях, разных людях, оставивших достойный след в истории России и Петербурга.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1642. Л. 388 об.–389.

² Там же. Д. 4819. Л. 46 об.

³ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 44. Л. 18, 59. Ф. 172. Оп. 1. Д. 326. Л. 156.

⁴ Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 45. Л. 17. Ф. 172. Оп. 1. Д. 295. Л. 1–7. Д. 330. Л. 45, 46, 51.

⁵ Там же. Ф. 198. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1621. Л. 41 об.–42.

⁷ Там же. Д. 4666. Л. 154.

⁸ Там же. Д. 4611. Л. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 2–6, 14.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 4. Д. 74. Л. 93.

¹² Коргуев Н. Корпус чужестранных единоверцев // Морской сборник. 1897. № 7. С. 160.

¹³ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 8. Д. 1. Л. 31.

¹⁴ Там же. Л. 31 об.

¹⁵ Архив ВИМАИВиС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4001. Л. 2.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 8. Д. 3. Л. 476.

¹⁷ Там же. Д. 15. Л. 624–627.

Документы по истории артиллерии Гатчинских войск в архиве ВИМАИВиВС

(Краткий обзор)

Артиллерия Гатчинских войск Великого князя Павла Петровича, несмотря на ее довольно значительную роль в истории развития отечественной артиллерии, к настоящему времени отечественной историографией изучена недостаточно, и наиболее серьезным исследованием о ней является работа генерал-лейтенанта В.Ф. Ратча «Сведения об артиллерии Гатчинских войск», вышедшая еще в 1851 г. Но в этой работе целый ряд вопросов – комплектование артиллерии личным составом, развитие материальной части, снабжение и т. д. – не нашел достаточного освещения¹. И в связи с этим чрезвычайно большой интерес представляют документы, касающиеся гатчинской артиллерии, имеющиеся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Основную массу материалов по вышеуказанной теме составляют документы, содержащиеся в журналах входящих и исходящих дел Военно-походной канцелярии генерал-поручика Петра Ивановича Мелиссино (1726–1797), члена Канцелярии главной артиллерии и фортификации (КГАиФ) и директора Артиллерийского и Инженерного шляхетного кадетского корпуса (АИШКК)². Материалы, касающиеся истории артиллерии Гатчинских войск, имеются во входящих и исходящих журналах, охватывающих период с июля 1792 г. по апрель 1796 г.³ Журналы за предыдущие годы материалов по истории гатчинской артиллерии не содержат, а входящие журналы за май–декабрь 1796 г. и исходящий журнал за 1796 г. в архиве не сохранились.

Имеющиеся материалы могут быть распределены по следующим разделам:

1. Материальная часть артиллерии.

Документы этого раздела включают в себя указы, данные П.И. Мелиссино из Канцелярии главной артиллерии и фортификации, с предписаниями об изготовлении для Павла Петровича артиллерийских орудий, лафетов, принадлежности и пр.; расписки капитана над мастеровыми С.-Петербургского арсенала Ф.И. Апрелева о получении им материалов, а также его рапорты об изготовлении требуемых стволов, лафетов и принадлежности; ведомос-

ти о количестве и стоимости изготовленных для цесаревича изделий. В этот же раздел входят записки, приказы и ордера на имя П.И. Мелиссино вице-президента Военной коллегии генерал-аншефа графа Николая Ивановича Салтыкова (1736–1816), также касающиеся изготовления орудий, лафетов и принадлежности, а также ответные рапорты П.И. Мелиссино на имя Н.И. Салтыкова и в Военную коллегию. Здесь необходимо отметить, что эти документы охватывают наиболее интересный период в истории развития материальной части гатчинской артиллерии, когда для ее вооружения изготавливались облегченные орудия, разработанные при активнейшем участии самого Павла Петровича⁴. Судя по этим документам, заказы Великого князя С.-Петербургский арсенал стремился выполнить в максимально короткий срок. Эти документы интересны еще и в том отношении, что ранее были опубликованы только общие результаты развития материальной части гатчинской артиллерии⁵, но последовательно и подробно процесс изготовления новых орудий для гатчинской артиллерии в 1790-е гг. до последнего времени нигде описан не был⁶.

2. Снабжение порохом, боеприпасами и прочими материалами.

Этот раздел также представлен указами на имя П.И. Мелиссино из КГАиФ о присылке в Гатчину, Павловск или на Каменный остров необходимого количества пороха, снарядов, пороховых зарядов, трубок и пр. Из документов видно, что в 1790-е гг. на нужды Великого князя отпускалось весьма значительное количество пороха, боеприпасов и лабораторных материалов.

3. Комплектование артиллерии Гатчинских войск нижними чинами.

Материалы этого раздела достаточно разнообразны. В первую очередь, это именные списки переведенных в Гатчину нижних чинов (свыше 100 фамилий), записки, рапорты и ордера на имя П.И. Мелиссино из КГАиФ, от Н.И. Салтыкова и генерал-фельдцейхмейстера графа Платона Александровича Зубова (1767–1822) о переводе в Гатчину нижних чинов, ордера от имени П.И. Мелиссино непосредственно командирам частей, послуж-

ные списки переводимых в гатчинскую артиллерию нижних чинов. Всего в вышеописанных делах удалось обнаружить послужные списки 28 нижних чинов, переведенных в артиллерию Гатчинских войск с января 1794 г. по январь 1795 г. Именные и особенно послужные списки представляют, пожалуй, наибольший интерес, ибо позволяют увидеть не только общее количество чинов, попавших в гатчинскую артиллерию, но и проследить биографии хотя бы некоторой их части – исходя из общего количества нижних чинов гатчинской артиллерии, определенного в 283 человека⁷, мы располагаем послужными списками 10% личного состава⁸.

Один документ – рапорт с представлением о производстве в следующий чин будущего «гатчинца», фурлейта (ездового) Афанасия Дуденкова, удалось обнаружить в журнале Военно-походной канцелярии генерал-майора артиллерии Х.Л. Эйлера⁹.

4. Материалы о побегах нижних чинов в Гатчинские войска.

К этому разделу следует отнести рапорты о побегах, следственные дела, протоколы допросов, сентенции (приговоры) военного суда, послужные списки беглых чинов. Эти материалы чрезвычайно интересны, прежде всего, потому, что позволяют по-новому взглянуть на Гатчинские войска, ибо, в силу негативного в целом у историков отношения к Гатчинским войскам и представлении о службе там, как основанной на жесточайшей муштре и избиении солдат, трудно себе представить, чтобы солдаты сами бежали из своих частей, желая служить у цесаревича. Между тем, судя по документам, число таких побегов довольно многочисленно (зафиксировано 16 случаев побегов), что свидетельствует, на наш взгляд, о неплохих условиях службы в Гатчинских войсках¹⁰.

5. Переписка П.И. Мелиссино с А.А. Аракчеевым и другими офицерами Гатчинских войск.

Журналы Военно-походной канцелярии П.И. Мелиссино позволяют проследить активную переписку между последним и Алексеем Андреевичем Аракчеевым (1769–1834), выпускником АИШКК, бывшим адъютантом Мелиссино, прибывшим в Гатчину в сентябре 1792 г. и уже 8 октября ставшем командиром гатчинской артиллерийской команды¹¹. Большую часть этой переписки составляют письма А.А. Аракчеева и П.И. Мелиссино, остальная часть – рапорты и служебные записки. Переписка касается всех сторон деятельности гатчинской артиллерии – производства материальной части, снабжения, комплектования, побегов, конского состава, изготовления не-

которых предметов обмундирования. Часто в своих письмах А.А. Аракчеев высказывает П.И. Мелиссино личные просьбы Павла Петровича, например о присылке книг или о переводе в Гатчину нижних чинов, или от имени цесаревича выражает благодарность и удовольствие за исполнение его повелений.

Помимо переписки с А.А. Аракчеевым, в журналах П.И. Мелиссино зафиксирована и его переписка, весьма небольшая по объему, с полковником Григорием Григорьевичем Кушелевым (1754–1833), возглавлявшим в 1794–1796 гг. Военный департамент в Гатчине, впоследствии графом и адмиралом¹². Она также касается различных служебных вопросов.

Таким образом, журналы Военно-походной канцелярии П.И. Мелиссино содержат богатейший материал по истории развития артиллерии Гатчинских войск с середины 1792-го по начало 1796 г., т. е. в самый интересный и плодотворный период ее существования. Документы содержат многочисленные автографы таких известных исторических деятелей 2-й половины XVIII – начала XIX вв., как П.И. Мелиссино, Н.И. Салтыков, П.А. Зубов, А.А. Аракчеев.

В архиве ВИМАИВиВС имеется еще ряд материалов, посвященных гатчинской артиллерии.

Прежде всего, это небольшое дело, озаглавленное «Дела Гатчинские 1785 года»¹³. Здесь содержатся материалы об изготовлении для нужд цесаревича Павла Петровича лафетов, зарядных ящичков, зарядов, картузов, палительных свеч, скорострельных трубок и пр. – приказы, записки, известия, ведомости, причем они относятся не только к 1785 г., но и к 1783–1784 гг. Ценность этих документов, прежде всего, в том, что благодаря им можно с полной уверенностью сделать вывод, что артиллерийская команда имелась в Гатчинских войсках уже в 1783 г., в то время как в литературе годом создания гатчинской артиллерии считается 1786-й¹⁴. Кроме того, по этим документам можно судить о тех финансовых средствах, которые выделялись Великим князем на артиллерию своего отряда в первые годы ее существования.

Описанные выше документы во многом дополняют картину развития артиллерии Гатчинских войск, имеющуюся в отечественной историографии. И несомненно, что при дальнейшем изучении материалов архива ВИМАИВиВС будут обнаружены новые документы по истории гатчинской артиллерии, что, в сочетании с материалами других архивохранилищ страны, позволит воссоздать максимально полную картину ее развития.

¹ См.: Юркевич Е.И. Артиллерия Гатчинских войск великого князя Павла Петровича (1783–1796) и ее влияние на развитие русской полевой артиллерии конца XVIII – 1-й четверти XIX веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2003. С. 12–16.

² Маковская Л.К. Мелиссино П.И. (1726–1797) // Государственный Эрмитаж: Тезисы докладов конференции к 60-летию Отдела истории русской культуры. СПб., 2001. С. 38–40.

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – АВИМАИВиВС). Ф. Дела Командные (далее – ДКМ). Оп. 4. Д. 881–884, 893–899, 907, 909–912, 921–926, 928, 937–938.

⁴ Ратч В.Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. СПб., 1851. С. 22–26.

⁵ Там же. С. 22–25, 28–29.

⁶ См.: Юркевич Е.И. Развитие материальной части артиллерии и инженерной команды Гатчинских войск // Сборник исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. VIII. СПб., 2006. С. 349–364.

⁷ Ратч В.Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 45.

⁸ См.: Юркевич Е.И. Комплектование нижними чинами артиллерии Гатчинских войск Великого Князя Павла Петровича: По страницам неизвестных документов // Военное прошлое государства Российского: Утраченное и сохраненное: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию Достопамятного зала. 13–17 сентября 2006 года: Секция «Военная история России: Опыт современного изучения». СПб., 2006. С. 81–86.

⁹ АВИМАИВиВС. Ф. ДКМ. Оп. 4. Д. 1432. Л. 5.

¹⁰ См.: Юркевич Е.И. «Желание имел определиться в строевую службу к Его Императорскому Высочеству...»: Побег нижних чинов артиллерии Санкт-Петербургского гарнизона в Гатчинские войска: 1794–1796 гг. // Университетские Петербургские Чтения / Под ред. Ю.В. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб., 2003. С. 31–37.

¹¹ Томсинов В.А. Временщик: А.А. Аракчеев. М., 1996. С. 18, 24–30, 33, 36.

¹² Русский Биографический Словарь: Кнаппе – Кюхельбеккер. СПб., 1903. С. 699–700.

¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Штаба Генерал-Фельдцейхмейстера. Д. 2399.

¹⁴ Сведения о Гатчинских войсках. СПб., 1835. С. 10; Ратч В.Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. С. 17.

Каменная часовня в дубовой роще в память обстрела Сестрорецка 14 июня 1855 г.

К объектам военно-исторического назначения, которые органически вписались в топографию пригородов старого Петербурга, относится и Сестрорецкий оружейный завод.

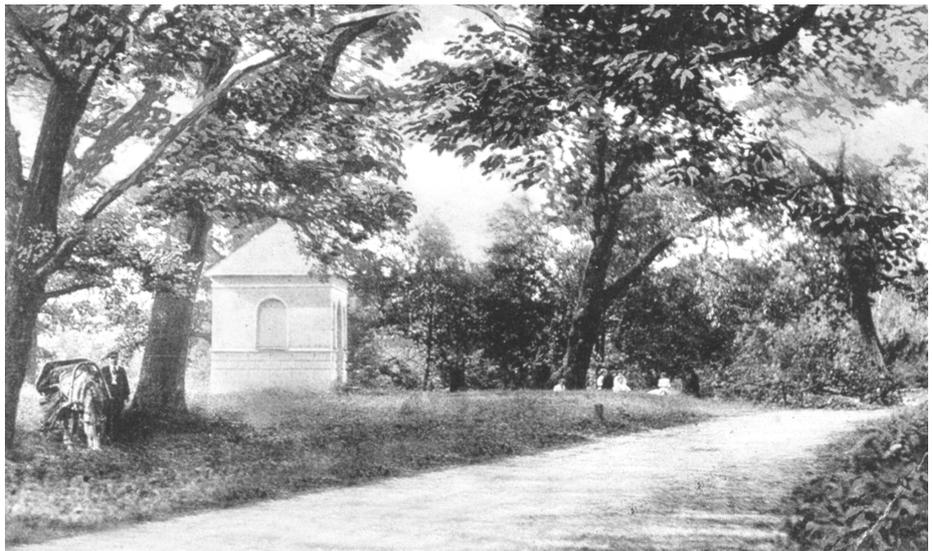
Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, отмечающий в этом году свое 135-летие, располагает комплексом делопроизводственных документов и чертежей, связанных с историей создания и развития Сестрорецкого оружейного завода на протяжении почти двух веков. Этот богатый материал мало использовался в публикациях. На сегодняшний день в документах музея можно обнаружить немало информации о строительстве и оснащении завода, обнаружить сведения по личному составу, что поможет по-новому взглянуть на его историю.

Сестрорецкий оружейный завод как один из крупнейших военно-технических объектов Петербурга создавался для обеспечения армии стрелковым вооружением. Его строительство началось по указу императора Петра I в 1721 г. Для нужд будущего завода из казны и частных владений были выделены обширные лесные и земельные угодья¹. В двух верстах от завода находится мыс, далеко выдающийся в море, с вековыми дубами, высаженными здесь молодыми деревцами еще при Петре I для снабжения Кронштадта корабельным лесом². Впоследствии это место получило название «Сестрорецкие дубки». В настоящее время Советом ЮНЕСКО сестрорецкий парк «Дубки» с водоемами и историческими сооружениями включен в список объектов всемирного наследия³. С этим местом связано немало исторических событий. Здесь возводился каменный дворец Петра I, так называемый «Увеселительный дом», разобранный в 1779 г. для строительства новых заводских объектов⁴.

В Сестрорецких дубках в 1858 г. была выстро-

ена каменная часовня в честь апостолов Петра и Павла и чудотворца Николая. Поводом к ее возведению послужили события, произошедшие в период Крымской войны 1853–1856 гг. на Балтике. Весной 1855 г. с целью блокады наших северных портов, Англия отправила в Балтийское море эскадру в составе 62 кораблей под командованием контр-адмирала Ричарда Дундаса. К ней присоединился и французский флот под началом адмирала Пено. В конце мая главные силы соединенного флота расположились в виду Кронштадта⁵.

В то время на побережье, близ Сестрорецкого оружейного завода, не было никаких оборони-

Фотография часовни в Дубовой роще. Из книги: Яковлев В.Д. Мой Сестрорецк. Записки краеведа о жизни родного города. Сестрорецк, 2006. Вклейка без пагинации.

тельных сооружений. Поэтому, при первых известиях о появлении неприятельского флота в Балтийском море, к Сестрорецку начали стягиваться войска. 7 апреля прибыл сводный резервный полк под командованием полковника Черепова⁶, 8 апреля – 1-й и 3-й уланский и гусарский резервные эскадроны, 22 апреля были подтянуты пять батальонов гренадерского короля Фридриха Вильгельма III полка, 1 июня подошла дружина Петербургского ополчения⁷.

В конце мая, согласно докладу командира завода генерал-майора А.Г. Игнатьева инспектору оружейных заводов генерал-лейтенанту князю С.С. Голицыну, войск для обороны завода и защиты

населения было достаточно⁸. В начале июня в Сестрорецк была направлена одна рота л.-гв. резервного саперного полубатальона для возведения укреплений общего ретраншемента на высотах вокруг завода. Но установить там орудия полевой артиллерии к 14 июня не успели⁹.

По инициативе командира завода в начале июня был сформирован и вооружен отряд, состоявший из оружейников, полковых учеников и отдельных чинов инвалидной № 8 роты в количестве трехсот человек для охраны заводских территорий¹⁰. Помимо усиленной работы по производству и ремонту стрелкового вооружения, отряд усердно практиковался в точной стрельбе¹¹.

За противником, стоявшим на рейде, постоянно велись наблюдения. Из докладов наблюдателей было известно, что неприятельские суда ежедневно проводили учебные занятия по стрельбе в цель¹². 14 июня 1855 г. англо-французский флот отважился произвести обстрел территории оружейного завода и селения Сестрорецк. Около трех часов пополудни один пароход-фрегат и две канонерские лодки, отделившись от основной эскадры, подошли к берегу на расстояние пушечного выстрела. Фрегат остановился немного выше маяка, выстроенного вблизи устья реки Сестры. Одна лодка встала против устья рабочих вод плотины завода, другая – против телеграфа (вышка для передачи сигналов флажками и факелами) в дубовой роще.

Открыв сильный огонь из всех орудий, неприятель обстреливал все побережье ядрами и гранатами в течение часа. В результате обстрела осколком гранаты был ранен подпрапорщик гренадерского короля Фридриха Вильгельма III резервного полка Федор Шустер¹³. Канонада была настолько сильна, что часть прихожан, укрывавшихся в заводских церквях от огня противника, страстно молилась о заступничестве высших сил. Каково же было всеобщее изумление, когда после сильнейшего обстрела заводские строения не пострадали и все жители остались живы. Лишь несколько дубов из заповедной рощи получили повреждения. Священник Петропавловской церкви Петр Лабецкий увидел в этом событии, в первую очередь, заступничество св. апостолов Петра и Павла и св. чудотворца Николая и решил, что это свидетельство не должно быть забыто¹⁴.

Петр Михайлович Лабецкий окончил курс наук в Петербургской Александро-Невской семинарии в 1854 г. В феврале 1855 г., после женитьбы на воспитаннице Царскосельского духовного училища девице Светловой¹⁵, был определен священником в церковь св. апостолов Петра и Павла на Сестрорецкий оружейный завод. Кроме основной деятельности, ему было предписано преподавать закон Божий в школе кантонистов при оружейном заводе¹⁶. За проведение службы под огнем противника 14 июня 1855 г. был представлен к награде: бронзовому наперсному кресту на Владимирской ленте, уч-

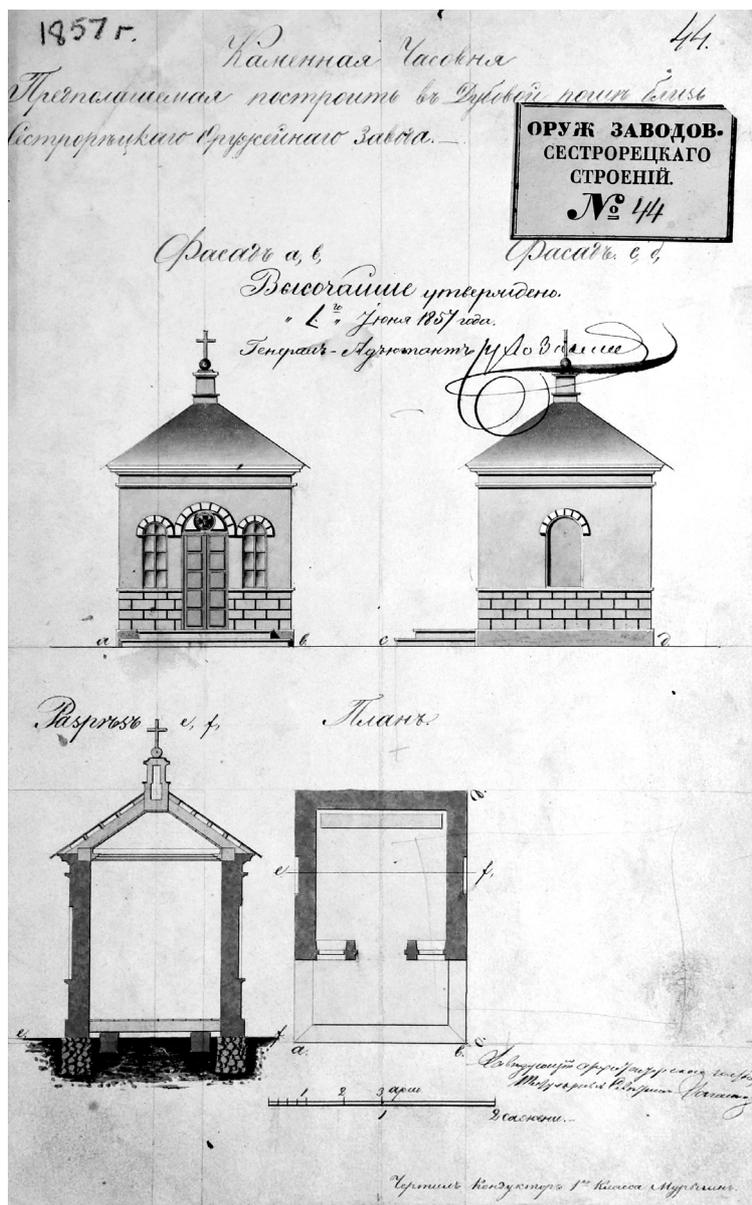
режденному в память войны 1853–1856 гг.¹⁷ На Сестрорецком оружейном заводе прослужил девять лет. В 1863 г. был удален со службы в место бедное, почти бесприходное за то, что осмелился, по обязанности пастыря, вступить за оружейника, жестоко наказанного шпагой офицером завода¹⁸.

Среди документов архива ВИМАИВиВС имеется ходатайство священника Петра Лабецкого от 30 апреля 1857 г. на имя командира завода генерал-майора А.Г. Игнатьева о разрешении выстроить за свой счет небольшую каменную часовню в память о чудесном спасении завода и селения от вражеского огня в июне 1855 г. К ходатайству был приложен проектный чертеж каменной часовни, которую предполагалось возвести «...на морском берегу в Дубовой роще, при окончании дороги, ведущей по прямому направлению от заводского селения»¹⁹.

Ходатайство священника было рассмотрено военным министром Н.О. Сухозанетом²⁰. В мае 1858 г. правление оружейного завода получило разрешение на возведение часовни в Сестрорецких дубках на средства священника Петропавловской церкви²¹. К осени того же года каменная часовня в заповедной дубовой роще была выстроена согласно чертежу, высочайше утвержденному 7 июня 1857 г.²²

В архиве музея, в собрании графического материала по истории Сестрорецкого оружейного завода, имеется проектный чертеж каменной часовни, предполагаемой к постройке в Дубовой роще близ завода (план, фасад, разрез), исполненный кондуктором 1-го класса Мурыгиным²³. На нем имеется подпись военного министра генерал-адъютанта Н.О. Сухозанета, утвердившего проект часовни 7 июня 1857 г., и подпись титулярного советника, заведовавшего архитектурской частью Артиллерийского департамента, раскрыть которую не удалось. Архитектор Сестрорецкого оружейного завода академик архитектуры Ф.К. Бремме весной 1857 г. находился в трехмесячной командировке в Германии, Франции и Бельгии для изучения фабричной архитектуры ведущих оружейных заводов Западной Европы²⁴. Поэтому его подпись на чертеже отсутствует.

В документальных источниках архива удалось обнаружить некоторые сведения о служебной деятельности кондуктора 1-го класса, исполнившего чертеж. Александр Матвеевич Мурыгин за время службы на Сестрорецком оружейном заводе в звании кондуктора был награжден серебряной медалью «За усердие» с правом ношения в петлице на Анненской ленте²⁵. С 1864 г. по 1868 г. отставной кондуктор Мурыгин исполнял должность заводского архитектора. В ознаменование свободы, дарованной оружейникам, и в поощрение долголетней усердной службы А.М. Мурыгин был возведен в 1868 г. в звание почетного гражданина²⁶. При передаче Сестрорецкого оружейного завода в

Чертеж каменной часовни св. апостолов Петра и Павла и св. Николая Чудотворца в Дубовой роще. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 16. Д. 66. Л. 1.

арендно-коммерческое управление в 1869 г. А.М. Мурыгин был назначен заведующим строительной частью хозяйственного отделения завода²⁷. В этом качестве он проявил себя добросовестным специалистом, с полным знанием дела. «Я много обязан ему и особенной его энергии при исполнении возложенного на меня начальством поручения по возведению новых казенных зданий взамен сгоревших при пожаре в июле 1868 г.», – писал в Главное артиллерийское управление начальник хозяйственного отдела завода полковник А.А. Граве. В 1870 г., «в поощрение усердия к пользе и интересам завода», А.М. Мурыгину была пожалована золотая медаль «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте²⁸.

Часовня, выстроенная в Сестрорецких дубках на средства священника Петропавловской церкви Петра Лабецкого, благополучно простояла до начала Первой мировой войны. В ней ежегодно совершался особый крестный ход в память 14 июня 1855 г. Находилась часовня в центре роши, на пригорке²⁹. В своем путеводителе по окрестностям Ленинграда за 1927 г. В.Н. Некрасова писала: «В центре Дубовой роши есть каменная белая полуразрушенная часовня, построенная в 1859 г. в память бомбардировки Сестрорецка»³⁰.

До наших дней часовня не сохранилась. В 30-е гг. прошлого века она была полностью разрушена³¹. Поэтому цветное изображение часовни, профессионально исполненное А.М. Мурыгиным и ныне хранящееся в архиве ВИМАИВиВС, является важным памятником в истории Сестрорецка. Возможно, когда-нибудь в Сестрорецких дубках вновь появится белокаменная часовня в память 14 июня 1855 г.

¹ Архив ВИМАИВиВС (Далее – АВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. Сборн. Д. 57. Л. 3.

² Некрасова В.Н. Путеводитель по северным окраинам Ленинграда. Л., 1927. С. 45.

³ История Сестрорецка и его окрестностей. Т. I. Издательство Остров, 2006. С. 73.

⁴ АВИМАИВиВС Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2400. Л. 17–17 об.

⁵ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг. Т. IV. СПб., 1877. С. 223.

⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 56. Д. 811. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 811. Л. 16.

⁸ Там же. Л. 14.

⁹ Там же. Л. 21.

¹⁰ Там же. Л. 22.

¹¹ Там же. Л. 91.

¹² Давиденко А.И. Сестрорецк. Очерки по истории города. Л., 1962. С. 25.

¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 56. Д. 811. Л. 23.

¹⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 1/4. Д. 573. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. Оп. 56. Д. 766. Л. 6.

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ Там же. Д. 969. Л. 15.

¹⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1/7. Д. 83. Л. 5.

¹⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 1/4. Д. 573. Л. 2 об.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же. Л. 7.

²³ Там же. Ф. 27. Оп. 16. Д. 66. Л. 1.

²⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 56. Д. 1058. Л. 1–5.

²⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 5/9. Д. 638. Л. 24.

²⁶ Там же. Л. 13 об.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 31.

²⁹ Яковлев В.Д. Мой Сестрорецк. Записки краеведа о жизни родного города. Сестрорецк, 2006. С. 100.

³⁰ Некрасова В.Н. Указ. соч. С. 45.

³¹ Яковлев В.Д. Указ. соч. С. 101.

Из истории русской военной историографии (по материалам ИРВИО)

Общество, затрагивающее проблемы изучения военной истории России дореволюционного периода – Императорское Русское военно-историческое общество (ИРВИО) – возникает довольно поздно относительно прочих научно-исторических обществ – лишь в 1907 г. Хотя идеи о создании подобного объединения военных историков возникали еще в середине XIX в. Отчасти это связано с тем, что в среде военных историков очень долгое время существовало преклонение перед иноземным военным искусством, что крайне негативно отразилось на изучении отечественной военной истории и деятельности крупнейших русских полководцев. Только в конце XIX – начале XX вв. Д.Ф. Масловский, А.З. Мышлаевский, Н.П. Михневич, А.К. Байов и другие ученые, причастные к созданию русской военно-исторической школы, развернули работу по отысканию и публикации источников по военной истории, их изучению и популяризации¹.

В период со времени издания первой полковой истории до начала XX в. вышло в свет более 300 историй войсковых частей. До 70-х гг. XIX в. полковая история – явление не массовое, даже после 1874 г., когда деятельность по составлению историй стала поощряться Военным министерством, динамика появления новых сочинений по истории полков изменилась незначительно, однако с приближением юбилеев воинских частей, т.е. к концу XIX – началу XX вв. этот вопрос становился актуальнее.

В 1901–1902 гг. на страницах «Русского Инвалида» появляются материалы, посвященные полковой историографии. Авторы этих статей подходили с разных позиций к одним и тем же проблемам. По мнению П.О. Бобровского, «задачами полковой истории определяется вся сумма работ в архиве»². А.З. Мышлаевский, анализируя ситуацию, делает вывод, что основные причины всех трудностей историографа «во-первых, заключаются в самих архивах, во-вторых в самих господах командирах полков»³. В большинстве архивных фондов даже при наличии помощи можно было не найти требуемой информации – «то описи нет, то она не совершенна, что и разобрать в ней ничего нельзя»⁴. Что касается командиров полков, то они не оказывали должного внимания этим проблемам.

Окончательный поворот в сторону изучения отечественного военного искусства произошёл после русско-японской войны, когда ИРВИО, объединившее крупнейших военных историков и руководящих военных деятелей, начало изучать военно-историческое прошлое русского народа. Данный факт можно рассматривать «как окончательную победу русской военно-исторической школы, видные представители которой вполне закономерно оказались во главе Общества»⁵. В сферу интересов общества входил широкий круг вопросов. Отдельное внимание было уделено проблеме создания и публикации историй войсковых частей. Для разработки вопросов полковой историографии в рамках ИРВИО был создан Разряд полковых и корабельных историй, который стал одним из наиболее активно действующих звеньев общества. Разряд был образован 20-го апреля 1909 г.⁶ Председателем президиума был П.П. Потоцкий, товарищами председателя были назначены С.А. Панчулидзе и Н.Н. Беклемишев. Секретарем стал М.К. Соколовский. На первых же заседаниях разряд определил ряд приоритетных вопросов, которые должны были быть решены:

«Выработать в ближайшем будущем руководство для составления полковых историй, избрав для этой цели особую редакционную комиссию, воспользовавшись как материалом существующими пособиями.

Внести изменения в Циркуляр Главного штаба от 16-го сентября 1904 за № 260 по ряду пунктов.

Упорядочить дело ведения при войсковых частях установленных дневников, которые должны, по своей обстоятельности, всесторонне отражать жизнь части и только в том случае могут явиться полезным материалом для полковой истории.

Иметь сведения о том, какие именно документы по полковой старине хранятся в архивах при управлениях уездных воинских начальников.

Оказывать научную поддержку полковым историкам при составлении полковых историй.

Просить начальников доставить в библиотеку Разряда по одному экземпляру печатных

историй отдельных историй (так в рукописи. – *В.Н.*) воинских частей, дабы все означенные истории сосредоточить в одном книгохранилище и впоследствии произвести сравнительную оценку полковых историй, рекомендовав для образца лучшую из них»⁷.

При разряде, по мере надобности, образовывались частные комиссии, которые разрабатывали возникавшие вопросы. Всего было создано 15 комиссий:

1. Для разработки изменений в циркуляре Главного штаба от 16-го сентября 1904 г. за № 260.

2. Для выработки норм полковых дневников.

3. Для разработки вопросов об архивах при управлениях уездных воинских начальников.

4. Для разработки правил об учреждении при полках денежного фонда на издание полковых историй.

5. Для объединения постановлений предыдущих четырех комиссий – так называемая объединенная комиссия, под председательством генерала от инфантерии Ф.Я. Ростовского. Она имела 7 заседаний и окончательно разработала проекты правил для полковых историй и ведения полковых дневников и особый доклад о военно-воспитательном значении полковых историй, а также издала указатель мест хранения дел воинских частей.

6. Для увековечения в войсковых частях памяти героев.

7. Для рассмотрения проекта нового положения о письмоводстве в части, относящейся до войсковых архивов.

8. Для рассмотрения составленного А.И. Григоровичем «Пособия для составления полковых историй».

9. Для рассмотрения материалов, собранных Н.П. Вольнским по истории кавалерии.

10. Для рассмотрения старшинства л-гв. Конного полка.

11. Для рассмотрения старшинства пехотных полков, на пополнение которых были обращены морские полки.

12. Для рассмотрения старшинства 39-го пехотного Томского и 145-го пехотного Новочеркасского полков.

13. Для рассмотрения старшинства 99-го пехотного Ивангородского и 187-го Аварского полков.

14. Для рассмотрения старшинства 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка.

15. Для установления хроник гвардейских Кирасирских полков⁸.

Объединенная комиссия, в отличие от остальных, имевших частный характер и создававшихся по мере надобности, занималась концептуальными вопросами, поэтому заслуживает особого внимания. Циркуляр Главного штаба от 16-го сентября 1904 г. за № 260, регламентировавший процесс составления пол-

ковых историй и размеры субсидий на их издание⁹, был несущественно измененным вариантом циркуляра Главного штаба № 276 от 1882 г.¹⁰, и многие его положения не соответствовали состоянию вещей в той области, деятельность которой он регламентировал. Этот факт стал причиной попыток со стороны членов объединенной комиссии внести некоторые изменения в этот законодательный акт. Прежде всего предлагалось изменить пункт о выборе офицера для составления истории. Если по утвержденному порядку полковой командир единолично выбирал того, кому будет поручено составить полковую историю, то согласно проекту разряда «офицер-составитель полковой истории избирается закрытой баллотировкою обществом г.г. офицеров полка. Выбор этот утверждается командиром полка с объявлением в приказе по полку и с донесением по команде до корпусного командира»¹¹. Вероятно, данная мера была предложена для того, чтобы уменьшить степень субъективности выбора полкового историографа, и сделал издание истории делом общим, в которое вовлекались бы все офицеры. Представление истории, составленной по материалам полковых архивов, прежде всего на суд «г.г. офицеров полка»¹² и командира полка, и только после их одобрения отправлять начальнику дивизии, подтверждает тезис об идее вовлечения офицерского собрания в дело создания историй. Что касается командировок для работы в архивах в Петербурге и Москве, «командировки эти допускаются лишь один раз и на срок не свыше 6 месяцев. Если возникала потребность во второй, третьей и т.д. командировках, то таковые могут быть разрешаемы по ходатайству начальника дивизии, но без расходов для казны»¹³. Согласно проекту, предлагалось предоставлять командировки на срок не более 6 месяцев «один раз для частей, существующих менее чем сто лет, и два раза для частей, существующих сто и более лет»¹⁴. Однако в данном случае выдача суточных денег сохранялась как во время первой командировки, так и во время второй. Согласно циркуляру Главного штаба, «право получения порционных денег не распространялось на офицеров войск в Петербурге расположенных»¹⁵. В проекте же предлагалось выплачивать суточные деньги офицерам, которые занимаются работой в архивах для поиска материалов к истории полка, части которого расположены в Петербурге, в размере 1 рубля в сутки.

Важно отметить еще несколько своевременных пунктов. Это, прежде всего, предложение о предоставлении полковому историографу одного писаря на время его изысканий в архиве. Данная мера, несомненно, облегчила бы труд полкового историка и сэкономила бы деньги и время. Увеличение пособий на печат-

тание полковой истории с 500 рублей до 1000 рублей для частей, имеющих пятидесятилетнюю историю; с 1000 до 2000 рублей – для имеющих столетнюю историю; и для частей, имеющих историю более ста лет, устанавливалось пособие 2800 рублей¹⁶. Знание составителями проекта всех сложностей и преград, которые возникают на пути создателя истории, и того, насколько сложна эта работа, совершенно логично трансформируется в понимание того, что праведный труд необходимо соответственно поощрять. В результате появляется следующий пункт: «Историографы полков, по окончании своих трудов, одобренных Главным Управлением Генерального Штаба, представляются к награде орденом вне правил, об их труде вносится в послужной список, они получают право на увольнение в четырехмесячный отпуск с сохранением содержания и на предоставление им полугодового оклада жалования»¹⁷.

Еще в 1872 г. в «Приказании по войскам Гвардии и Петербургского военного округа»¹⁸ было упомянуто, что «сведения о внутреннем быте и службе войск, а также подробности о действиях их в военное время, если не объявлены в приказах и официальных распоряжениях, пропадают, нередко безследно, между тем как они часто могли бы служить прекрасными источниками для истории частей войск и вообще армии»¹⁹. Для того, чтобы сохранить подобные сведения, а также для контроля за занятиями и службою войск и событиями в части, этим же документом предписывалось завести во всех пехотных и кавалерийских полках, в стрелковых, саперных и отдельных батальонах, а также в батареях, дневники²⁰. Дневники предполагалось вести ежедневно и заносить в них сведения о службе части и внутреннем быте, акцентируя внимание на подробностях, которые не вошли в официальные документы. Особой формы дневника не устанавливалось, однако указывалось, что «дневники должны были удовлетворять тому главному условию, чтобы по ним можно было определить, где в известное время находилась часть, в каком расположении, что делала»²¹. В «Приказании...» не содержалось подробной инструкции по ведению подобного дневника, были лишь общие положения. В связи с тем, что дневник рассматривался как важнейший документ, позволявший сохранить подробности истории войсковых частей, объединенная комиссия предприняла попытку составить «Инструкцию для ведения исторических дневников в отдельных частях войск»²². В отличие от «Приказания...», в ней было четко указано, как и кем должен вестись дневник, на какие пункты и события необходимо обращать отдельное внимание. Дневник должен был храниться вечно, что не касалось некоторых других документов делопро-

изводства полка, которые подлежали уничтожению через установленное количество времени.

Законопроекты, выработанные объединенной комиссией по вопросам полковой историографии, не были утверждены Военным министерством и не стали законами. Однако анализ их содержания позволяет понять, на каких вопросах акцентировали свое внимание составители. Прежде всего цель этих проектов заключалась в том, чтобы в дальнейшем значительно облегчить труд тех людей, которые должны были составлять истории полков, а также приблизить законодательство в этой области к реалиям времени.

Деятельность разряда, однако, не ограничивалась чисто теоретическими изысканиями и составлением проектов. Решались и некоторые практические вопросы. К таковым относится проблема поиска источников в архивах. При управлениях уездных воинских начальников существовали архивы, в состав которых входили дела полков и различные документы по военной истории. Точных сведений о том, в каких архивах и в каком состоянии хранятся подобные дела, не было, что являлось препятствием для розыска той или иной информации. Кроме того, условия хранения и доступ к документам оставляли желать лучшего, о чем пишет в одной из статей М. Соколовский²³. Все эти условия крайне усложняли поиск материалов по истории полков. Выходом из этой ситуации, по мнению членов объединенной комиссии, служила лишь реорганизация архивов путем централизации дел, касающихся военной старины. Попытка подобным образом выделить из губернских архивов нужные дела была предпринята в 1912 г., когда циркуляром МВД было предписано составить комиссии для разборки губернских архивов с последующим выделением дел, касающихся военной старины²⁴. Предполагалось составить описи этих дел для рассмотрения Главным управлением Генерального штаба, которое решало, какие из них необходимо передать военному ведомству. Описи были составлены, но дела так и не были перевезены в отдельное хранилище и оставались на местах.

В связи с этим объединенной комиссией было принято решение о составлении указателя мест хранения дел частей войск по материалам описей, которые находились в архиве Главного штаба. Для осуществления этой работы был составлен редакционный комитет, в состав которого были избраны: С.И. Федоров, Г.Э. Кудлинг, М.К. Соколовский, А.И. Григорович, К.К. Агафонов. Деятельность редакционного комитета закончилась изданием указателя в 1912 г.²⁵

Крайне важным также был вопрос о старшинстве воинских частей, о чем свидетельствует

создание отдельных комиссий в составе разряда по решению вопроса о старшинстве того или иного полка. Проблема заключалась в том, что старшинство, указанное в хрониках и расписаниях полков, не всегда было точным. Многие переформирования полков происходили со значительными отступлениями от приказов, что вносило путаницу, поэтому проверка хроник по архивным данным была необходима. В 1914 г. было опубликовано исследование Г.С. Габаева «О старшинстве войсковых частей и хрониках гренадерских и пехотных полков», где раскрыты основные проблемы в определении старшинства полков²⁶.

Подобные исследования в значительной степени упрощали работу полковых историографов, и, таким образом, осуществлялась основная функция разряда – методологическая и практическая помощь в разработке истории полков русской армии.

Деятельность Разряда полковых и корабель-

ных историй сыграла важную роль в сфере изучения и разработки вопросов полковой историографии. Законопроекты, составленные объединенной комиссией по вопросам полковой историографии, позволяют понять уровень законодательства к началу XX в. и определить те требования, которые предъявлялись авторами проектов к составителям историй и к документам, должным сохранять историю воинской части. Данные требования, воплощенные в проектах, не были нововведениями, а являлись результатом многолетнего опыта полковых историографов, многие из которых сами были членами комиссии. Несмотря на то, что довольно большое количество историй полков уже были изданы к началу XX в., реальная помощь, оказываемая разрядом в виде издания указателей, пособий, выдачи справок и др., находила своего адресата в лице обычных офицеров непривилегированных полков, волею судеб вынужденных ступить на нелегкий путь создателя полковой истории.

¹ Более подробно этот сюжет освещается в работе: Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962.

² Бобровский П.О. Истории полков Русской армии // Русский Инвалид. 1901. № 84. С. 3.

³ Мышлаевский А.З. О полковых историографах // Русский Инвалид. 1901. № 46. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Дьяков В.А. О возникновении, составе и деятельности РВИО (1907–1917) // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 288.

⁶ Первые пять лет деятельности РВИО (1907–1912). СПб., 1913. С. 12.

⁷ Архив ВИМАИВиВС (Далее – АВИМАИВиВС). Ф. 11. Оп. 95/1. Д. 50. Л.22.

⁸ Первые пять лет деятельности РВИО. С. 14–15. Из этих 15-ти комиссий завершили свою работу 12 комиссий, не закончили работы комиссии, означенные под №№ 11, 13 и 15.

⁹ Россия. Главный Штаб. Циркуляры за 1817–1917 гг. СПб. – Пг., 1817–1917.

¹⁰ Там же.

¹¹ АВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 95/1. Д. 50. Л. 159 об.

¹² Там же.

¹³ Циркуляр Главного штаба № 260 от 16-го сентября 1904 г.

¹⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 95/1. Д. 50. Л. 159 об.

¹⁵ Циркуляр Главного Штаба № 260 от 16-го сентября 1904 г.

¹⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 95/1. Д. 50. Л. 160.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Приказание по войскам Гвардии и Петербургского военного округа. № 244 от 28 декабря 1872 г.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² АВИМАИВиВС. Ф. 11. Оп. 95/1. Д. 50. Л. 161.

²³ Соколовский М. О полковой историографии // Русский Инвалид. 1910. № 243.

²⁴ Россия. МВД. Департамент общих дел. Циркуляр № 3 от 12 января 1912 года.

²⁵ Указатель мест хранения дел частей войск, штабов, управлений и заведений, по описям, доставленным архиву Главного штаба в 1885 году. СПб., 1912.

²⁶ Габаев Г.С. О старшинстве войсковых частей и хрониках гренадерских и пехотных полков. СПб., 1914.

Трофейная Комиссия и создание Музея Первой мировой войны 1914–1918 гг.

(По материалам ВИМАИВиВС)

В фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится комплекс источников, связанный с работой Трофейной Комиссии. В основном, он представлен делопроизводственной перепиской¹, карточным архивом² и фотографиями георгиевских кавалеров. И хотя основной массив документальных и изобразительных материалов находится в Российском государственном военно-историческом архиве (622 ед. хр.)³, имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют провести самостоятельное исследование.

Предыстория создания Музея Первой мировой войны такова. На Царскосельской юбилейной выставке в 1911 г. Е.А. Третьяковой императору Николаю II было передано собрание исторических документов, военных трофеев, литературных и графических произведений, освещающих военную историю России с древнейших времен. Для хранения этих ценнейших материалов и преумножения коллекции

было решено создать Музей истории русских войн, построив для него специальное здание – позже получившее название Государевой Ратной палаты. Строителем и автором проекта был утвержден гражданский инженер С.Ю. Сидорчук⁴, а также учрежден строительный совет, который состоял из профессора архитектуры В.А. Косякова, гофмейстера Я.Н. Ростовцева, архитектора С.А. Данини, князя М.С. Путятина, полковника С.Н. Вильчковского, художников архитектуры В.Н. Максимова и Е.С. Павлова. Председателем совета стал генерал-лейтенант Е.Н. Вол-

ков. Для подготовки и утверждения проекта понадобилось более 2-х лет.

Параллельно с этим осуществлялась деятельность «Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старых знамен», сформированной 5 марта 1911 г. по инициативе Военно-походной его императорского величества канцелярии. Состав Высочайше учрежденной Комиссии был немногочисленный: первым председателем комиссии стал гвардии полковник В.К. Шенк, затем его сменил полковник С.И. Петин (с 2 сентября 1915 г. – генерал-майор); его помощники: капитан-лейтенант (с 6 декабря 1911 г. – капитан 2 ранга) П.И. Белавенец⁵; офицер для поручений штабс-капитан (с 16 февраля 1912 г. – капитан)

1-й конно-артиллерийской батареи С.А. Толузаков (до августа 1914 г., затем в июле 1915 г. его заменил штабс-капитан лейб-гвардии 3-го стрелкового его величества полка М.В. Колобов), а также инженер путей сообщения К.М. Гейштор, фотографы Михайлов и Николаев, регистратор Мамин и художники

Янсен, Хансен и Петерсон. Комиссия находилась в ведении Военно-походной канцелярии, начальником которой являлся тогда генерал-майор князь В.Н. Орлов (с началом войны его заменял полковник лейб-гвардии Кавалергардского полка (с 1916 г. генерал-майор свиты) К.А. Нарышкин)⁶. До начала Первой мировой войны была проделана большая работа: зарегистрировано около 40 000 подвигов, совершенных русскими солдатами в предыдущих войнах, создана коллекция рисунков, насчитывавшая свыше 2 000 изображений русских и иностранных знамен (с деталями – 12 000 ак-

варелей)⁷, а также составлено 59 000 карточек архива⁸.

3 мая 1913 г. в Царском Селе в присутствии императора Николая II, великих княжон Ольги Николаевны и Анастасии Николаевны состоялась торжественная закладка Государевой Ратной палаты. Архитектурный облик строящегося здания должен был быть выдержан в «неорусском» стиле (стилизация под древние каменные строения Русского Севера по палатным образцам Псково-Новгородского каменного зодчества). Государева Ратная палата представляет собой неправильный, несколько продолговатый пятиугольник. Главный корпус состоит из большого двухсветного зрительного зала на 400 человек. Для чтения лекций в конце зала установлена возвышенная эстрада, которая была отделена аркой и снабжена экранами и специальными устройствами для световых и кинематографических картин. Имелось два вестибюля: один главный, а другой специально приспособленный для входа и выхода воинских команд. Между главным вестибюлем и зрительным залом расположена распределительная комната, имевшая дверь в галерею хранения документов. Галерея прерывается двумя малыми башнями, служившими для хранения музейных коллекций, а заканчивается большой башней (ротондой) для размещения крупных предметов военного снаряжения и артиллерии. На верхнем этаже в ней располагалась библиотека. Внутреннее убранство предполагало мебель, стилизованную под старину, и настенные росписи. Забегая вперед, скажем, что живописные работы выполнил художник Н.П. Пашков по эскизам И.Я. Билибина. В здании было устроено прогрессивное для того времени центральное водяное отопление, осуществляемое с помощью специальных насосов, приводимых в движение электромотором⁹.

С началом Первой мировой войны¹⁰ задачи Трофейной Комиссии изменились. Она начинает заниматься описанием, изображением и сбором трофеев идущей войны. Командирам всех полков и батальонов была отправлена типовая «Программа работ» (1915) Трофейной Комиссии, которая состояла из четырех пунктов: 1) трофеи, взятые частью (знамена, орудия, пулеметы, летательные аппараты и т.д.), а если есть, то вместе с фотографиями; 2) подвиги части и ее чинов, связанные с взятием трофеев (наброски подвигов, фотографии); 3) сведения о героях – георгиевских кавалерах (не только о живых, но и о погибших): а) о генералах и офицерах, имеющих орден Св. Георгия или Георгиевское оружие, б) о нижних чинах, имеющих все четыре степени Георгиевского креста или же совершивших особо выдающиеся подвиги (портреты героев, а если возможно, то и наброски картин их подвигов); 4) памятники на братских могилах и на могилах от-

дельных чинов (описания, фотографии или наброски)¹¹.

С 24 июня по 8 сентября 1915 г. Императорским обществом ревнителей истории была устроена выставка «Война и наши трофеи», включавшая девять отделов, она проходила в манеже Главного Адмиралтейства в Петрограде (затем ее планировалось перевезти в Москву¹²). За время работы выставку посетили 560 000 человек. «Главное ядро посетителей составил тот черный люд, понимание войны которым является верным залогом нашего конечного боевого успеха»¹³, – говорилось в каталоге. В одном из отделов – шестом – были выставлены и предметы из собрания Третьяковой: «Все собрания Е.А. Третьяковой для Царскосельского музея свидетельствуют, с какой любовью преследуется ее благодарная, но вместе с тем, не легкая задача сохранить для будущего потомства наглядно иконографические изображения настоящей великой войны, а также предметы австрийского и германского снаряжения»¹⁴. Было очевидно, что необходим постоянно действующий Музей Великой войны, который включит в себя обширное собрание не только трофеев и предметов войны, но произведений литературы и искусства, документов и фотографий. Ради этого и продолжает работать Трофейная Комиссия.

В строящейся же Государевой Ратной палате было решено создать портретную галерею георгиевских кавалеров, преимущественно из нижних чинов. Был образован специальный штат художников (И. Стреблов, В. Поярков, М. Мизернюк и др.), которые должны были писать героев либо с натуры, либо по фотографии. Портреты исполнялись в размере 39х30 см и стоили 30 рублей за экземпляр. Кроме того, командование войсковых частей направляло в комиссию по специально установленной форме сведения о награжденных георгиевскими наградами, а также по возможности и их фотографии (либо негативы), с обязательным указанием основных примет: цвета лица, глаз, волос, бровей, ресниц, усов, бороды. Одной из возможностей личного позирования была госпитализация раненого кавалера в лазареты Царского Села¹⁵. Комиссия осуществляла также издание и рассылку брошюр «Герои и трофеи Великой Войны», а на основе собранного обширного материала она издавала Георгиевские таблицы-памятки.

Вскоре начинает работать вторая трофейная комиссия. В январе 1916 г. по инициативе императора Николая II в Петрограде прошло совещание, на котором обсуждался вопрос о сборе, регистрации и хранении трофеев текущей войны. Оно предложило сосредоточить все дело по переписи и сбору захваченного имущества в одном, особо учрежденном органе. На склады всех воинских частей командуются члены Императорского Русского Военно-ис-

торического общества и Общества ревнителей истории. Им было поручено выявлять ценные трофеи и составлять их описи для дальнейшей передачи в Артиллерийский исторический музей в Петрограде и Оружейную палату в Москве¹⁶. 22 марта 1916 г. Николай II повелел возложить руководство по сбору, регистрации и хранению трофеев на генерала Д.А. Скалона. При этом предполагалось все забранные у неприятеля знамена, штандарты¹⁷ и особо ценные трофеи передать на хранение в Государеву Ратную палату в Царском Селе¹⁸, что совместно с поднесенными в собственность государю императору портретами героев настоящей войны должно было создать в ней художественно-исторический памятник доблести русского воина¹⁹. Итак, 22 июня 1916 г. приказом № 329 был утвержден штат еще одной «Комиссии для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечивания ее в памяти потомства»²⁰, а 15 февраля 1917 г. Николай II лично принимал и осматривал собрание рисунков и фотографий²¹.

В ходе Февральской революции 1917 г. в России пала монархия. Однако внешнеполитический курс оставался прежним: Россия продолжила участие в Первой мировой войне. В июне 1917 г. две комиссии слились в единую «Комиссию для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечивание ее в памяти народа (курсив мой. – Д.Т.)», а временно исполняющим должность председателя был назначен гвардии полковник М.В. Колобов (с января 1917 г. – капитан, а с апреля 1917 г. – полковник). К августу 1917 г. объединенная Комиссия получила в распоряжение все материалы комиссий-предшественниц, Военно-художественного отряда, Георгиевской выставки и «все общественные историко-культурные памятники из Ратной палаты»²². Ее главной задачей стала подготовка Центрального государственного музея войны. Следует отметить, что к осени 1917 г. строительство и инженерное оборудование Ратной палаты было практически завершено, но отделочные и живописные работы не закончены. В архиве ВИМАИВиВС хранится документ, в котором говорится о недостатке электрической арматуры, мебели и о расходах на отопление здания²³. В связи с немецким наступлением на Петроград осенью 1917 г., многие трофейные экспонаты были подготовлены к эвакуации в Ярославль, где и погибли в 1918 г.

После Октябрьской революции 1917 г. и заключения 3 марта 1918 г. Брестского мира, Трофейная Комиссия приказом Народного комиссариата по военным делам была передана в ведение Всероссийского Главного штаба и подчинена Оперативному управлению, а затем военно-историческому отделу (председатель С.Н. Каменский). 24 декабря 1918 г. приказом Революционного Военного Совета Республи-

ки на основе прежней Комиссии была учреждена «Комиссия по организации и устройству Народного военно-исторического музея войны 1914–1918 гг.» и утвержден ее штат. Она состояла из пяти отделов: литературно-документального (М.И. Андреев), художественно-фотографического (М.Н. Панин), артиллерийско-технического (Н.А. Николаев), интендантско-санитарного (И.И. Имшенецкий) и знаменного (П.И. Белавенец). Новым председателем комиссии стал Н.Н. Дерошефор. Все отделы обладали значительным музейным имуществом, находившимся, на тот момент, на складах в Петрограде, Царском (Детском) Селе, Киеве, Тамбове, Белой Церкви, Тифлисе, Эрзеруме и др. Главной целью стала организация грандиозного Народного военно-исторического музея войны 1914–1918 гг. Однако комиссия просуществовала недолго, и ее дальнейшая работа была признана нецелесообразной. 30 мая 1919 г. Малый Совет Народных Комиссаров постановил упразднить Комиссию, закрыть все отпускаемые ей кредиты, а все материалы и отделения передать в Народный Комиссариат просвещения и закрепить за Военной секцией Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины²⁴. Вероятно, на это решение повлияла статья А. Буцевича, содержащая негативную оценку деятельности Комиссии: «Говорить о “трофеях”, “увековечивании” имен “героев” “в истории и памяти”, “подвигов российского воинства” – это уже слишком. Ведь речь не идет о нашей Гражданской войне, идущей под лозунгом освобождения трудящихся... Это война для рабочего класса была братоубийственной, и должно скорбеть об ее бесчисленных жертвах, но делать из них “героев” недопустимо. Авантюра с “героями” и “всероссийским воинством” должна быть скорее ликвидирована. Подобного явления не должно быть в советской России»²⁵. 20 июля 1919 г. последовал приказ Всероссийского Главного штаба за № 199, объявлявший об упразднении Трофейной Комиссии²⁶.

В августе – ноябре 1919 г. состоялась передача имущества в Наркомпрос. К этому моменту комиссия располагала значительным количеством трофеев, так до конца и неучтенных. Собрание художественно-фотографического отдела состояло из картин (масло), рисунков, эскизов, портретов, набросков в карандаше, угле и пастели, гравюр, а также этюдов с натуры, сделанных художниками на позициях (всего 830 штук). В помещении комиссии находилось 190 портретов участников войны 1914–1918 гг., зарисованных на местах солдатами-художниками. Кроме того, за этим отделом были закреплены произведения живописи из Ратной палаты (4 картины масляными красками, 2 этюда, 151 портрет георгиевских кавалеров), около 100 клише с рисунков и портретов,

служащих иллюстрациями к георгиевским листкам-памяткам. В фотографическом отделении находилось около 3000 негативов, снятых на позициях и такое же количество отпечатков с них. В литературно-документальном отделе хранились работы сотрудников комиссии: 1) жизнеописания боевых действий участников войны, из них 1561 были обработаны и еще около 500 необработанных; 2) иллюстрации боевых эпизодов, в том числе 993 законченных и 373 эскиза; 3) 40 рисунков-портретов участников войны; 4) около 400 фотографий участников войны; 5) листки-памятки с фотографиями и жизнеописаниями участников войны, среди них 40 напечатанных, 82 готовых к печати и 1 папка в корректуре; 6) описание боевых действий отдельных воинских частей – 2 папки; оттиски разных рисунков и фотографий – 1 папка. Предметы артиллерийско-технического отделения первоначально хранились в сараях железнодорожной станции Охта, затем были перевезены в здание Ратной палаты. Имущество оказалось практически бесхозным и подвергалось расхищению²⁷.

В дальнейшем часть музейного собрания была перевезена в Москву (в Государственный исторический музей), другая оказалась в ведении Военно-историко-бытового музея, существовавшего с 1927 по 1937 гг., затем его экспонаты включили в фонды Артиллерийского исторического музея, Русского музея и Эрмитажа.

В 1920-е гг. здание Ратной палаты передали под нужды Сельскохозяйственного института. Тогда же на литературных вечерах здесь выступали С. Есенин, Вс. Рождественский, Ф. Сологуб, О. Форш, В. Шишков. Во время Великой Отечественной войны здание Ратной палаты сильно пострадало: обрушилась крыша, и частично разрушились стены. В первой половине 1970-х гг. началось его восстановление, и сейчас здесь размещаются реставрационные мастерские. Инициативная группа «Рать» подготовила план восстановления Государевой Ратной палаты с целью вернуть ей первоначальное назначение – создать в ней музей военной истории. В 2001 г. на здании была установлена памятная доска.

¹ Архив ВИМАИВиВС (Далее АВИМАИВиВС). Ф. 22, 52.

² См. Вознесенская И.А. К вопросу о картотечном архиве Трофейной Комиссии // Сборник статей и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2006. С. 92–95.

³ РГВИА. Ф. 16180.

⁴ Архитектурно-строительный еженедельник. 1916. № 7. С. 98.

Сидорчук С.Ю. (1882–1925) – родился в селе Великоселицы Брестского уезда Гродненской губернии. Окончил Виленское реальное училище. Затем переехал жить в С.-Петербург и поступил в Институт гражданских инженеров. В 1907 г. окончил институт с золотой медалью. Изучал деревянное храмовое зодчество Архангельской и Вологодской губерний. Принимал участие в строительстве биологической очистной станции в Царском Селе (1907–1908). С 1913 г. строитель и автор проекта Государевой Ратной палаты. Он же проектировал храм-часовню на Царском Сельском Братском кладбище героев Первой мировой войны (1915). Одновременно преподавал в институте. В апреле 1917 г. подал прошение об увольнении. Дальнейшая биография не известна.

⁵ Белавенец П.И. (1873–1936) родился в Кронштадте. Окончил Морской кадетский корпус (1895), Офицерские артиллерийские классы (1899). Находясь на морской службе, прослушал полный курс и завершил обучение в Петербургском (1903) и Московском (1913) археологических институтах. После присвоения офицерского звания, проходил службу на кораблях Черноморского флота. Участник Цусимского сражения, попал в плен к японцам. После возвращения на родину служил на Балтийском флоте. Являясь членом «Особого совещания по вопросам о русских национальных цветах», в 1910–1911 гг. начал заниматься геральдикой, историей знамен и флагов. Выступил инициатором создания «Комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старинных знамен». Перу П.И. Белавенца принадлежит свыше 60 книг и статей. Был уволен в отставку после Октябрьской революции 1917 г. Работал в Народном военно-историческом музее войны 1914–1918 гг., затем заведовал Знаменным от-

делом в Военной секции Отдела по делам музеев и охраны памятников искусств и старины при Наркомате просвещения. Вместе с отделом перешел в Артиллерийский исторический музей, где и трудился до конца жизни.

⁶ Гейштор К. Трофейная комиссия при Военно-походной Его Императорского Величества канцелярии в период 1912–1915 гг. // Военная быль. 1964. № 66. С. 36

⁷ Коротков А.В. Георгиевские кавалеры // Военно-исторический журнал. 1989. № 11. С. 21

⁸ Васильев А.А. Деятельность русских Трофейных Комиссий в период Первой мировой войны 1914–1918 годов (по материалам Российского государственного военно-исторического архива) // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 659.

⁹ Там же. С. 99.

¹⁰ Современники воспринимали эту войну как «Великую», называя «Отечественной» или «Германской». Название «Первая мировая война» устоялось в историографии только после начала Второй мировой войны в 1939 г.

¹¹ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/14. Д. 12. Л. 20.

¹² Там же. Ф. 22. Оп. 92. Д. 91. Л. 8.

¹³ Война и наши трофеи. Пг., 1916. С. 1.

¹⁴ Там же. С. 55/

¹⁵ Государева Ратная палата в Царском Селе: Музей истории русских войн и Портретная галерея георгиевских кавалеров и воинских чинов награжденных Георгиевскими крестами. Б. м., б. г.

¹⁶ См. Васильев А.А. Указ. соч. С. 661.

¹⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 91. Л. 105–106.

¹⁸ Там же. Д. 114. Л. 105/

¹⁹ Государева Ратная палата в Царском Селе...

²⁰ См. АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/14. Д. 8. Л. 1, 2.

²¹ Дневник императора Николая II. М., 2007. С. 383.

²² Цит. по: Васильев А.А. Указ. соч. С. 662.

²³ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 115. Л. 451, 452.

²⁴ Там же. Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 4. Л. 14 об.

²⁵ Буцевич А. Народный военно-исторический музей // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1919. № 96.

²⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/6. Д. 4. Л. 7. Копия.

²⁷ Там же. Л. 56, 57, 58, 59.

Сохранность и доступность документального наследия ВИМАИВиВС

Доступность информации становится определяющим условием развития современного общества. Задача хранителя – обеспечить максимальный доступ к документу. Задача консерватора и реставратора – сохранить подлинник как можно дольше. Часто эти две задачи вступают в противоречие, и на наш взгляд, обеспечение сохранности документа должно иметь приоритетное значение. Каждый хранитель и руководитель учреждения культуры заинтересован в объективной информации о доступности и сохранности вверенных ему фондов, получить которую можно только проведя обследование по специальной методике. Разработку научно обоснованных методик проведения комплексного обследования состояния сохранности осуществляют специалисты в России и за рубежом.

В России исследования сохранности памятников на бумажной основе (книг и архивных документов) проводятся с середины прошлого века. Философия, заложенная в методику об-

следования, – это философия специалиста по сохранности (реставратора, консерватора). Что надо сделать, чтобы сохранить памятник? Разработаны многочисленные формы описания состояния – паспорта сохранности, выработаны критерии оценки повреждений, в т. ч. и количественные, созданы базы данных. Например, база данных сохранности фонда Бэра, Редкой книги, библиотеки Петра в БАН, голландских атласов и инкунабул в РНБ, книжной коллекции абонемена в ВГБИЛ, база данных сохранности «Архив ВИМАИВиВС» и т.д.

В начале 90-х гг. Национальный архив Королевства Нидерланды совместно с Научно-техническим центром (TNO) разработали универсальную методику обследования доступности архивных коллекций (UPAA-STANDARD)/1/. Философия, заложенная при разработке форм описания состояния документов, ориентирована на пользователя. Оценка состояния документа проводится для ответа на вопрос: «Можно ли выдать этот документ пользователю?».

Математик-статист из Голландии Петер Дефизе (слева) обсуждает с сотрудниками военно-научного отдела ВИМАИВиВС результаты обследования архивного фонда

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) совместно с Национальным архивом Королевства Нидерланды (Гаага) с мая 2005 г. выполняют совместный научно-исследовательский проект, целью которого является разработка универсальной методики описания доступности и сохранности памятников на бумажной основе в музеях, архивах и библиотеках и создания электронной базы данных. Руководитель проекта в России – кандидат культурологии С.В. Успенская. Результаты исследования планируется использовать в музеях, архивах и библиотеках нашей страны и Голландии.

Задачи проекта:

- объединить опыт российских и голландских специалистов в области обследования доступности и сохранности памятников на бумажной основе,
- разработать универсальную методику отбора памятников при проведении обследования коллекций в музеях, ар-

хивах, библиотеках на базе опыта голландских специалистов,

- разработать форму описания состояния сохранности и доступности,
- выработать критерии оценки уровня повреждений,
- разработать программу статистической обработки данных,
- создать базу данных,
- внедрить результаты проекта в учреждениях культуры России и Голландии.

По голландской методике UPAА-STANDARD специалисты военно-научного отдела обеспечения сохранности и архива ВИМАИВиВС, с привлечением студентов, выполнили обследование архивного фонда. Методика обследования включала несколько этапов:

- описание архива,
- составление выборки документов для обследования,
- обследование документов из выборки с заполнением формы,
- ввод данных в базу и получение статистического отчета.

Подробно методика составления выборки и карта описания повреждений документов была представлена нами на конференции в РНБ в 2006 г. /2/. Все повреждения разделены на 5 основных категорий, которым присвоен определенный код. Уровень повреждений каждой категории оценивается по трехбалльной шкале. Основным критерий оценки – нанесет ли использование документа вред его сохранности? Можно ли выдать документ в читальный зал без его повреждения? Балл 1 – использование документа не принесет ему вреда, балл 2 – только при условии особо бережного обращения документ не будет поврежден, балл 3 – при любом, даже очень бережном обращении, документ будет поврежден. Отдельный раздел карты посвящен описанию видов повреждений. Отмечается только качественный признак – наличие повреждения, квалиметрическая оценка не производится. После заполнения карт данные вводятся в базу, которая разработана в EXCEL. Результаты обследования обрабатываются статистически и выводятся в специальную форму статистического отчета. Представлена цифровая (в %) и графическая информация (в виде гистограмм):

- по категориям и уровням повреждений,
- по доступности (процент дел, доступных для выдачи, вычисляется по специальной программе),
- по аспектам повреждений.

При обследовании архива ВИМАИВиВС в выборку было включено 327 дел. Каждое из них обследовано с заполнением карты. Статистический отчет представлен в табл.1. Дела, име-

ющие оценку доступности 3, нельзя выдавать читателям. Таких дел выявлено 17%. Основные виды повреждений – пятна, разрывы, повреждение обрезов. 47% дел имеют механические повреждения, 41% дел – повреждения от влаги (сюда же входят повреждения микроорганизмами – бактериями и плесневыми грибами). Этот результат был вполне прогнозируемым, так как архив пострадал во время эвакуации в 1917 и 1941 гг., множество дел было поражено микроорганизмами. После возвращения архива в музей (в 1945 г.) были приняты серьезные меры для его сохранения – в начале 50-х гг. выделено специальное помещения для изолятора и реставрационной мастерской. В изоляторе размещены дезинфекционная камера (фумигация формалином) и оборудованы рабочие места для ручной дезинфекционной обработки и очистки дел. Но объем работ был очень велик, и не все дела удалось реставрировать. При анализе карты описания повреждений UPAА-STANDARD нами был сделан вывод о том, что она недостаточна для описания всех видов документов, хранящихся в архиве (27% дел имеют виды повреждений, не указанные в карте и идентифицированные как «Другое»). Кроме того, хотелось бы иметь более четкие рекомендации по мероприятиям (консервация, реставрация, дезинфекция и т.д.), необходимым для обеспечения сохранности дел, доступ к которым запрещен из-за их плохой сохранности.

Голландские специалисты тоже понимали, что методика не является универсальной. Они разработали на базе имеющейся новую методику для описания доступности коллекции карт (UPAA-MD) и предложили нам для апробации. UPAА-MD включает в себя более гибкую процедуру отбора объектов для обследования (составления выборки), карта описания повреждений расширена, включены материаловедческие аспекты. Подробно методика обследования коллекций карт и чертежей картой представлена в /3/. Апробация методики (UPAA-MD) была проведена в архиве ВИМАИВиВС. Для обследования выбрали фонд 27 – «Коллекция чертежей». Он содержит 8488 единиц хранения XVII–XX вв. и включает чертежи всех видов вооружения (пушек, гаубиц, мортир, единорогов, пищалей, минометов, бомбометов, снарядов и т.д.), промышленного оборудования и инструмента, планы городов, пороховых и оружейных заводов, арсеналов и крепостей России, производственных и жилых зданий, культовых сооружений. Фонд 27 размещается в архивохранилище № 2 вместе с другими фондами. Фонд 27 размещен на стеллажах, в старых шкафах и в историческом столе. Выборка составила 201 дело. В табл.2 и 3 представлен статистический отчет по результатам обследования. 27% чер-

тежей не могут быть выданы читателю. Основные серьезные повреждения (20%) – химической (коррозия красок и железо-галловых чернил, хрупкость бумаги) и механической (разрывы и разрушение бумаги по краям) природы. Механические повреждения вызваны неосторожным использованием, а также слишком плотным размещением дел: на некоторых полках или в ящиках стола размещено до 100 и более документов. Несмотря на то, что большинство чертежей находится в конвертах или папках, доступ к ним затруднен, и при выемке и расстановке дела могут быть повреждены. Следует отметить тот факт, что, по сравнению с общей картиной сохранности фонда архива, коллекция чертежей в меньшей степени поражена плесневыми грибами.

Специалисты ВИМАИВиВС имеют собственные серьезные наработки в области обследования сохранности документов. Разработано несколько вариантов карт обследования сохранности документов (для фонда ИРВИО, фотодокументов, краткая форма для архивных дел) и БД «Сохранность архива ВИМАИВиВС». Как уже указывалось выше, наши карты составлены таким образом, чтобы выявить повреждения документа и на основе этого дать рекомендации по его сохранению. Ниже приводится один из вариантов универсальной карты обследования сохранности памятников ВИМАИВиВС, которую можно использовать для различных документов, фотоматериалов, графики, карт, чертежей, рисунков. (Табл. 4). По сравнению с голландской формой, наша карта более детальная, она содержит квалитетическую оценку каждого вида повреждения, рекомендации по консервации (реставрации) и рекомендации по использованию. Карта ВИМАИВиВС явилась базовой при разработке универсальной методики и программного обеспечения базы данных в рамках российско-голландского проекта.

В настоящее время в музее разработана программа переоборудования архива. В первую очередь будет приобретаться новое современное оборудование (драйверы) для коллекции чертежей. Военно-научный отдел обеспечения сохранности ведет постоянную работу в архиве. Климат регистрируется электронными термометрами (логгерами), размещенными в хранилищах. Регистрация температуры и относительной влажности проводится автоматиче-

чески с интервалом 1 час. Данные сохраняются в базе данных «Климат ВИМАИВиВС». Систематически проводится дезинфекционная обработка дел, имеющих биоповреждения. Обработанные дела помещаются в контейнеры. В настоящее время такая работа ведется с фондом 109. Для контроля биологической активности микрофлоры организован биомониторинг: в дела вложены специальные тест-образцы, периодически они извлекаются и анализируются по микробиологическим методикам и методикам анализа активности микрофлоры. Следует отметить, что, несмотря на наличие в некоторых делах визуальных признаков повреждений микроорганизмами (пигментные пятна, плесневые налеты), жизнеспособные микроорганизмы обнаруживаются редко. Относительная влажность воздуха в хранилищах не превышает нормативные показатели (50%), зимой в хранилищах очень сухо, что и привело к гибели спор грибов. Художники-реставраторы в плановом порядке и при подготовке к выставкам реставрируют архивные дела, чертежи, пергаментные грамоты, хранящиеся в архиве. Вся эта работа направлена на сохранение нашего фонда и расширение доступа к документам.

1. Havermans J., Marres P., Defize P. The development of a universal procedure for archive assessment // Care and conservation of Manuscripts 4. Proceedings of the 4 international seminar held at the University of Copenhagen 13–14 October 1997. The Royal Library, 1999. P. 68–77.

2. Успенская С.В., Кобякова В.И. Доступность и сохранность памятников на бумажной основе: российско-голландский проект // Обеспечение сохранности памятников культуры: традиционные подходы – нетрадиционные решения. Материалы международной конференции, 24–26 октября 2006 г., РНБ. СПб., 2006. С. 25–34.

3. Успенская С.В., Кобякова В.И., Бабич В. Обследование сохранности и доступности коллекции карт и чертежей: российско-голландский проект // Материалы 1 Международной научно-практической конференции «Исследования. Консервация и реставрация рукописных и печатных памятников Востока» 17–19 апреля, Москва, ВГБИЛ. Рудомино. С. 227–238.

Табл. 1. Статистический отчет (по UPAА-STANDARD)

Архив	Архив ВИМАИВиВС					
Команда	Успенская С.В., Кобякова В.И., Кулешова И.Н.					
Дата	Июль – август 2005 г.					
Количество дел	327					
Переплетенных дел	270	83%				
Непереплетенных	54	17%				
Повреждения по категориям	Средние	Серьезные	Сумма			
Повреждения переплета	45	14%	27	8%	72	22%
Химические повреждения	60	18%	11	3%	71	22%
Механические повреждения	122	37%	32	10%	154	47%
Грызуны и насекомые	3	1%	1	0%	4	1%
Повреждения от влаги	118	36%	17	5%	135	41%
Доступность						
0	89	27%				
0/1	94	29%				
1/2	87	27%				
3	57	17%				
Виды повреждений						
Повреждения крытья	1	0%				
Повреждения крышек	47	14%				

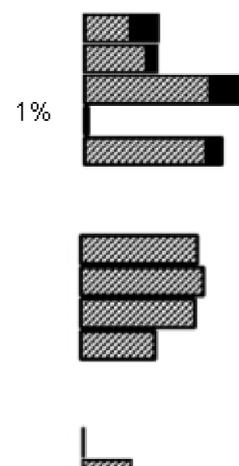

Табл. 2. Итоговый отчет по коллекции карт и чертежей архива ВИМАИВ и ВС, часть 1

2006 г. Количество объектов (дел)	201						
<u>Категория повреждения</u>	Среднее		Серьезное		Общее		
Химическое	80	40%	40	20%	120	60%	
Предыдущая реставрация	24	12%	2	1%	26	13%	
Механические повреждения	92	46%	23	11%	115	57%	
Повреждения грызунами	1	0%	0	0%	1	0%	
Влажностные повреждения	23	11%	5	2%	28	14%	
<u>Категория доступности</u>							
0	46	23%					
1	44	22%					
2	57	28%					
3	54	27%					
<u>Аспекты повреждения</u>							
Штампы	35	17%					
Коррозия чернил	40	20%					
Закисление	10	5%					
Хрупкость, обугливание	52	26%					
Поверхностные загрязнения	119	59%					
Пятна, окрашивание	119	59%					
Дублирование	0	0%					
Синтетические ленты	1	0%					
Ленты на бумажной основе	24	12%					
Другие ленты	2	1%					
Потертость краев, надрывы	103	51%					
Утрата фрагментов	61	30%					
Дыры	36	18%					
Повреждения насекомыми	1	0%					
Грызуны	0	0%					
Фоксинги	17	8%					
Грибы	13	6%					
Затеки, повреждение водой	27	13%					
Другое	3	1%					

Табл. 3. Итоговый отчет по коллекции карт и чертежей архива ВИМАИВиВС, часть 2

Количество объектов	201		
<u>Идентификация объекта</u>			
Представлен	158	79%	
Представлен не полностью	36	18%	
Не представлен	7	3%	
<u>Хранение</u>			
Хорошее	26	13%	
Среднее	95	47%	
Плохое	80	40%	
<u>Датировка</u>			
XV век	0	0%	
XVI век	0	0%	
XVII век	1	0%	
XVIII век	16	8%	
XIX век	118	59%	
XX век	20	10%	
Неизвестно	46	23%	
<u>Материал</u>			
Бумага	186	93%	
Калька	5	2%	
Текстиль	0	0%	
Светокопия/Синька	9	4%	
Пергамент	0	0%	
Другое	1	0%	
<u>Поверхностное покрытие</u>			
Нет	153	76%	
Мелование	1	0%	
Защитный слой	47	23%	
Другое	0	0%	
<u>Техника</u>			
Печать	55	27%	
Рисунок	69	34%	
Другое	77	38%	
<u>Аспекты</u>			
Цветное	105	52%	
Карандаш	55	27%	
Железо-галловые чернила/Чернила	160	80%	
Уголь	0	0%	
Другое	12	6%	
Нет	21	10%	

Таблица 4.

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

Карта обследования сохранности

Инвентарный номер					
Название				Автор	
Имя эксперта				Дата	
Вид документа рукопись архивное дело печатный машинописный телеграмма чертеж карта рисунок гравюра книга фотография другой					
Оформление Переплетен Не переплетен Паспарту Рама Сшивка Другое					
Количество листов			Размер		
Хранение хорошее удовлетворительное плохое					
Датировка объекта					
Материалы объекта Бумага ручного пр-ва Бумага машинного пр-ва Фотобумага Калька Ткань Пергамен Другое					
Техника Печать Рисунок Смешанная техника					
Материал записи информации Чернила Печатная краска Художественная краска Уголь Другое					

Повреждения	Природа повреждения	Носитель информации	Материал записи	Переплет, паспарту
Штампы, печати	Химическое (С)			
Коррозия железо-галловых/медесодержащих чернил	С			
Кислотность	С			
Химические повреждения (хрупкость, обугливание)	С			
Поверхностные загрязнения	С			
Пятна/окрашивание	С, механическое (М)			
Дублирование: бумага-хлопок-холст-синтетика	Старая реставрация (О)			
Ленты (бумажные, синтетические)	О			
Разрывы	М			
Утраченные фрагменты	М, В			
Дыры	М, В			
Повреждения насекомыми	Биологическое (В)			
Повреждение грызунами (крысы, мыши)	В			
Фоксинги	В, С			
Грибы	В			
Затеки	М, О			
Выцветание текста, изображения	С			
Кракелюр (миниатюры и фото)	М, С			
Серебряное зеркало (фото)	С			
Деформация	М			
Несвязанные фрагменты (листы, корешок, крышки)	М			

Рекомендации для хранителя

Выдавать	Выдавать с ограничениями	Не выдавать
----------	--------------------------	-------------

Рекомендации по консервации (реставрации)

Гигиеническая чистка	Реставрация носителя	Реставрация переплета	Дезинфекционная обработка	Создание копии	Помещение в контейнер
----------------------	----------------------	-----------------------	---------------------------	----------------	-----------------------

Примечание

Часть II

С.В. Ефимов

Оружие Западной Европы XV–XVII вв. в Артиллерийском музее.

История формирования собрания (XVIII в. – 1930-е гг.)

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи обладает одним из крупнейших в России собраний оружия и доспехов стран Западной Европы XV–XVII вв. Оно сопоставимо лишь с коллекциями Государственного Эрмитажа, Оружейной палаты Московского Кремля и Государственного исторического музея.

Это собрание начало формироваться еще в начале XVIII в. с момента учреждения Цейхгауза на территории Петропавловской крепости (1703). Долгие годы оно хранилось в фондах музея, и лишь в 2006 г. к 250-летию юбилею Достопамятного зала – предшественника музея – его небольшая часть включена в постоянно действующую экспозицию. К величайшему сожалению сохранилось крайне мало документов, освещающих историю этого собрания и, прежде всего, начальный этап его комплектования.

Следует отметить, что западноевропейское оружие не было в диковинку для Московского государства. Рыцарские доспехи и оружие попадали к царскому двору в качестве дипломатических подарков либо преподносились в числе военных трофеев. Отдельные предметы оказывались в оружейных собраниях частных лиц из числа правящей элиты. Надо сказать, что практического применения в России XVII в. рыцарские доспехи и оружие не получили. Они хранились у царей и бояр как заморские диковинки.

С воцарением Петра I Россия начала быстро сближаться с Западной Европой. Правящий класс ускоренно стал перенимать европейскую культуру, хотя бы в ее внешних формах. В конце XVII – начале XVIII вв., в соответствии с западноевропейской традицией, Петра I и его военачальников все чаще стали изображать в рыцарских латах. Достаточно обратиться к живописным полотнам кисти Г. Неллера (Кнеллера), Я. Веникса, Б. Коф-

фра, Ж.М. Натье, И.Г. Таннауэра, И.Н. Никитина и др¹.

Кроме того, с петровского времени изменяется погребальный церемониал особ царской фамилии и представителей высшей знати. Похороны происходят по западноевропейскому образцу (т.н. «геральдические похороны»).

После смерти Петра Великого его тело было выставлено в большой «сале» Зимнего дворца, которая была превращена в «каструм долорис, или печальную салу». На гравюрах А.И. Ростовцева «Вид погребальной залы Петра I» (1725) и С.М. Коровина «Оформление стены погребальной залы Петра I» (1725) видны элементы военной арматуры, составленной из доспехов, оружия и знамен, которой зал был декорирован. На гравюре Ростовцева по бокам от гроба с телом первого русского императора стоят офицеры в черных епанчах с алебардами в руках и своим внешним видом напоминают рыцарей в траурных одеждах².

В погребальной процессии, шествовавшей в Петропавловскую крепость, тело государя сопровождали две символические фигуры рыцарей с опущенными обнаженными мечами. Один из них в вызолоченных латах («радостный рыцарь») следовал верхом на коне, а другой («печальный рыцарь»), в черных латах, шел пешком: «В позлащенных латах из шталмейстеров Козма Теремицкой ехал на лошади с обнаженным мечом, на лошади седло шито с богатым убором, у того латника на шлеме, також и у лошади на голове и на хресте плюмажныя кусты из красных и белых перьев; по обе стороны ево шли два драбанта в черном платье и епанчах с алебардами. В черных латах артиллерии капитан Валмут шел держа меч вниз, обвит ефес черным флором, на голове плюмажный куст из черных же перьев». По прибытии процессии в собор святых апостолов Петра и Павла во время отпева-

ния оба рыцаря стояли «во главах гроба»³.

Можно предположить, что эти или подобные им латы сохранялись и использовались при последующих погребениях российских монархов. В описи Достопамятного зала отмечены «латы Тевтонского рыцаря, на голову и грудь вызолочены, а на спину черные»⁴.

Там же хранилась и пара доспехов, которая использовалась в траурной процессии, сопровождавшей в последний путь «дщерь Петрову» в 1762 г.: «Рыцари, два, печальных, в черных латах. При них 2 больших меча и 1 малый. Означенные латы были в употреблении при погребении им. Елисаветы Петровны»⁵.

В специальной «Траурной комнате» Достопамятного зала хранились предметы «печальной церемонии погребения императора Николая I». В их числе были гербы, знамена, штандарты, жезлы, государственные мечи, а также латы «печального» и «радостного» рыцарей («Рыцари, два, с мечами, один вызолоченный, другой в черных латах»). Поскольку в этой же комнате хранились «вещи, бывшие в употреблении при погребении тела в Бозе почившего императора Александра I», то можно предположить, что доспехи рыцарей использовались при императорских похоронах как в 1825, так и в 1855 гг.⁶

В фондах музея находится большое количество однотипных нагрудных лат XVII в., которые очень часто фигурируют в каталожных описаниях как доспехи полков «нового строя» времен царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. На самом деле их происхождение иное.

В начале 1730-х гг. правительство императрицы Анны Иоанновны озаботилось созданием кирасирских полков на европейский манер. Эти новые для российской армии кавалерийские соединения требовали соответствующей экипировки. В частности, необходимо было срочно изготовить большое количество кирас. Денег, по-видимому, в казне как всегда не хватало. Вероятно, кто-то подсказал государыне-императрице дешевый, как казалось бы, способ снарядить кирасиров. 5 июня 1732 г. артиллерийское ведомство получило указ: «Понеже из ведомостей усмотрено, что в Риге, в Ревеле, также в Шлиссельбурхе имеется немалое число лат, того ради по указу Ея Императорского Величества Канцелярии главной артиллерии и фортификации приказали из оных лат взять в Санкт-Петербург нагрудных добрых лат для пробы, по десять. А как в Санкт-Петербург присланы будут, то те латы опробовать стрельбою, могут ли оные быть годны в Кирасирский полк. А отправить те латы с нарочным из Ревеля и Шлиссельбурха водою на судах каких либо, с кем из вольных людей случится, а из Риги на фирленцкой лошади. И прислать известие, таковых нагрудных лат, каковы, отку-

да будут посланы, много ль останется»⁷.

Спустя год, 11 августа 1733 г., вспомнили, что иноземные трофейные латы могут быть и в других арсеналах. Последовало дополнительное распоряжение: «Приказали из имеющихся в Киевском артиллерийском цейхгаузе лат годных тысячи четыреста пятнадцати каждого сорта по две латы прислать в Москву, а затем отправить в Санкт-Петербург»⁸. Велено было также проверить, есть ли в Севском цейхгаузе среди ржавых и ломаных лат целые. Заметим, что вышеперечисленные арсеналы находились на западных границах империи, и, скорее всего, именно там могло отложиться большое количество трофейного польского и шведского оружия и доспехов.

В августе 1733 г. началась переделка лат артиллерийскими мастерами под присмотром обер-вагенмейстера Реэра⁹. В середине месяца в Кабинет Ея Императорского Величества был вызван один из руководителей Канцелярии главной артиллерии и фортификации – Унковский, которому было отдано распоряжение о переделке лат «и о приделе к латам приборов». Их приказали «убрать обшивкой по краям красным сукном, а всподи холстом». При этом Унковскому была дана «образцовая лата». Руководил переделкой капитан над мастерами Еремей Креницын (Криницын)¹⁰.

По-видимому, переделка старых лат не очень удалась. Последовало новое распоряжение – в молотовой кузнице на Охтинских пороховых заводах изготовить две офицерские и две кирасирские латы для образца¹¹.

Правительство торопило Канцелярию с выполнением заказа, и 21 сентября 1733 г. генерал-фельдцейхмейстер Б.-Х. Миних указал «о выборе лутчих и из имеющихся в России шведских лат, о отделке их, а особливо тех, кои в Москве и в близости к Москве местах, и об отдаче их с Москвы в кирасирские полки». В гарнизонах и в «прочих артиллерийского ведомства местах» приказано было произвести разбор старых лат и отобрать годные для отделки¹².

Вероятно, некоторые из числа присланных для переделки лат могли оказаться в Цейхгаузе. В позднейшей описи числится большое количество железных нагрудных лат (часть из них с позолоченными краями), а также кирас¹³.

Началом следующего этапа формирования собрания западноевропейского оружия послужил указ Канцелярии главной артиллерии и фортификации (центрального органа артиллерийского ведомства) 28 июня 1756 г. о централизации всех «Инвентаторских (опытных. – С.Е.), курьезных и достопамятных вещей в одном месте – в Санкт-Петербургском арсенале». Подпоручику И. Меллеру предписывалось освободить одну из палат Литейного дома и разместить там все имеющиеся в Санкт-Петербур-

ге подобные предметы, а также и вновь поступающие. Ему же вменялось в обязанность составить подробное описание их. Поскольку в Литейном доме не нашлось помещения, способного вместить все реликвии, их разместили в здании одного из складов на Новом пушечном дворе.

Указ о сборе достопамятных и курьезных вещей был послан во все города и веси России. Получившие его должны были срочно отобрать таковые, составить описание, сделать чертежи и выслать их его сиятельству генерал-фельдцейхмейстеру Петру Ивановичу Шувалову. А в ноябре по приказанию Шувалова для осмотра отобранных в монастырях, которые были неплохо вооружены и имели собственные арсеналы, «лат, кольчуг, ружья, знамен и других тому подобных орудий» был направлен подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Иван Кропотков.

Во время Семилетней войны (1756–1763) русские войска заняли Кенигсберг – столицу Пруссии. Скорее всего, именно оттуда в числе многочисленных трофеев¹⁴ поступили доспехи рыцарей Тевтонского ордена. Для их хранения в Достопамятном зале была создана специальная «Рыцарская комната». Среди ее экспонатов оказался «намордник лошадиный Тевтонских рыцарей стальной, с прорезной надписью, значащей в переводе «Богу Единому слава и никому больше. Бог – мое утешение, Распятый на Кресте Сын – Спаситель мой. Сохрани нас, Господи, при слове твоём, которое пребудет во веки. Я во всех делах своих полагаюсь на Бога и Он сотворит благо». Там же находились двенадцать комплектов полированных доспехов тевтонских рыцарей с мечами и одни латы красного цвета. Большое количество различного типа «шишаков», судя по описанию, можно частично соотнести с западноевропейскими шлемами различных типов. Скорее всего, воинам ордена принадлежали четырнадцать нагрудных железных кирас с белыми крестами¹⁵.

В память событий Семилетней войны в Достопамятном зале оказались несколько городских немецких знамен. Одно из них датировано 1542 г., три других относятся к XVI–XVII вв. На них были вышиты многочисленные гербы и символы, а также девизы на латинском языке «Умеет ловко пользоваться приобретенным», «Надейся только на Бога», «Ловя – попадается», «Храбрость – есть наилучшая броня»¹⁶.

Собрание зала пополнялось и в екатерининское царствование. Несколько алебард и кинжалов XVI–XVII вв., шотландский клеймор поступили в Достопамятный зал в 1778 г. из Ораниенбаумской дворцовой конторы¹⁷.

Вероятно оттуда же происходят «три кирасира (болваны) герцогства Голстинского, в полных костюмах» XVII в.¹⁸ Скорее всего они при-

были в Россию из Голштинии вместе с наследником русского престола Петром Федоровичем в качестве «наглядных пособий».

Во второй половине XVIII в. после ликвидации Ревельского цейхгауза в Достопамятный зал – предшественник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи – поступило уникальное дульнозарядное крепостное ружье (кессельфлинт). Бронзовый ствол ружья закреплен в массивной ложе с прикладом, изготовленным в XVIII–XIX вв. К ложе прикреплена деревянная вилка со стержнем, с помощью которого ружье соединялось с деревянным станком. Сам станок не сохранился. Ствол в дульной части имеет грани, на казенной части с боковой части ствола находится затравочная полка, закрывавшаяся крышкой (утрачена). Прицел ружья сделан в виде женского бюста (голова утрачена) с отверстием. Казенная часть ствола украшена сценами сражений обнаженных пеших и конного воинов, держащих в руках щиты и палицы. По сторонам от двух нагих борцов, поражающих друг друга дубинками, расположены детские фигурки. Один из детей изображен падающим или брошенным вниз головой. Гербы города и Ревельского магистрата на щитках украшают среднюю часть ствола¹⁹.

Внутри ружья до сих пор находится пороховой заряд и железное ядро. Это выяснилось в процессе реставрации, проведенной в 2007 г. Ствол ружья имеет небольшое искривление, полученное, вероятно, в результате удара. Можно предположить, что его уронили с крепостной стены при подготовке к стрельбе. В результате искривления ствола невозможно было произвести выстрел, либо разрядить ружье, не повредив при этом ствол.

В 1827 г. из Рижского артиллерийского гарнизона в Достопамятный зал привезли кожаное седло, которое хранилось до 1810 г. в Рижском магистрате и использовалось при въезде шведских королей (начиная с Густава Адольфа и заканчивая Карлом XII) в Ригу²⁰. По некоторым сведениям, это седло было подарено рижанам королем Густавом Адольфом при въезде в город в 1621 г.²¹

В том же году из Нарвского артиллерийского гарнизона в Достопамятный зал доставили пятьдесят железных нагрудных лат черного цвета²².

В 1840 г. из Спасо-Ефимьевского монастыря в Достопамятный зал были переданы десять английских флагов (флагов-вымпелов) времен Елизаветы I Тюдор и Якова I Стюарта. На одном из флагов помимо английского герба был изображен двуглавый российский орел. Каким образом эти флаги времен первых английских посольств в Россию оказались в старинном монастыре, можно лишь догадываться.

Оружие для Достопамятного зала приобре-

талось также на антикварных аукционах и у частных лиц. Так, в 1847 г. на аукционной распродаже музея Рединга в Гамбурге был куплен уникальный щит городской стражи XVI–XVII вв. Он состоит из железного круга с наручником, на внутренней стороне которого ременная петля и кожаная ручка для держания щита в левой руке. Снаружи щита небольшой железный фонарь с окном, закрытым слюдой. На щите имеются специальные приспособления для захвата меча или шпаги противника²³.

Алебарда драбантов курфюрста прусского и маркграфа бранденбургского Иоганна Сигизмунда (1609) была приобретена в 1871 г. в г. Бердичев²⁴. В 1874 г. в Санкт-Петербурге для музея был куплен богато украшенный изображением Богоматери с младенцем-Христом, святых Варвары и Петра, рыцарей и т.п. французский меч начала XVI в.²⁵

Из Брест-Литовского отдела Варшавского артиллерийского склада в 1876 г. в музей были доставлены кинжалы и даги XV–XVI вв., ножны с чеканными изображениями рыцарей, драконов, ангелов и человеческих личин²⁶.

В 1872 г. заведующим Артиллерийским музеем (с 1912 г. – Артиллерийский исторический музей) был назначен талантливый военный историк капитан Николай Ефимович Бранденбург (впоследствии генерал-лейтенант). Этот человек обладал неординарными способностями и фундаментальными познаниями во многих областях исторической науки. Он поставил перед собой задачу превратить музей в подлинно научное учреждение. Его стараниями во второй половине 1870-х гг. в музей было передано большое количество старинного оружия XVI–XVII вв., в том числе и западноевропейского, из бывших оружейных палат монастырей, которые являлись форпостами в пограничных районах Московского государства.

В 1875 г. поступила коллекция крепостных и ручных ружей из Кирилло-Белозерского монастыря. «Великая государева крепость», предназначавшаяся на случай опасности быть убежищем для царя и казны, имела первоклассное оружие отечественного и иностранного производства. В собрании, наряду с русским огнестрельным оружием, имелись мушкеты, изготовленные в Зуле, Эссене и других крупных оружейных центрах Западной Европы.

В 1877 г. в музей была передана большая и разнообразная по своему составу коллекция старинного вооружения из Соловецкого монастыря. Эта северная обитель со второй половины XVI в. стала военной крепостью и на протяжении двух столетий являлась центром обороны всего Поморья. Вероятно, в 1877 г. из Соловецкого монастыря в Артиллерийский музей поступил и двуручный меч 1593 г. с изображением человеческой головы с бородой и

усами, а также литер «T.S.» и «R.V.»²⁷.

В последующие годы музей пополнился старинными орудиями и оружием из Троице-Сергиевой лавры, Суздальского Спасо-Ефимовского монастыря, Киевского и Брянского арсеналов, Тульского оружейного завода, Рижского гарнизона и еще из целого ряда мест.

Важной вехой на пути научного изучения музейных собраний и коллекций стала публикация подготовленного Н.Е. Бранденбургом в результате многолетнего труда «Исторического каталога Санкт-Петербургского Артиллерийского музея». Его третья часть, посвященная коллекциям иностранного отдела музея, увидела свет в 1889 г. В каталоге дано подробное описание западноевропейского оружия и доспехов, особо выделены уникальные вещи и реликвии.

Среди экспонатов музея были немецкий рыцарский меч с девизом «Боже, даруй своему народу победу над врагами». На лезвии меча изображение «голова короля» – клеймо известного мастера Иоганнеса Вундеса, работавшего между 1560 и 1620 гг. Это клеймо сохранилось на притолоке его дома в Золингене, вместе с инициалами «I. W.», девизом и двустийшем: «Голова короля – мой герб, в котором мне столь много завидовали». При сыновьях и внуках клеймо не удержало на высоте своей репутации, а в конце XVIII в. наследники продали право на использование клейма за смешную сумму в четыре талера.

Меч палача (меч одного из тайных судилищ, как назвал его Бранденбург) изготовлен мастером Петером Клотом, работавшим в Золингене, Цюрихе и даже в Москве в 1638–1664 гг. Рукоять меча снабжена двумя кожаными подушечками, украшенными набором из латунных цветков.

Парадные рыцарские латы, изготовленные в Германии в 1547 г., покрыты позолотой, гравировкой и красной краской. На шлеме по сторонам изображены летящие ангелы с венками и пальмовыми ветвями в руках. На нагруднике распятие Спасителя, окруженное орнаментом. Сверху надпись «Бог так возлюбил мир, что Единородного Сына своего отдал, чтобы все, кто в него уверовали не погибли бы, но получили вечную жизнь».

Вышеперечисленные предметы – лишь малая толика описанных и включенных Н.Е. Бранденбургом в каталог²⁸.

Специально для оружия, доспехов и других экспонатов из стран Западной Европы и Азии был создан Отдел иностранных памятников. Он располагался на втором (антресольном) этаже музея. В путеводителе по музею отмечалось, что там хранится «множество памятников, в своем роде единственных»²⁹.

В 1912 г. в музей поступила коллекция оружия Сергея Васильевича Перлова (1836–1910) –

именитого московского купца, одного из «чайных королей» дореволюционной России. Коллекция была достаточно разнообразна. В ней было представлено огнестрельное и холодное оружие и защитное вооружение XIV–XIX вв. из Европы и Азии. С.В. Перлов собирал коллекцию с 1851 по 1909 г., прежде всего, во время поездок по Сибири и Востоку, некоторые предметы были приобретены им в Москве. Наибольшая часть коллекции – это восточное оружие. Среди западноевропейского холодного оружия интересны итальянская шпага XVII в., немецкая шпага (меч) XVI в. В описи упоминается о нескольких «западных шашках» XV в. Коллекция в основной своей части сохранилась до настоящего времени, но разрознена по фондам музея и не представляет собой единого целого³⁰.

Однако музей не только получал, но и отдавал свои экспонаты. В 1903 г. по распоряжению товарища (заместителя) генерал-фельдцейхмейстера Николаевской академии Генерального штаба переданы два комплекта рыцарских доспехов³¹.

Налаженный ритм работы музея сломала Февральская революция 1917 г. Немцы рвались к Петрограду, и Временное правительство распорядилось о срочной эвакуации ценностей в глубь страны. В конце сентября того же года по распоряжению Временного правительства более 75% музейных фондов было эвакуировано в город Ярославль. Артиллерийскому историческому музею (далее – АИИМ) предстояло пережить тяжелый, а порой и драматичный период своей истории.

25 сентября 1917 г. три баржи с имуществом музея отплыли из Петрограда в Ярославль. Сопровождала этот бесценный груз команда прапорщика Курышева, состоящая из трех солдат-конвоиров 1-й артиллерийской бригады. В начале 1918 г. знамена, особо ценное оружие и архив были отправлены железнодорожным транспортом.

В Ярославле обстановка для музея складывалась чрезвычайная. Во время эсеровского мятежа (6–22 июля 1918 г.) места размещения коллекции АИИМ были полем боя. Спасский монастырь, где находились знамена, старинное ручное огнестрельное и холодное оружие (в том числе и западноевропейское), подвергся артиллерийскому обстрелу. Возникшим пожаром уничтожено 2000 знамен, 300 экземпляров оружия и много других уникальных экспонатов. Очень основательно пострадало и имущество на баржах. Одна из них, пробитая снарядом, затонула и была поднята лишь в сентябре. Вторая баржа получила течь, ящики с оружием и архивными документами оказались в воде. С большим трудом за несколько дней команда Курышева разгрузила баржу, и архив вместе с оружием и знаменами был отправлен

на артиллерийский склад. Для спасения пострадавших памятников и документов необходимо было как можно быстрее вернуть их в Петроград. Но реэвакуация растянулась почти на шесть лет. У Артиллерийского управления не было средств на перевозку. И все эти долгие годы бесценно на берегу реки Коростели охраняли музейное имущество прапорщик Курышев и три его помощника. Они несли свою службу, месяцами не получая ни зарплаты, ни продовольственных пайков.

С возвращением в родные стены, теперь уже в Ленинград, собрание музея пополнялось оружием. Однако изменились источники его поступления. Пополнение музейных фондов шло, прежде всего, за счет реформирования и перепрофилирования, а отчасти и ликвидации, других музеев, а также за счет поступлений от частных лиц.

Из разрозненных частей доспехов, вернувшихся из эвакуации в Ярославль, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. сотрудником Эрмитажа Михаилом Федоровичем Косинским было собрано семь комплектов доспехов: рыцаря второй половины XVI в. («сплошь покрыт гравировкой весьма грубой работы»), «максимилиановский» – начала XVI в., четыре доспеха XVI–XVII вв. (один из них был раскрашен и позолочен) и полудоспех XVII в.³²

В июне 1926 г. Ленинградский отдел Главнауки передал АИИМ музейные предметы из собрания ликвидированного Общества ревнителей истории. Среди оружия оказалась алебарда XVI в.³³ Со стрельбища войск частей Ленинградского гарнизона в ноябре 1928 г. был получен ряд предметов, имевших музейную ценность, в их числе были латы (одна целая и две спинные части)³⁴. Вероятно недостающие части доспехов использовались в качестве мишеней.

В 1930 г. из фондов бывшего Суворовского музея в АИИМ было возвращено 618 экспонатов, большую часть которых составляло оружие XVII – начала XIX вв. Среди них были западноевропейские мечи, шпаги, мушкетеры, пистолеты, алебарды, боевые топоры, кинжалы, доспехи и т.п.³⁵

В июне того же года заместитель директора Государственного Эрмитажа по научной части В.В. Легран проинформировал командование АИИМ, что арсенал Аничкова дворца, хранящийся в Эрмитаже, может быть беспрепятственно передан в Артиллерийский исторический музей³⁶. Спустя год арсенал (203 пики и эспантона, 326 пистолетов, 651 ружье и 748 экземпляров стрелкового оружия различных стран и эпох) поступил в АИИМ³⁷.

В середине 1930-х гг. Государственный Эрмитаж отдал АИИМ во временное пользование большое количество средневекового западноевропейского оружия – мечи, шпаги, чеканы,

арбалеты и ружья. Некоторые (например, савойский шлем тяжелой кавалерии XVI в., польский и венгерский шлемы XVI–XVII вв., пернач и др.) остались в музее и на постоянное хранение³⁸.

Из Эрмитажа в 1936 г. в собрание АИМ попал щит арбалетчика – павезе (или тарч), им во бою прикрывались воины от вражеских стрел во время натягивания тетивы арбалета. Щит изготовлен в городе Констанце в XV в. Он украшен гербом этого города.

Особую ценность представляют переданные Эрмитажем части роскошного золоченого доспеха (оплечья и набедренники) с изображением гербов и большой государственной печати российского государства. Они были заказаны для Лжедмитрия I (1605–1606) в Германии. Известный коллекционер камер-юнкер А. И. Базилевский приобрел их на аукционе в Париже и преподнес в дар императору Александру II во время пребывания последнего на водах в Эмсе³⁹. Самодержец передал доспехи в Царскосельский арсенал, откуда они после революции поступили в собрание Эрмитажа.

В марте 1935 г. Военный историко-бытовой музей предложил АИМ определить, что будет оставлено в постоянное пользование из большого числа выделенных в 1930–1933 гг. во временное пользование экспонатов. К письму прилагался список на пятидесяти четырех листах. Значительное место в этом списке занимали оружие и элементы доспехов западноевропейского средневековья и Возрождения⁴⁰.

В октябре 1935 г. новый начальник Артиллерийского исторического музея Ян Францевич Куске предпринял попытку получить для музея ряд московских собраний. Обращаясь к начальнику Главного артиллерийского управления, он писал: «Артиллерийский исторический музей является единственным в СССР музеем истории вооружений, а в связи с проводимой его реконструкцией выдвигается в роли одного из самых крупных учреждений этого рода в Европе. Необходимость при новой установке в работе музея отразить возможно полное историческое развитие оружия требует пополнения встречающихся в коллекции АИМ пробелов и просить о передаче из соответствующих хранилищ неиспользуемых ими материалов. В первую очередь настоятельно прошу ходатайства о передаче АИМ собрания по истории вооружений принадлежащего Государственному историческому музею в Москве. Собрание это (бывший Военно-исторический музей) составлено из коллекций полковых музеев царской армии, из коллекции Котуар де Бионкура и частных собраний, поступивших за годы революции. Помимо оружия в собрание входят: коллекция знамен, форм обмундирования, картины и гравюры батального содержания, специальный архив и справочная

библиотека. С 1927 г. это собрание погребено в подвалах Государственного исторического музея и не может быть им использовано. В связи с постановлением партии и правительства о реконструкции Москвы, в ближайшие годы должно быть снесено здание Исторического музея. Упомянутые военные собрания будут либо свезены на склады, либо розданы по другим музеям Наркомпроса. В первом случае собрание останется неиспользованным долгие годы, а во втором ему грозит опасность распыления и даже гибели. В настоящих условиях АИМ является единственным учреждением, которое может обеспечить хранение упомянутого собрания исключительной ценности. Ходатайствуя о вышеизложенном необходимо доложить, что несколько лет тому назад АИМ, идя навстречу пожеланию Наркомпроса передал для Гос. Эрмитажа ценнейшие археологические собрания Н.Е. Бранденбурга, представляющие собой одно из крупнейших собраний этого рода. Это обстоятельство дает исключительное право Артмузею получить из Исторического музея все оружейные и военного быта экспонаты»⁴¹.

Спустя месяц Государственный исторический музей (далее – ГИМ) ответил категорическим отказом в передаче оружейного собрания. Директор музея И.Г. Дмитриев заявлял, что оно является единственным в Москве и его предметы экспонируются во многих городских и областных музеях. Кроме того, даже в случае сноса здания Исторического музея на Красной площади, музей не прекратит своего существования и ему будет предоставлено новое здание. Тем не менее И.Г. Дмитриев не исключал возможности передачи отдельных экспонатов в АИМ: «Вполне допустимо выделение из коллекций ГИМ предметов для пополнения пробелов Артмузея»⁴².

В декабре того же года Куске, понимая, что ГИМ просто так не откажется от своих оружейных собраний, попытался получить хотя бы некоторые экспонаты. Обращаясь к руководству московского музея, он писал: «Прошу не отказать в передаче музею возможных к выделению экспонатов – оружия, относящегося к докапиталистическим формациям. Развертываемая экспозиция, музей особенно нуждается в экспонатах относящихся к родовому строю и рабовладению (бронза и железо), равно и к эпохе ранней феодальной формации»⁴³. Тогда же была составлена опись оружия, относящегося к «докапиталистическим формациям». В ней числились два норманнских меча, два меча XII–XIII вв., два наконечника копий, два боевых топора и один умбон⁴⁴. Спустя два года ГИМ передал музею польский шлем и два немецких меча XVII в.

В Государственный этнографический музей была направлена просьба о передаче АИМ

трехствольной немецкой ручницы XV в., экспонировавшейся почему-то в отделе Средней Азии⁴⁵.

В декабре 1935 г. в Лужский краевой музей был командирован старший научный сотрудник АИМ Д.М. Грищенко для получения рыцарского доспеха и выявления имеющегося в музее исторического оружия⁴⁶. Вероятно, доспех и оружейная коллекция попали в музей из какой-нибудь дворянской усадьбы, которых было много в окрестностях Луги⁴⁷.

В 1940 г. в занятую советскими войсками Молдавию и Бессарабию был отправлен сотрудник музея Грусланов. В числе военных трофеев он доставил в музей двуручный меч, на крестовине которого вбита дата 1687 г.

Следует отметить, что именно благодаря энергичной деятельности Я.Ф. Куске музей смог получить многие ценные экспонаты. Из музейного сектора массового отдела Ленсовета музею удалось забрать «два западноевропейских кинжала в костяных ножнах с резными изображениями святых, один кинжал в металлических ножнах... и рыцарские шпоры»⁴⁸.

Дом отдыха им. С.М. Кирова в 1936 г. передал АИМ немецкий шлем конца XVI – начала XVII вв. с забралом в виде клюва и алебарду. В том же году из Академии наук СССР в музей прислали два двуручных меча (один из них мюнхенского типа) и прусский арбалет.

28 января 1937 г. из Государственного Большого драматического театра им. Горького в музей в составе достаточно большого количества предметов поступили 14 немецких алебард XVII–XVIII вв., 3 двуручных меча (швейцарский, немецкий, итальянский), 6 немецких охотничьих кортиков, рыцарский шлем и арбалет⁴⁹.

Пополнялся музей и благодаря родному военному ведомству. Так, например, с Артиллерийского склада № 75 в 1936 г. в музей доставили немецкую шпагу XVII в. С курсов «Выстрел» в 1939 г. поступил немецкий рейтарский шлем XVI в. с личиной и башмаки от рыцарского доспеха. Артиллерийская академия в 1938 г. дополнила собрание АИМ немецким полудоспехом XVI–XVII вв., а Артиллерийская техническая школа – дагой эпохи Ренессанса и немецкой алебардой XVII в. Из музея при Доме Красной армии в Одессе в Артиллерийский исторический музей был передан немецкий доспех с алебардой XVII в.⁵⁰ Сам доспех был сделан в конце XIX в., однако спинная его часть была изготовлена в XVI в. в мастерской знаменитого аугсбургского доспешника А. Пеффенгаузера и, возможно, декорирована Йоргом Соргом.

В 1930-е гг. в музей стали поступать предметы, конфискованные из частных коллекций. К сожалению, установить их прежних владельцев не представляется возможным. Так, в октябре 1935 г. из Областной ленинградской ми-

лиции в музей направили большую партию оружия, в составе которой были два немецких, один итальянский меч, шпага, стилет и кинжал для левой руки XVI–XVII вв.

Из Центрального склада НКВД по ведомости от 7 декабря 1939 г. в музей привезли два кинжала. Один из них охотничий с надписью «1614 Anno Domini» и изображением зверей и птиц на рукояти. Второй кинжал произвольной формы с рукоятью в виде рыцаря, стоящего на гадюке. В ножнах, на которых изображен рыцарь, имеются ножик и вилка с фигурными изображениями орлов.

В послереволюционные годы собрание западноевропейского оружия эпохи средневековья и Возрождения пополнялось также за счет даров и приобретений у частных лиц.

В 1937–1939 гг. житель Ленинграда Игорь Григорьевич Терещенко передал Артиллерийскому музею 122 единицы хранения оружия, оставшихся, скорее всего, от коллекции отца (15 различных ружей, 8 кремневых и капсюльных пистолетов, восточное древковое, метательное и защитное оружие). Так, например, 7 марта 1938 г. передал в дар музею одну испанскую и две итальянских даги XVII–XVIII вв.⁵¹ Коллекция принадлежала его отцу Григорию Гавриловичу Терещенко, действительному статскому советнику, члену Дирекции общества и лечения при Петроградском обществе врачебной помощи (с 1917 г.), сотруднику Управления главной врачебной инспекции. В 1929 г. он проживал в Ленинграде в д. 5 по Надеждинской улице. Численность и состав его коллекции неизвестны, но, вероятно, часть оружия была изъята после Октябрьского переворота 1917 г.⁵² После смерти самого И.Г. Терещенко его вдова Елизавета Юрьевна передала некоторые предметы из коллекции Г.Г. Терещенко музею⁵³.

В октябре 1937 г. у гражданина В.О. Уварова, проживавшего на Лесном проспекте в Ленинграде, за 500 рублей золотом был приобретен немецкий рыцарский доспех XVI в.⁵⁴

В те годы много сделал для изучения средневековой западноевропейской артиллерии и оружия в собрании музея Всеволод Викторович Арендт (1887–1937). Об этом человеке следует сказать особо.

Дворянский род этого незаурядного ученого и крупного специалиста в области военной истории и оружия восходит к XII в. Его немецкие предки еще в XVII в. осели в России и верой и правдой служили своей новой родине. Достаточно вспомнить лейб-медика Н.Ф. Арендта, лечившего смертельно раненого А.С. Пушкина.

В.В. Арендт учился на юридическом факультете университета в Тулузе (Франция), был слушателем Московского археологического института, как стипендиат этого института

находился в заграничной командировке – занимался в музеях Вены и Парижа. Военная служба В.В. Арендта началась в 1908 г. в звании юнкера. В годы Первой мировой войны он дослужился до командира эскадрона 1-го лейб-драгунского Московского имени Петра Великого полка. В октябре 1917 г. Арендт вышел в отставку «по болезни и контузии». Затем ему довелось послужить в Красной армии, поработать в Главном управлении коннозаводства и Высшей школе штабной службы командного состава⁵⁵.

В 1926–1933 гг. В.В. Арендт работал в Государственном историческом музее, а с переездом в Ленинград поступил на службу в Государственный Эрмитаж вместо арестованного НКВД профессора А.А. Автономова, ведавшего в музее западноевропейским оружием.

Однако вскоре В.В. Арендт вынужден был уйти из Эрмитажа и поступить на работу ученым секретарем в Артиллерийский исторический музей. Современники отмечали, что Арендт был не только очень образованным, но и исключительно деликатным человеком. Своей элегантностью и манерой хорошо одеваться он вызывал раздражение директора Эрмитажа академика Орбели. Знавшие его коллеги отмечали, что он выглядел, как «породистый дворянин». Однако главной причиной ухода Арендта из главного музея страны было его сотрудничество с иностранными оружейно-техническими журналами, в частности с немецким журналом, посвященным истории оружия и костюма «*Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde*» (выходил с 1897 по 1944 гг.). Сотрудничество с ними «сделалось с начала 30-х годов крайне нежелательным в глазах властей и попросту опасным фактом»⁵⁶.

По отзыву авторитетных ученых – современников В.В. Арендта А.В. Арциховского, А.П. Смирнова, Г.А. Новицкого – он являлся «крупнейшим в СССР специалистом по истории оружия и автором нескольких десятков печатных работ».

В 1935 г. была опубликована статья В.В. Арендта «К истории средневековой артиллерии (Генезис развития конструкции казнозарядных пушек XIV века)». В ней он впервые дал подробное описание уникальных артиллерийских орудий XIV–XV вв. из собрания Артиллерийского исторического музея. По мнению ученого, техническими предпосылками развития артиллерии в Европе явились «не только химический момент (греческий огонь – порох), но и заимствованный из византийского морского огнемета конструктивный принцип». Древнейший тип казнозарядной пушки первоначально появился на флоте и представлял собой основную систему в морской артиллерии XIV–XVI вв. Казнозарядные пушки с вкладными каморами, от которых отказались

в сухопутной армии к концу XV – началу XVI вв., использовались на флоте до XVII в. в Западной Европе, а на Востоке и до XIX в.⁵⁷

Вероятно на рубеже 1936–1937 гг. В.В. Арендтом была подготовлена, но не опубликована статья «Конский доспех из собрания Оружейной палаты»⁵⁸. Статья посвящена парадному доспеху, изготовленному в 1545–1555 гг. знаменитым доспешным мастером Кунцем (Конрадом) Лохнером (1510–1567), принадлежавшим к плеяде выдающихся мастеров по металлу. Расцвет его деятельности в Нюрнберге начинается с 1540-х гг. С этого времени Лохнер выполнял заказы европейских государей и крупных владетельных князей. Среди его заказчиков были император Священной Римской империи германской нации Максимилиан II, испанский королевский дом, немецкие курфюрсты и польско-литовские магнаты. Иоганн Нейедорфер в своих записках (1545) назвал К. Лохнера «высокохвальным в его искусстве», а его гравюру по стали – совершенной и похожей на работу по серебру. Его клеймо – вздыбленный лев о двух хвостах на щите в форме тарча – было известно во всех концах Европы. В.В. Арендт не только подробно описал доспех, но и проследил его путь от мастера к последующим владельцам. Первоначальным заказчиком был курфюрст Альбрехт Бранденбургский (1490–1568). Следующим владельцем доспеха стал родственник маркграфа польский король Сигизмунд Август – страстный любитель и собиратель оружия. От него доспех попал к Стефану Баторию, женатому на сестре Сигизмунда Анне (она наследовала имущество бездетного брата). В 1581 г. польский король подарил этот доспех русскому царю Ивану IV Грозному. Арендт охарактеризовал доспех как «один из лучших и наиболее характерных для творчества прославленного нюрнбергского бронника»⁵⁹.

Статья В.В. Арендта имеет большое значение для изучения творчества знаменитого оружейника, тем более, что в собрании ВИМАИВиВС имеются конские доспехи, изготовленные Кунцем Лохнером в 1552 и 1556–1560 гг. для герцога Иоганна Вильгельма Саксен-Веймар-Кобургского и саксонского курфюрста Иоганна Фридриха II.

Однако В.В. Арендту недолго пришлось поработать в Артиллерийском историческом музее. Его коллега – М.Ф. Косинский – вспоминал: «Осенью 1937 г. в Артиллерийский музей прибыл из Москвы некий военный и, вызывая поочередно сотрудников музея, чинил им форменный допрос. В этот день я торопился в Эрмитаж и попросил принять меня вне очереди. В кабинете начальника музея, с глазу на глаз, он начал допрашивать меня, задавая вопросы, не имеющие никакого отношения ни к музейным делам, ни к моей работе. Прервав

его, я сказал, что совершенно излишне допрашивать меня наводящими вопросами. Я честно работаю, а что до моих «недостатков», то могу перечислить их сразу, в виде перечня. Он согласился, и я перечислил: баронский титул, ссылку, эмигрировавшего за границу брата. Тем не менее, следуя, видимо, данной ему инструкции, он вскользь спросил меня еще о планах моей научной работы, – и мы простились. Было совершенно ясно, что мне не дадут работать в военном учреждении (каким в известной степени мог считаться Артиллерийский музей) и в ближайшее время меня уволят. К этому времени самым влиятельным лицом в музее оказался язвительно-добродушный, цепко приглядывающийся ко всем рядовой солдат, назначенный заместителем начальника музея по политической части («замполитом»). Всеволод Викторович Арендт был арестован...»⁶⁰.

В ходе следствия по делу Арендта был допрошен всего лишь один свидетель – «научная сотрудница Эрмитажа, видный археолог М.». Она сообщила органам, что знает В.В. Арендта с 1928–1929 гг. и считает музейным работником «очень низкой квалификации». В разговорах он «клеветнически заявлял, что интеллигенция в СССР не имеет политических прав и устранена от участия в руководстве политической жизнью страны», говорил, что «вся страна терроризирована, никто не может сказать свободно о своих политических убеждениях... клеветал на действия органов НКВД, заявляя, что проводятся массовые репрессии, что сажают людей без основания». В 1962 г. при проверке дела В.В. Арендта ту же свидетельницу вновь попросили рассказать о репрессированном ученом, и она дала прямо противоположные показания. По ее словам, Всеволод Викторович был «увлечен своей специальностью... взаимоотношения с ним были хорошие... насколько помню, антисоветских и антипартийных взглядов я от него не слышала». Когда же М. напомнили о ее губительных для В.В. Арендта показаниях 1937 г. и дали их прочитать, она заявила, что первоначальные показания «не соответствуют действительности» и были даны «под принуждением»⁶¹.

14 декабря 1937 г. В.В. Арендт был расстрелян⁶². «Будто паровой каток катится по моему родному городу – то закроется книжный магазин, то исчезнут бесследно дорогие мне люди, то еще раз даст о себе знать запрет написать за границу, получить оттуда письмо, прочитать статью в иностранном журнале по своей специальности...»⁶³, – писал современник и коллега В.В. Арендта об этих страшных годах.

По сфабрикованному в 1935–1936 гг. делу так называемой «Российской националистической партии» («Дело славистов») были арестованы заведующий Отделением оружия Государственного Эрмитажа профессор Александр

Александрович Автономов и его помощник Эмилий Оскарович Линдровс (Линдровс, Линдроз, Линдровз, Линдрозе). Их обвинили в снабжении оружием украинских националистов. Поводом для этого послужила следующая история. В Эрмитаж поступил запрос из Харьковского государственного музея (Харьков в это время был столицей Украинской ССР) с просьбой передать на постоянное хранение несколько предметов старинного вооружения. После соблюдения всех официальных формальностей и получения разрешения из Комитета по делам искусств, в Харьков были отправлены несколько двуручных мечей XVI в. и другого старинного оружия. Вероятно эти древности, по убеждению бдительных сотрудников НКВД, и планировали использовать украинские националисты в борьбе с Советской властью⁶⁴.

Именно с этим делом, вероятно, связано значительное пополнение собрания западноевропейского и восточного оружия АИМ. В 1936–1937 гг. жительницы Ленинграда гражданка Автономова и Александра Васильевна Линдровс – родственницы арестованных – продают Артиллерийскому историческому музею несколькими партиями значительное количество единиц оружия, доспехов, военного снаряжения и пр. Некоторые из них представляют собой уникальные экземпляры.

В августе 1936 г. гражданка А.В. Линдровс продала музею шлем нюрнбергской работы, а в августе и сентябре того же года у нее же были приобретены несколько роскошных пороховниц с художественной резьбой по кости и гравировкой по металлу и четыре итальянских стилета XVII в.⁶⁵ 15 октября 1937 г. А.В. Линдровс продала музею немецкий полудоспех XVII в., состоящий из кирасы с набедренниками, спины, ожерелья, оплечья и шлема, два оплечья с латунной отделкой от немецкого доспеха, наколенники от доспеха (с позолоченными клеймами), наручи, ожерелье и оплечья от швейцарского доспеха XVII в. и испанский стилет XVII в.⁶⁶

В ноябре 1937 г. А.В. Линдровс предложила музею очередную «партию» оружия, состоящую из 51 предмета, которые были приобретены. Таким образом в музей попали швейцарский шлем XVI в., швейцарский шлем типа «морион» XVII в., три немецкие пороховницы XVI в. художественной работы, немецкие ножи XV в. с изображением библейских сцен⁶⁷. 26 декабря 1937 г. музей купил у нее рукавицы от рыцарского доспеха «максимилиановского» типа XVI в. В декабре 1937 г. Линдровс продала музею перчатки («отличной сохранности») от рыцарского доспеха XVI в.⁶⁸

В марте 1938 г. музей счел нужным приобрести у нее же декоративный рыцарский доспех,

изготовленный в XIX в., на деревянном постаменте. В заключении закупочной комиссии указывалось: «Приобрести желательнo. Такогo доспеха нет в Артмузее. Пригоден как декоративный, так и для проката»⁶⁹.

По сравнению с ней гражданка Автономова выглядит аутсайдером. Из средневекового западноевропейского оружия ей удалось продать в АИМ лишь гравированную различными изображениями пороховницу с автоматической меркой, кремневый пистолет и мавританский замок. Все предметы относятся к XVII в. В апреле 1941 г. музей приобрел у Автономовой полный рыцарский доспех XVI в., покрытый художественной гравировкой и позолотой.

Поражает разнообразие и богатство предметов, приобретенных АИМ у А.В. Линдровс и Автономовой. Впечатляют и денежные суммы, выплаченные за них музеем. Невольно создается впечатление, что упомянутые гражданки хранили в своих ленинградских квартирах немалые арсеналы холодного и стрелкового оружия, а ведь они продавали музею в большом количестве не только западноевропейское, но и восточное, а также русское оружие различного времени. Напомним, что в это время в СССР идут массовые репрессии. Один лишь факт хранения оружия, пусть и антикварного, мог привести человека к аресту и даже гибели. Средневековый меч и колесцовый пистолет в глазах сотрудников НКВД мог легко превратиться в оружие террора против советских вождей.

Нельзя замалчивать и то, что в 1918–1930-х гг. подвалы Эрмитажа «грабителями с официальными мандатами» были превращены в один большой склад, куда свозились конфискован-

ные частные коллекции произведений искусства, старинного оружия и др. В течение ряда лет все эти огромные ценности оставались неучтенными...⁷⁰ А ведь именно в Эрмитаже работали арестованные А.А. Автономов и Э.О. Линдровс.

Следует отметить, что АИМ и в 1930-е гг. не только пополнял свое собрание, но и отдавал экспонаты в другие музеи. Так, в январе 1934 г. Антирелигиозному музею г. Ленинграда (ныне Государственный музей истории религии) было передано шестьдесят музейных предметов с религиозными надписями и рисунками. В их числе оказались немецкие металлические щиты с изображениями святых и девизами, наручи с кольчужной сеткой, конский намордник с надписью⁷¹. Как предполагал Н.Е. Бранденбург, этот намордник был частью конского доспеха, принадлежавшего одному из тевтонских рыцарей.

В июне 1937 г. в Одесский государственный историко-археологический музей для пополнения экспозиции отправили колесцовый пистолет, алебарду, боевую шведскую косу, клевец и пернач⁷².

За два с лишним века Цейхгауз, Достопамятный зал, Артиллерийский музей, Артиллерийский исторический музей сформировали уникальное собрание западноевропейского оружия и доспехов. С конца XIX в. началась его научная обработка и систематическое изучение. Одновременно шло активное пополнение фондов музея. Великая Отечественная война прервала этот созидательный процесс.

¹ См. подробнее: Портрет петровского времени. Каталог выставки. Л., 1973.

² Алексеева М.А. Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С. 164–165.

³ Описание порядка держанного при погребении блаженная, высокосланыя и вечнодостоинейшая памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского и блаженная памяти Ея императорского высочества, государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб., 1725. С. 19, 28.

⁴ Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года. СПб., 2006. С. 83.

⁵ Там же.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 2. № 354. Л. 45; Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов. С.94.

⁷ АВИМАИВиВС. Ф.2 (1732 г.) Опись ГП. № 174. Л. 12.

⁸ Там же. Ф.2 (1733 г.) Опись ГП. № 188. Л. 133

⁹ Там же. Л. 145.

¹⁰ Там же. Л. 158–158 об.

¹¹ Там же. Л. 355.

¹² Там же. Л. 255.

¹³ Талызин И.Д. Указ. соч. С. 83–84.

¹⁴ Из этих трофеев в Достопамятном зала была сформиро-

вана специальная «Комната Королевства Прусского» (Талызин И.Д. Указ. соч.С. 65–71).

¹⁵ Талызин И.Д. Указ. соч. С. 83.

¹⁶ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. СПб., 1889. Ч. III. С. 281–285.

¹⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. № 4. Опись Артиллерийского музея. Часть II. Книга «А-Н». 1882 г. Л. 3 об. – 4, 294 об – 295, 297 об. – 298.

¹⁸ Талызин И.Д. Указ. соч. С. 82.

¹⁹ В конце XIX в. в Артиллерийском музее хранился еще один кесельфлинт из Ревельского цейхгауза, также богато украшенный литыми изображениями тритона, оленей, птиц, святого с агнцем в руках и гербами. Современное его местонахождение неизвестно (Бранденбург Н.Е. Указ. соч. Ч. III. С. 67–68; Антинг Л. Таллинские оружейники и огнестрельное оружие XIV–XVI веков. Таллин, 1967. С. 46–47).

²⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. № 5. Опись Артиллерийского музея. Часть II. Книга «П-Я». 1882 г. Л. 182 об. – 183.

²¹ Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. СПб., 1912. С. 88.

²² Талызин И.Д. Указ. соч.С. 83.

²³ Этот щит Н.Е. Бранденбург ошибочно относил к XIV в.

- (АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. № 5. Опись Артиллерийского музея. Часть II. Книга «П-Я». 1882 г. Л. 314 об. – 315).
- ²⁴ Там же. № 4. Опись Артиллерийского музея. Часть II. Книга «А-Н». 1882 г. Л. 2 об. – 3.
- ²⁵ Там же. Л. 318.
- ²⁶ Бранденбург Н.Е. Указ. соч. Ч. III. С. 172, 175, 189, 215–216.
- ²⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. № 4. Опись Артиллерийского музея. Часть II. Книга «А-Н». Л. 303 об. – 304; Бранденбург Н.Е. Указ. соч. Ч. III. С. 212–213.
- ²⁸ Бранденбург Н.Е. Указ. соч. Ч. III. С. 172, 175, 189, 215–216.
- ²⁹ Струков Д.П. Указ. соч. С. 81.
- ³⁰ Анисимова М. Арсенал чайного короля. Коллекция оружия С.В. Перлова в Артиллерийском музее // Калашников. Оружие, боеприпасы, снаряжение. 2007. № 5. С. 58–64.
- ³¹ АИМАИВиВС. Ф. АИМ. № 68. Л. 57. «Латы немецкие рыцарские из полированного железа, без гравировки, в нескольких местах украшены медными звездочками, экземпляр сборный и неполный» (АВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. № 4. Опись Артиллерийского исторического музея. Часть II. Книга I «А-Н». 1882 г. Л. 307 об. – 308, 308 об. – 309) и «латы немецкие рыцарские полированные, украшенные набором из шляпок и следами на последних позолоты, экземпляр сборный» (Там же. Л. 309).
- ³² АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 21. Л. 1–3.
- ³³ Там же. № 11. Л. 32.
- ³⁴ Там же. Л. 75.
- ³⁵ Там же. Л. 101–102 об.
- ³⁶ Там же. Л. 244.
- ³⁷ Там же. Л. 276–278.
- ³⁸ Там же. № 14. Л. 4.
- ³⁹ Кеммерер Е.А. Вооружение, приписываемое Лжедмитрию I, хранящееся в Царскосельском Его Величества арсенале // Русская старина. 1872. Т. 5. № 2. С. 330–334; Ленц Э. Императорский Эрмитаж. Указатель Отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Ч. 1 (Собрание оружия). СПб., 1908. С. 283.
- ⁴⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 14. Л. 45–55 об.
- ⁴¹ Там же. № 17. Л. 4–4 об.
- ⁴² Там же. Л. 9.
- ⁴³ Там же. Л. 15.
- ⁴⁴ Там же. Л. 22.
- ⁴⁵ Там же. Л. 13.
- ⁴⁶ Там же. Л. 10.
- ⁴⁷ См. подробнее: Мурашова Н.В., Мыслина Л.П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Лужский район. СПб., 2001.
- ⁴⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 17. Л. 20.
- ⁴⁹ Там же. № 33. Л. 49 об., 50, 50 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 162.
- ⁵¹ Там же. Л. 83 об.
- ⁵² Кулинский А.Н. Частные собрания и коллекционеры оружия в дореволюционной России // Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М., 2004. С. 88.
- ⁵³ АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 300. Л. 37 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 65.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 13. Ед. хр. 32 (Личное дело В.В. Арендта); Кирпичников А. Н. В.В. Арендт – историк оружия и военного дела // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 145–149. Он же. Допрос с пристрастием: судьба историка оружия Всеволода Арендта // Сисситии: Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 399–404.
- ⁵⁶ Косинский М.Ф. Первая половина века: Воспоминания. Paris: YMCA-PRESS. 1995. С. 198–199.
- ⁵⁷ Арендт В.В. К истории средневековой артиллерии (Генезис развития конструкции казнозарядных пушек XIV века) // Архив истории науки и техники. Вып. 7. М.; Л., 1935. С. 322.
- ⁵⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 2. № 234. Л. 1–17.
- ⁵⁹ Там же. Л. 9 об. – 10.
- ⁶⁰ Косинский М.Ф. Указ. соч. С. 211.
- ⁶¹ Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 44.
- ⁶² По протесту прокурора г. Ленинграда Президиум Ленгорсуда 25 декабря 1962 г. посмертно реабилитировал В.В. Арендта (Кирпичников А.Н. Указ. соч. С. 45.).
- ⁶³ Косинский М.Ф. Указ. соч. С. 213.
- ⁶⁴ Там же. С. 208–209.
- ⁶⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 300. Л. 56 об. – 57.
- ⁶⁶ Там же. Л. 65 – 65 об.
- ⁶⁷ Там же. Л. 71–73 об.
- ⁶⁸ Там же. Л. 75.
- ⁶⁹ Там же. № 33. Л. 83 об.
- ⁷⁰ См. подробнее: Петров Г.Ф. Миг вечности. Музеи Санкт-Петербурга в потоке времени. СПб., 2005. С. 260–322.
- ⁷¹ АВИМАИВиВС. Ф. 3 р. Оп. 9. № 14. Л. 71.
- ⁷² Там же. № 300. Л. 41.

«Альбом» Львовского Ставропигийского братства: проблема атрибуции

В о Львовском историческом музее хранится уникальный памятник, который известен в литературе как «Альбом» Львовского Успенского Ставропигийского братства. Львовское братство являлось одной из наиболее значимых и знаковых корпораций средневекового типа, функционировавшей в течение длительного времени и пронесшей элементы средневекового корпоративного устройства практически через весь период Новой истории. Львовское братство было наиболее крупным и влиятельным среди братств Украины. Организационное оформление организации относится к 1586 г., когда Антиохийский патриарх Иоаким утвердил устав братства. Преобразованная в 1788 г. в Ставропигийский институт, корпорация существовала вплоть до Второй мировой войны. До наших дней сохранился огромный архив Ставропигии. Это единственный в своем роде архив общественной организации «родом из средневековья», сохранившийся не фрагментарно, а в комплексе, и единственный известный архив общественной организации, функционировавшей более 350 лет.

Основная часть архива Львовского братства хранится сейчас в Центральном государственном историческом архиве Украины во Львове в составе фонда «Ставропигийский институт», который содержит около 1700 единиц хранения¹. Некоторые документы братства в XIX в. попали в разные коллекции Киева, Петербурга, Москвы; часть документов перешла во львовские библиотеки Оссолинских и Баворовских². В собрании рукописей Львовского исторического музея хранится сегодня и «Альбом» (*Album czyli księga wpisujących się prsyiętych do Instytutu Stauropigialnego człaków*).

Как уникальный в своем роде памятник он неоднократно использовался историками Львовского братства, многие документы, содержащиеся на его страницах, были опубликованы. Однако «Альбом» как источник, позволяющий увидеть место и значимость своей организации самими членами братства, до сих пор не исследовался. В настоящей работе предпринимается попытка решения проблемы атрибуции «Альбома».

До сих пор в литературе не рассматривался вопрос о времени создания памятника. Ключом к ответу на этот вопрос является изучение титульных листов кодекса, которых имеется несколько и все они были созданы в разное время, а также палеографическое изучение самого манускрипта. Для понимания значимости этого памятника как части документального наследия Львовского братства, особенностей его состава и оформления, необходимо выяснение специфики формирования архива этой организации. Данный архив можно рассматривать как уникальный культурный феномен, представляющий большой интерес для современной гуманитарной науки. Львовское братство являлось с одной стороны фондообразователем отложившихся в его архиве источников, а с другой – собирателем обширного комплекса документов различных государственных, церковных, общественных институтов и частных лиц, с которыми братство поддерживало отношения и которые сочло необходимым сохранить (иногда по просьбе самих владельцев собраний документов). С конца XVI в. в архиве откладывались различные группы документов: входящая документация, включающая письма, грамоты, привилеи, выписки из актовых книг и др.; черновики и копии исходящей документации; протоколы заседаний братства; документы о его финансово-хозяйственной и экономической деятельности. С самого начала своего существования братство заботилось о сохранении своего архива. Его руководители осознали важность сохранения всех документов, связанных с деятельностью организации, главным образом для использования их при достижении поставленных перед собой целей и задач. Благодаря этому до наших дней архив, содержащий документы с начала XVI в., дошел практически в полном объеме.

Архив можно условно разделить на три группы документов, к которым у членов братства было различное отношение. Самым ценным считались привилеи («мунименты») и другие грамоты восточных патриархов, киевских митрополитов, польских королей, львовских епископов, подтверждающие юридический статус братства и сфер его де-

тельности. Это своего рода фонд «особо ценных документов», к которым было особое отношение, об их сохранности заботились более всего. Эти документы хранились сначала в специальной «торбе для привилеев»³, а позже в отдельном сундуке, который находился в церковной сокровищнице («скрынка кгданская з привелекгеями»⁴).

Ко второй условной группе документов можно отнести все документы, отражавшие текущую деятельность: это переписка с разными лицами и учреждениями, судебные материалы и т.п., которые после своего исполнения попадали в архив, после чего могли использоваться при составлении новых документов братства в качестве подтверждения прежних сношений братства с этими учреждениями или частными лицами.

К третьей группе документов, формировавших архив братства, относятся документы, отображающие внутреннюю жизнь братства как организации. Это протоколы заседаний, различные счета, реестры, которые имели значение для членов братства главным образом до того момента, когда были осуществлены расчеты со всеми заинтересованными лицами и принят отчет братства. Члены братства считали, что документы такого рода (приходно-расходные книги, закладные расписки и др.), которые уже утратили свое практическое значение, не представляют никакого интереса для организации. Многие не сохранились или сохранились фрагментарно. Например, всего по одному листу осталось от книги записей пожертвований братству, начатой в 1592 г., реестра расходов на ремонт церкви Онуфриевского монастыря, поврежденной пожаром, который велся в 1611 г. и др.⁵, на полях некоторых сохранившихся реестров стоят пометы: «**Не потрібний юж той реєстр**»⁶. Интересно, что такое же отношение к этим документам бытовало практически до XX в. и в сознании членов Ставропигийского Института, архивариусы которого при систематизации архива делали пометы на финансовых документах: «Без исторической вартости»⁷, то есть не имеющие исторического значения.

Архив братства хранился в специально отведенном для него помещении, в железном сундуке и шкафу. Ключ от архива находился у ключника братства⁸. Привилеи, письма и другие важные, но небольшие по размерам документы хранились в сложенном виде с указанием *in dorso* содержания в форме заголовка или аннотации. Например, «Протестация кушнирская, що их выгнано з цеху»⁹, «Святейшаго патриархе Иеремея Константинопольского потвержена на школу и друкарню», «Патриарха Иеремеин на милостыню лист»¹⁰. Но такие подробные заголовки были составлены не ко всем документам, а только к наиболее значи-

мым, с точки зрения братства. Многие документы сопровождались краткими заголовками, по которым члены организации могли понять, о каких событиях идет речь: «о вязне Красовском», «Владыка позывал до уряду на Ратуш Красовского»¹¹.

К документам, написанным на других языках (кроме латинского, языка делопроизводства в Речи Посполитой и языка делопроизводства всех религиозных учреждений, находившихся под юрисдикцией папы римского), составлялся более подробный регест-резюме: «*Litterae dogmaticae Jeremiae*. Декрет вселенского патриарха о грамотице и о казнодействе и о священнице братском. Дабы под благословением митрополит всегда во Львов литоргисовал в церкви их»¹². Делался перевод на украинский язык всех грамот и привилеев, написанных по-гречески. Грамоты, присланные от восточных православных патриархов, которым непосредственно подчинялось братство, пользуясь правом Ставропигии, считались очень важными, и их содержание должно было быть доступно и понятно каждому члену братства. С наиболее важных и ценных документов делались копии. Копия это или перевод, отмечалось на оборотной стороне документа *in folio*: «по елинску и по словенску переложено из арабского привилея святейшаго Иоакима, патриарха великия Антиохия»¹³, «Копея листу патриаршого до митрополита, який мають быти епископи, слово в слово з кгрецкого на словенское переложено в школе львовской»¹⁴.

Однако копировать и переводить важнейшие документы братства, подтверждающие юридические основания его деятельности, для членов новооснованного братства было недостаточно. Видимо тогда и появилась идея создания специальной книги, в которую бы заносили тексты главнейших документов. В.Р. Ваврик датировал «Альбом» 1588 годом¹⁵. На протяжении всей истории организации в кодекс вносились те или иные документы, делались записи. Последняя датированная запись в книге относится к 5 июля 1939 г. (запись в члены Ставропигийского института Степана Кийко, преподавателя гимназии в Каменке¹⁶). Книга, в которую вносились записи на протяжении почти 350 лет, нуждается в тщательном палеографическом анализе для выяснения вопроса о времени ее создания. А это в свою очередь необходимо для понимания того, как памятник был создан, является ли кодекс конволютом, собравшим под одним переплетом тексты, написанные в разное время, или является воплощением на протяжении нескольких веков первоначального замысла создания книги – сборника важнейших документов.

В первую очередь следует остановиться на названии памятника, под которым он вошел в историографию. Титульный лист книги пред-

ставляет вклеюку листа, сделанную, видимо, специально для этой книги. Титульный лист оформлен оттиском ксилографической рамки титульного листа Служебника, изданного в типографии Львовского братства в 1691 г.¹⁷, в которую каллиграфическим почерком вписано «Album czyli Księga wpisujących się do Instytutu Stauropigialnego członków» («Альбом или книга вписывающихся членов Ставропигийского Института»). Доска гравюры была выполнена одним из талантливейших гравёров, сотрудничавших с братством – Никодимом Зубрицким (на гравюре имеются его инициалы «NZ»). Но это не случайный оттиск, взятый для оформления титульного листа рукописной книги, что довольно типично для XVII в. На его обороте тоже имеются оттиски, причем выполненные для книг, издававшихся в типографии братства ранее 1691 г. Это изображение Успения Богородицы, обрамленное барочной композицией с восемью медальонами. Эта доска была вырезана Евстафием Завадовским в 1681 г., о чем свидетельствует подпись внизу центрального медальона: «E Z 1681». Выполнена она была для Требника (Евхологиона), вышедшего из типографии 24 мая 1682 г.¹⁸ Гравюра помещалась на оборотной стороне титульного листа, как и в рассматриваемом памятнике. Эта же доска использовалась для оформления оборотной стороны титула Октоиха, изданного в 1686 г. Под гравюрой Успения Богородицы в этом издании помещены стихи:

О Льва граде, твоя ты слава именует,
И в храме сем Лев чулый покой отр[ымует],
Слынешь благочестием,

Крестом огражденны[й],
Прійми от Христа-Бога венець
сей спас[енный],

Матер его, Марію, Деву Пречестную,
В пенях святых чтуще благослове[нную]¹⁹.

Эта же доска использовалась в Служебнике 1691 г. на обороте титульного листа, а также в Анфологионе (1694), Требнике (1695).

Под гравюрой Успения Богородицы в «Альбоме» помещена гравюра герба (типографской марки) Львовского братства, впервые воспроизведенная в книге Иоанна Златоуста «О воспитании чад», изданной в типографии Львовского братства в 1609 г.²⁰ Под гравюрой помещались стихи, интерпретирующие геральдическую символику:

Як лев срогкий над всеми зверяти панует,
Так Львов над все места
в князтве Руськом продкует,

В котром то ся братство
милости закресльнуло

И на герб свой вежу тую так выстрыхнуло²¹.

Эта же гравюра воспроизводилась в последующих изданиях Львовского братства. В кни-

ге Иоанна Златоуста «О священстве» (1614) помещены были другие геральдические стихи:

В котром братство,
от патриархов есть надано

И от кролев вечно упривилиевано
Которое вежу, Герб свой выстрихненный мает
И о добром цевеви, пилне промышленевает²².

Она же воспроизводится в Анфологионе (1638, 1643), Октоихе (1639, 1644, 1700). В двух изданиях Октоиха под гравюрой помещены стихи:

От Льва Граде, Твоя ты именует слава,
И в храмі сем Льва бодр: первенствует Глава,
От храма си, и Братства,

Крестом огражденна,
Прійми сия красныя песни, zde почтенна,
Матерь Богу, и Господь оградят ты славно,
Молися токмо Богу, сам узриши явно²³.

От Льва Граде, Твоя ты слава именует,
И в храме сем Лев чулый покой отримует.
Слынешь благочестием

Крестом огражденный,
Прійми от Христа Бога,
венець сей спасенный.

Матерь его МАРИЮ Деву Пречистую,
В песнях святых чтуще благословенную²⁴.

Помещение на оборотной стороне титульного листа «Альбома» столь значимых для братства символов (Успения Богородицы и герба) должно было подчеркнуть и определенное понимание этой символики, которое отражено в поэтических текстах, создававшихся в разное время как толкование символики братства.

Таким образом, можно сделать вывод, что имеющийся сегодня гравированный титульный лист «Альбома» появился в книге не ранее конца XVII в., а точнее 1691 г., когда была сделана рамка, украсившая титул. Однако более вероятным представляется его появление после преобразования братства в Ставропигийский институт в 1788 г. Вероятно, членам Ставропигийского института было важно подчеркнуть официальное название своей организации (указом австрийского императора все братства как общественные организации подлежали ликвидации), закрепив это в барочной рамке религиозного содержания. Но с другой стороны не менее важным было подтвердить преемственность истории, традиций, сфер деятельности организации, помещая на оборотной стороне титульного листа символику братства. Именно поэтому название манускрипта не отражает первоначального замысла создателя памятника.

Однако авторы нового заголовка конца XVIII в. были не совсем далеки от текста памятника. Несмотря на то, что заголовок «Album czyli Księga wpisujących się do Instytutu Stauropigialnego członków» отражает лишь

часть содержания рукописи – реестр членов братства, начиная с его основателей (фундаторов) до последних, «вписавшихся» в Ставропигийский институт в 30-х гг. XX в. – он весьма лаконично воспроизводит текст первого листа манускрипта. Именно с реестра основателей братства начинается эта книга: «То есть реестр особ ведлуг давности мешканя обывательства здешнего фундаторов»²⁵. Предваряет «реестр» пространное заглавие, которое можно рассматривать как название самой книги, поскольку «реестр... фундаторов» имеет собственный заголовок: «Со богом початый и совершенный се фундуш братский, господином Иоакимим патриархом Антиохийским составлен и от столицы Константина града во Львов посланный, и иным местам благочестивым людем пилне старанием зачато и совершился в лета жития фундаторов братства и обывателей Львова ктирорей храма Успения Пречистыея Божиеи Матере, их же имена честныи сии суть». На основании этого заголовка, написанного скорописью первой половины XVII в., можно предложить более точное название памятника – «Фундуш братства»²⁶.

На некорректность названия памятника, утвердившегося в литературе на основании титульного листа, обратил внимание Б.Л. Фонкич, который предложил называть памятник «Кодекс» Львовского Успенского братства, так как «в него с самого начала существования этого объединения львовских горожан стали заноситься тексты всех имеющих значение для жизни братства документов»²⁷. Данное самими братчиками заглавие «Со богом початый и совершенный се фундуш братский» более точно отражает первоначальный замысел создания особой, имеющей важное, в том числе и правовое значение, книги.

Однако сам заголовок вызывает определенные вопросы. Почему в нем говорится, что «фундуш братский» составлен Антиохийским патриархом Иоакимом, и почему он послан из Константинополя во Львов? Представляется возможным ответить на эти вопросы следующим образом. Так как Антиохийский патриарх Иоаким подтвердил во время своего пребывания во Львове в 1586 г. устав Львовского братства, который стал официальным юридическим документом, регламентирующим деятельность организации, то братчики могли считать его «составителем» книги, куда был внесен текст и этой грамоты, и других последующих важнейших документов. А привезенным из Константинополя манускрипт называется потому, что именно в этом городе находилась патриархия, которой подчинялась Киевская митрополия. С 1592 г. братство стало пользоваться ставропигиальным правом, данным Константинопольским патриархом Иеремией Онуфриевскому монастырю, по отношению к

которому оно выступало патроном, поэтому и стало обладать этим статусом (прямого подчинения патриарху). Но все же такое объяснение не вполне убедительно. Оказывается, что этот заголовок также не является первоначальным. Он представляет собой более позднюю редакцию заголовка, написанного в книге после нескольких текстов, его предваряющих, но созданных гораздо позже. Так, на странице III полууставом середины – второй половины XVII в. написан текст присяги «Сии сут обеты и вступовне до братства», далее полууставом XVIII в. – «Образ присяги»²⁸. На странице 3 читаем: «Со богом початый се фундуш братский, zde бытием господина Иоакима святейшаго патриарха великия Антиохия, Иеремием же святейшим господином вселенским патриархом ис столицы Константина града привилеем его року 88 потвержденый, по сем же и сам бытностью своею в земли нашей вторым привилием своим року 89 укрепивши совершил прилежным старанем фундаторов братства сего жителей места Львова, ктирорей храма Успения Пречистыея Божиа Матере, в лета жития их»²⁹. Заголовок написан скорописью конца XVI в. В сравнении с текстом заголовка на странице II, он написан более архаичным языком. Кроме того, он более точен по отношению к реалиям истории Львовского братства второй половины 1580-х гг. Здесь совершенно корректно говорится о Антиохийском патриархе Иоакиме, который «основал» братство во время пребывания во Львове. Здесь говорится о двух грамотах Константинопольского патриарха Иеремии 1599 и 1589 гг. Однако первая, подтверждающая грамоту Антиохийского патриарха Иоакима на основании братства при Успенской церкви, датирована 2 декабря 1587 г.³⁰ Она была послана из Константинополя. Вторая грамота Константинопольского патриарха Иеремии была дана Онуфриевскому монастырю об освобождении его от подчинения епископу и митрополиту и наделяла его правом патриаршей ставропигии, она датирована 13 ноября 1589 г.³¹ Грамота была выдана во время пребывания патриарха во Львове. В этом заголовке говорится о трех грамотах, ставших основными документами, устанавливающими правовой статус организации, что вполне соответствует действительности, и не говорится ни об одном из патриархов как о «составителе» данной книги и тем более о том, что она была привезена во Львов из Константинополя. Напротив, из заголовка явствует, что составляется рукопись именно во Львове.

Под заголовком помещается список из 14 имен фундаторов, который скрепляется печатью братства, придавая ему юридический статус. Список членов братства продолжается на последующих страницах. Это «Реестр строе-

ния братского написанных имен фундаторов братства жителей места Львова ктирореи храма Успения Пречистыя Божия Матере, о Христе и посполитого братства», датированный 1589 г. Этот реестр содержит 12 имен основателей братства и по отношению к предыдущему является более ранним, так как скрепленный печатью список братчиков содержит два имени, вписанных другими чернилами, т.е. добавленных в список позже. Однако все редакции основателей братства не являются достоверными, т.е. не содержат список 1586 г., а отражают более позднюю его редакцию³². Списки членов братства содержатся на последующих страницах кодекса («Сия же имена починаются написанных братий року от рожества Христова 1590»³³), в том числе здесь помещен список основателей Рогатинского Рождественского братства («Се же написане имен фундаторов братства жителей места Рогатинского ктирореи храма Рождества Пречитыя Божия матерее»³⁴).

Таким образом, в «Альбоме» имеется три редакции списка основателей братства, самый ранний из которых был создан в 1589 г. Исходя из этого можно предположить, что и сама книга была заведена в 1589 г. Возможно, она создавалась для того, чтобы внести в нее имена основателей братства и грамоты патриархов Иоакима 1586 г. и Иеремии 1587 г. и показать патриарху во время его пребывания во Львове. Или же она была создана сразу после его визита – в конце 1589 г. или в 1590 г., к которому относится список действительных членов братства.

Но остается открытым вопрос о второй редакции заголовка книги. Если первоначальный текст вполне точно указывал на факты получения грамот восточных патриархов и обстоятельств, при которых они были получены (за исключением одной ошибки в датировке грамоты), то следует предположить, что и второй заголовок должен содержать вполне достоверные исторические сведения.

Ответить на этот вопрос позволяет палеографический анализ рукописи, проведенный Б.Л. Фонкичем³⁵. Внимательно изучив содержание кодекса, он отмечает, что значительную его часть составляют копии греческих грамот, начиная с грамоты Антиохийского патриарха Иоакима. Кодекс содержит копии 12 грамот 1587–1591 гг. Константинопольского патриарха Иеремии, копию грамоты 1595 г. из Ясс просинкела Никифора, а также несколько небольших греческих текстов, имеющих отношение к первоначальному составу и деятельности братства. Грамоты вписывались так, что одну страницу разворота рукописи занимает греческий текст, а другую – его славянский перевод.

Изучив графику греческих текстов, Б.Л. Фонкич пришел к выводу, что все греческие тексты

были написаны двумя писцами. Их почерк исключительно близок к почерку Арсения Елассонского³⁶, который прибыл во Львов в числе сопровождающих Антиохийского патриарха Иоакима в 1586 г. и остался во Львове в качестве ректора новооснованной братской школы. Именно Арсений заложил основы преподавания греческого языка в этом учебном заведении, и его ученикам доверяли переводить греческие грамоты на славянский язык. То, что именно ученики братской школы вписывали в «Альбом» параллельные тексты основных грамот, вполне логично. Однако, как установил Б.Л. Фонкич, в книге имеется три подлинных грамоты Константинопольских патриархов Кирилла Лукариса 1638 г. и Парфения I 1640 и 1642 гг. Причем это не вставленные в книгу листы, а написанные на бумаге кодекса. Бумага в рукописи – одного сорта, за исключением нескольких более поздних вставок, в том числе на целлюлозной бумаге. По единственной филиграну можно отнести создание манускрипта к рубежу 80–90-х гг. XVI в. Сохранился переплет, выполненный, видимо, тогда же, когда и была заведена эта книга. Это доски, обтянутые коричневой кожей с тиснением, с застежками. Книгу с момента ее создания в 1589/1590 г. не расшивали, повторно не переплетали, однако в нее были вписаны подлинные грамоты, подписанные патриархами. На основании содержания грамоты Кирилла Лукариса и некоторых других документов из архива Львовского братства Б.Л. Фонкич делает вывод о том, что кодекс в 1638–1642 гг. трижды возили в Константинополь, где грамоты с подтверждением прав и привилегий братства вписывались непосредственно в книгу³⁷.

Это обстоятельство объясняет текст заголовка, в котором сказано, что «фундуш братский» «составлен» Антиохийским патриархом Иоакимом. В этой фразе произошло смешение первоначального текста об основании братства патриархом во время его пребывания во Львове и о «составлении», т.е. вписывании в книгу подлинных грамот восточными патриархами. Достоверным также следует считать и сведения о том, что манускрипт «от столицы Константины града во Львов посланный». Можно сделать вывод о том, что этот заголовок был составлен не ранее 1642 г. – в середине XVII в.

В результате проведенного исследования рукописи, хранящейся в Львовском историческом музее и вошедшей в историографию под названием «Альбом» Львовского Успенского братства, можно сделать вывод о том, что она была создана в 1589–1590 гг. Таким образом, хронологические рамки памятника можно обозначить как 1589/1590 – 5 июля 1939 г. Первоначально книга начиналась с реестра основателей братства, но практически с момента своего создания она должна была включать

копии основных грамот православных иерархов, подтверждающих юридический статус организации и утверждающих основные сферы ее деятельности. Однако со временем, в результате изменения обстоятельств сношения братства с восточными патриархами, изменением исторических условий, политических обстоятельств, менялся текст заголовка книги, который помещался впереди предыдущего. Таким образом, появился заголовок, состав-

ленный не ранее 1642 г. – в середине XVII в., а еще позже – заголовок, давший название памятника, закрепившееся в литературе, составленный в конце XVIII в. Дальнейшее изучение кодекса, безусловно, позволит ответить на многие вопросы, касающиеся деятельности Львовского братства, истории взаимоотношений между различными институциями на Христианском Востоке в конце XVI – первой половине XX вв.

¹ Центральный государственный исторический архив Украины () во Львове (Далее ЦГИА Украины во Львове). Ф. 129 «Ставропигийский Институт». Оп. 1.

² Львовская научная библиотека им. В. Стефаника Национальной академии наук Украины. Отдел рукописей. Ф.5 (Осололинских); Ф. Баворовских. Ед. хр. 1136 «Теки Зубрицкого».

³ Ісаєвич Я.Д. Архів Львівського братства // Архіви України. 1968. № 1. С. 89.

⁴ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1069. Л. 24 об.

⁵ Там же. Д. 1038.

⁶ Там же. Д. 1037. Л. 34–35.

⁷ Там же. Д. 1080.

⁸ Там же. Д. 1169. Л. 1 об.

⁹ Ісаєвич Я.Д. Архів Львівського братства. С. 89.

¹⁰ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 90, 120.

¹¹ Там же. Д. 74, 100.

¹² Там же. Д. 167.

¹³ Там же. Д. 73.

¹⁴ Там же. Д. 172.

¹⁵ Ваврик В.Р. Члены Ставропигиона за 350 лет (1586–1936) // Юбилейный сборник в память 350-летия Львовского Ставропигиона. Ч. 2 // Временник: Научно-литературные записки Львовского Ставропигиона на 1936 и 1937 годы. Львов, 1937. С. 63.

¹⁶ ЛИМ. Отдел фондов (собрание рукописей). Инв. № 135: «Альбом Ставропигийского братства». С. 334.

¹⁷ Ісаєвич Я.Д. Запаско Я.П. Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог. Львів, 1981. Кн. 1. № 668. (Титульный лист воспроизведен на с. 104).

¹⁸ Гравюра опубл.: Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина. Вып. II. Ч. 2.: Львовские, новгород-северские, черниговские, уневские издания 2-й половины XVII в. / Сост. А.А. Гусева, И.М. Полонская. М., 1990. № 1978. С. 144.

¹⁹ Октоих. Львов: Тип. братства, 1686. Тит. л. об.

²⁰ Гравюра опубл.: Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв.: Каталог изданий, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина. Вып. II. Ч. 1.: Киевские издания 2-й половины XVII в. / Сост. А.А. Гусева, Т.Н. Каменева, И.М. Полонская. М., 1981.

№ 755. С. 391.

²¹ Златоуст Иоанн. О воспитании чад. Львов: Тип. братства, 1609. Тит. л. об.

²² Златоуст Иоанн. Книга о священстве. Львов: Тип. братства, 1614. Тит. л. об.

²³ Октоих. Львов: Тип. братства, 1639. Тит. л. об.

²⁴ Октоих. Львов: Тип. братства, 1700. Тит. л. об.

²⁵ ЛИМ. Отдел фондов (собрание рукописей). Инв. № 135. С. II.

²⁶ Там же.

²⁷ Фонкич Б.Л. «Кодекс» Львовского Успенского братства // Чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Москва, 15–16 октября 2003 г.: Материалы. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 56.

²⁸ ЛИМ. Отдел фондов (собрание рукописей). Инв. № 135. С. 1.

²⁹ Там же. С. 3.

³⁰ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 90. ЛИМ. Отдел фондов (собрание рукописей). Инв. № 135: «Альбом Ставропигийского братства». С. 49–54. Опубл.: DS. P. 35–38; АОИЮЗР. Т. 2. С. 110–112; ВСИ. 1869. С. 122–124.

³¹ ЦГИА Украины во Львове. Ф. 129. Оп. 1. Д. 117. ЛИМ. Отдел фондов (собрание рукописей). Инв. № 135: «Альбом Ставропигийского братства». С. 65–70, 119–124. Опубл.: ПКК. Т. 3. № 6. С. 20; DS. № 14. P. 56–59; MCS. P. 203–205; Акты, относящиеся к истории Южнозападной Руси / Сост. А.С. Петрушевич. Львов, 1868. С. 115–119; Патриаршие грамоты изданы в пользу Львовского Ставропигийского братства при храме Успения Пресвятыя Богородицы // ВСИ. 1869. С. 127–129.

³² См.: Шустова Ю.Э. Проблемы изучения состава средневековых корпораций (на примере Львовского Успенского Ставропигийского братства) // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1999. С. 155–156.

³³ ЛИМ. Отдел фондов (собрание рукописей). Инв. № 135. С. 5, 7–9.

³⁴ Там же. С. 6.

³⁵ Фонкич Б.Л. «Кодекс» Львовского Успенского братства. С. 56–57.

³⁶ Там же. С. 57.

³⁷ Там же.

К вопросу атрибуции прорезного колокола 1648 г. из музея «Коломенское»

В московском музее «Коломенское» хранится уникальный памятник литейного искусства – прорезной колокол, датированный 1648 г. (инв. КП–795, О–1067). Его вес составляет 60 пудов, высота – 123 см, нижний диаметр – 121 см. Верхнюю часть колокола украшает декоративный фриз, состоящий из пяти поясов, центральный из которых, заключенный между рельефными валиками, представляет собой широкую полосу растительного орнамента. Под ним, в середине тулова расположены 12 сквозных вертикальных окошек, в основании которых находятся цветочные розетки. Юбку колокола опоясывает отлитая в невысоком рельефе надпись:

«БОЖИЕЙ МИЛОСТИЮ ПОВЕЛЕНИЕМ БЛАГОВЕРНАГО И БЛАГОЧЕСТИВАГО И ХРИСТОЛЮБИВАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ВСЕЯ РУСИИ САМОДЕРЖЦА СЛИТ КОЛОКОЛ ПРИ ИМЕНИТОМ ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ МОСКВЕ В ЛЕТО 7156 (1648) ГОДУ В ТРЕТЬЕ ЛЕТО ЦАРСТВА ЕГО. А ВЕСУ В НЕМ 60 ПУД».

В музей колокол поступил из московской церкви Воздвижения Честного Креста Господня в селе Красном. С какого времени он находился при этом храме – данных нет. Известно только, что во второй

половине XIX в. колокол там уже был. Сведения об этом содержатся в метрике церкви Воздвижения, составленной по заданию Академии художеств 5 февраля 1887 г. на основании Указа Московской Духовной Консистории от 24 ноября 1886 г. за № 6141¹. Среди целого ряда сведений о храме и хранящихся в нем предметах упоминаются девять колоколов, один из

которых имел 12 «сквозных окошек». Содержит метрика и надпись на этом колоколе. Надпись несколько раз публиковалась. В 1896 г. ее привел среди текстов, содержащихся на других колоколах Москвы, А.А. Мартынов в своей работе «Московские колокола», напечатанной в журнале «Русский архив»². Затем этот материал был использован Н.И. Оловянишниковым в книге «История колоколов и колоколотейное искусство»³. Оба автора ограничились публикацией надписи на колоколе и сообщением о наличии в нем 12-ти сквозных окошек.

С именем конкретного мастера прорезной колокол из музея «Коломенское» впервые связал Н.Н. Рубцов, одновременно поместив в «Историю литейного производства в СССР» фотографию памятника (См. рис. 1)⁴. Ссылаясь на выписки И.Х. Гамеля, содержащиеся в книге 27, хранящейся в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН⁵, Н.Н. Рубцов отнес этот колокол к работе Емельяна Данилова⁶. Доверившись заключению уважаемого ученого, и автор настоящей статьи упомянула памятник в книге «Московские колокола. XVII век» в связи с тем же мастером⁷.

Дальнейшая работа с архивными материалами, хранящимися в Санкт-Петербургском

Институте истории РАН (фонд 175, И.Х. Гамеля), позволила установить, что прежняя атрибуция памятника не верна. При изучении части коллекции И.Х. Гамеля, в которой освещается деятельность московского Пушечного двора в XVII в., автору настоящей статьи удалось обнаружить неизвестный ранее документ, а также несколько выписок, сделанных акаде-

Прорезной колокол неизвестного мастера. 1648 г.

Музей «Коломенское».

миком, которые связаны с изготовлением Емельяном Даниловым некоего прорезного колокола. Их содержание вызвало необходимость еще раз обратиться к тому документу, который и дал основание Н.Н. Рубцову считать именно этого мастера автором прорезного колокола.

В публикуемой в ряде изданий челобитной литейщиков московского Пушечного двора, отрывок из которой привел Н.Н. Рубцов, действительно, говорится о каком-то прорезном колоколе, отлитом мастером Данилой Матвеевым. Напомним его еще раз: «...А ведомо, государь, то наше рукодельюшко, тебе, государь, вылил я, Омелька, прорезной колокол, что ныне стоит у тебя, государя, на Сытном дворце...»⁸. Челобитная датирована 7159 (1650/51) годом, но о прорезном колоколе в ней говорится в прошедшем времени, что и явилось поводом для идентификации его с памятником из «Коломенского», отлитым двумя годами ранее.

Однако в том же собрании И.Х. Гамеля хранится еще один документ, имеющий самое непосредственное отношение к исследуемой проблеме. Это так называемая *ропись* «ко отлитому прорезному колоколу что лил колокольного мастера Данилова сын Емельян Данилов». В ней говорится следующее: «В прошлом во 158 (1650) году июля в 26 день дано колокольной меди часового колокола, что принято у колокольного ученика у Васки Борисова 25 пуд 24 гривенок. Да колокольной желобной меди дано, что принято у Микифора Баранова, 6 пуд 35 гривенок. И всего в то литье колокольной меди дано 32 пуда 19 гривенок. А у того литья желобной меди принято мелких крох 5 пудов 15 гривенок. А в новом прорезном колоколе весу 25 пудов 29 гривенок. Угар 2 пуда 15 гривенок. А отпущен тот колокол с Пушечного двора на дворец в прошлом во 158 (1650) году июля в 23 день с мастером с Омелько Даниловым»⁹. Сохранились и выписки И.Х. Гамеля, хорошо согласующиеся с приведенной *рописью*. В них говорится, что 17 июля 7158 (1650) года сыну Данилы Матвеева, Емельяну были даны две дубовые доски «для прорезного колокола»¹⁰, в июле же колокол чистили¹¹.

Таким образом, налицо несоответствие по двум существенным пунктам – датировке и весе. Колокол из «Коломенского», как значится в надписи на нем, был отлит в 1648 г., а колокол, речь о котором идет в процитированном документе и выписках И.Х. Гамеля – двумя годами позже, в 1650 г. Вес первого составляет 60 пудов, вес второго – 25 пудов 29 гривенок, т. е. более чем в два раза меньше. Следовательно, у нас нет никаких оснований считать сохранившийся колокол 1648 г. работой Емельяна Данилова. В противном случае, мастер не преминул бы упомянуть об этой весьма незау-

рядной работе в челобитной царю Алексею Михайловичу, датированной 1650/51 г. Однако в документе говорится только об одном прорезном колоколе, отлитом именно в 1650 г.¹². Поэтому вопрос о том, кто автор этого уникального памятника, пока остается открытым.

Из содержания надписи, отлитой на юбке колокола, следует, что это была заказная работа. Однако для какого храма предназначался уникальный колокол, в тексте не говорится. Ясно лишь одно – его изготовили в Москве по повелению царя Алексея Михайловича. Работы подобного рода в XVII в. производились на московском Пушечном дворе, где в этом столетии работали лучшие литейщики страны. Несмотря на то, что имя мастера, отлившего колокол, в надписи не указано, результаты химического анализа бронзы (Cu 79%, Sn 20%, примеси 1%) свидетельствуют о высоком уровне профессионализма его изготовителя. В середине XVII в. на Пушечном дворе работало несколько мастеров, которым была по силам такая уникальная работа. Однако кто из них вылил этот колокол, сказать невозможно. Определенно одно – его автором был отечественный литейщик. Такой вывод следует из процентного соотношения двух основных составляющих бронзового сплава – меди и олова, которое в данном случае составляет 4:1.

Основанием для этого заключения служит выписка, сделанная А.П. Лебедеванской из документа Пушкарского приказа, датированного 1650 г. Она находится в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в фонде Лебедеванской А.П. (Ф. 16р. Оп. 1 (материалы по истории литейного дела). Д. 1). В записи содержатся данные из *сказок* двух колокольных литцов, работавших на московском Пушечном дворе в середине XVII в. Одним из них был приехавший в Россию из Нюрнберга фрисландский мастер Йо (в русской транскрипции – Иван) Фальк, другим – русский литейщик Никифор Баранов. В своих сказках, датированных 1650 г., они написали о количестве олова, добавляемого ими на «пресную» медь для колокольного литья: «И по Иванову сказке Фалька кладено в колокольное литье на пресную медь олова на пуд по 12 гривенок. Итого на 5 пуд пол два пуда, а на 10 пуд – 3 пуда, а на 20 пуд – 6 пуд, а на 40 пуд – 12 пуд. А по сказке колокольного литца Микифора Баранова на пресную медь класти ему олова в колокольное литье: на пуд по 10 гривенок. Итого на 5 пуд – пуд с четью, а на 10 пуд – пол три пуда, а на 20 пуд – 5 пуд, а на 40 пуд – 10 пуд. И у Микифора Баранова против сказки Ивана Фалька не дойдет на 40 пуд олова 2 пуда»¹³.

Приводимые в документе сведения представляют интерес для сравнения пропорций двух составляющих сплава, использовавшегося для

работы русским литейщиком и иноземным. Из сказок мастеров следует, что Иван Фальк клал в колокольную бронзу олова больше, чем Никифор Баранов. В приготавливаемом им сплаве олово составляло 30%, а медь – 70%, в сплаве Никифора Баранова олова было 25%, меди – 75%. Учитывая то обстоятельство, что олово, в связи с его относительно низкой температурой плавления, подвержено большему, чем медь, угоранию, в готовом изделии, произведенном русским мастером, оно составляло примерно пятую часть от количества меди, т. е. около 20%. Эти цифры соответствуют тем, что были получены в результате проведенного химического анализа прорезного колокола из «Коломенского».

В свете современных исследований они свидетельствуют, что сплав, приготавливаемый Никифором Барановым, в большей степени отвечал оптимальным пропорциям ко-

локольной бронзы, чем сплав Ивана Фалька. В XVII в. русские мастера, работавшие на московском Пушечном дворе, для небольших колоколов готовили бронзу с содержанием олова до 22–25%, для крупных – 17–20%. Реальным основанием для такого разделения являлась оптимальность состава колокольной бронзы по механическим и акустическим свойствам с преимуществом в пользу акустических, в силу чего сплав работал на пределе допустимой хрупкости. По этой причине для XVII в. в отечественном колокольном ремесле была характерна тенденция к понижению содержания олова, вызванная стремлением к гарантированной прочности отливаемых колоколов. Таким образом, очевидно преимущество русской колоколотейной традиции, отработанной отечественными мастерами в течение нескольких веков и достигшей наивысшего расцвета в XVII в.

¹ Архив ИИМК РАН (СПб.). Ф. Р–III. Д. 3827 (33).

² Мартынов А.А. Московские колокола // Русский архив. 1896. № 1. С. 100–108; № 2. С. 274–278; № 3. С. 393–400; № 4. С. 555–561.

³ Оловянишников Н.И. История колоколов и колоколотейное искусство. Изд. 4-е. М., 2003. С. 160.

⁴ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Ч. 1. Изд. 2-е. М., 1962. С. 210. Рис. 9.

⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27.

⁶ Рубцов Н.Н. Указ. соч. С. 209.

⁷ Бондаренко А.Ф. Московские колокола. XVII век. М., 1998. С. 129–130.

⁸ Архив СПбИИ РАН. Там же. С. 16 (27).

⁹ Там же. Оп. 1. Д. 52. Сстав 1.

¹⁰ Там же. Оп. 3. Кн. 27. С. 508.

¹¹ Там же. С. 508.

¹² Там же. С. 16 (27).

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 16р. Оп. 1. Д. 1.

Коллекция С.В. Перлова в Артиллерийском музее

(по материалам архива ВИМАИВиВС)

В настоящее время в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи находится множество коллекций и отдельных предметов, история которых неизвестна или прочно забыта. Практически единственным источником информации о коллекциях, поступивших в музей до 1936 г., являются материалы, хранящиеся в архиве музея, поскольку только с 1936 г. в музее начинается тщательное документирование всех поступлений.

Среди документов архива музея есть дела, в которых содержится переписка между АИМ и разными учреждениями, а также частными лицами. В одном из таких дел, которое называется «Дело АИМ 1911 г. Разная переписка по Артиллерийскому музею» находится опись оружия. Она состоит из нескольких разделов – «Фитильное оружие XVII века», «Пистонные ружья», «Казнозарядные ружья», «Мушкетоны», «Пистолеты начала XIX века», «Принадлежности к кремневым и капсюльным ружьям», «Холодное оружие» и «Оружие XVI века». В каждом из разделов перечисляются различные виды вооружения, рядом проставлены номера, идущие не всегда по порядку, всего 222 единицы. В конце описи имеется подпись – «Хранитель музея 1812 года. г.-м. В.А. Петров»¹.

Обратившись к иллюстрированному изданию под редакцией В. Божовского «Выставка 1812 года» (М., 1913) и изданию Левинсона «Выставка 1812 года» (М., 1912), удалось установить, что Музей 1812 года (точнее его можно назвать юбилейной выставкой, посвященной событиям Отечественной войны 1812 г.) был организован в Москве в 1912 г. Еще 28 января 1908 г. по Высочайшему повелению в Москве был учрежден Особый Комитет по устройству в Москве Музея 1812 года, который занимался комплектованием, размещением музея и прочими вопросами, связанными с его деятельностью. Комитет обратился с призывом к частным лицам и организациям о передаче в музей предметов, имеющих отношение к Отечественной войне 1812 г. Поступивших материалов оказалось так много, что их едва разместили в девяти залах Исторического музея (ныне ГИМ). В том числе поступили предметы из Императорского Эрмитажа, Московской оружейной палаты². В книгах Божовского и Левинсона упоминалось о том, что в Музей 1812 года была передана коллекция оружия Сергея Васильевича Перлова, известного московского купца, коллекционера, мецената. И, что большая

Первый зал «Нового отдела», открытого в 1912 г. В конце зала — шкаф, в котором была выставлена часть коллекции С.В. Перлова.

часть данной коллекции, не имеющая отношения к событиям этой войны, была передана в петербургский Артиллерийский исторический музей. Подробно описывается витрина с огнестрельным и холодным оружием, амуницией и конским снаряжением, пожертвованными С.В. Перловым, находившаяся в зале ГИМ, посвященном отступлению французской армии. Согласно библиотечным источникам, заведующим этим залом был А. Петров³.

Имя Сергея Васильевича Перлова в то время было хорошо известно. Он происходил из рода купцов Перловых, которые с конца XVIII в. занимались торговлей чаем и чьей исторической заслугой была популяризация чая в России и его широкое распространение среди простого народа. Магазин Перловых был первым чайным магазином в Москве.

Отец Сергея Васильевича Василий Перлов в 1860 г. основал товарищество чайной торговли «В.Перлов и сыновья», которое получило мировую известность. Сергей Васильевич же основал собственную фирму «Товарищество чайной торговли «Сергей Васильевич Перлов и К^о». В конце XIX в. Перловы имели обширную сеть магазинов в России и Европе, а также были поставщиками российского императорского двора и нескольких иностранных высочайших дворов. В 1887 г. в честь столетия деятельности купцов Перловых на поприще торговли императором Александром III было пожаловано им дворянское звание и герб, где фамильным символом был чайный куст, а шесть крупных жемчужин, вероятно, символизировали их фамилию (перл – жемчуг. – М.А.). Девизом же их было «Честь в труде». Кроме того, купцы Перловы были широко известны своей благотворительной деятельностью, строили храмы, открывали приюты, бесплатные столовые. Сергей Васильевич был человеком энергичным, деятельным и глубоко религиозным. Почти всю жизнь помогал Оптиной пустыни и Шамординскому монастырю, где и нашел в 1910 г. свой последний приют.

В России во второй половине XIX столетия частная и музейная коллекционная деятельность переживала невиданный подъем, и в Москве, крупнейшем городе России, коллекционирование было одним из самых модных увлечений. Не избежал этого увлечения и С.В. Перлов. Известно, что им была собрана коллекция оружия в период с 1851-го по 1909 г. большей частью во время его путешествий по Сибири и Востоку, а также в Москве. Значительную ее часть составляло восточное оружие XIV–XVII вв., что неудивительно, учитывая тесные связи Перлова с Китаем по чайному бизнесу. После смерти Перлова в 1910 г. коллекция досталась его дочерям Елизавете и Любове, которые были замужем за В.А. и Н.П. Бахрушиными, представителями также известной в России купеческой фамилии⁴. Наследницами было принято решение о передаче коллекции в Музей 1812 года.

Все это дало возможность установить, что опись из «Дела АИМ 1911 г.» является описью коллекции Сергея Васильевича Перлова, которая была передана из Музея 1812 года в Артиллерийский исторический музей в 1912 г., и что она была составлена все тем же генерал-майором В.А. Петровым. Дальнейшие подтверждения этому были найдены и в самой описи, в которой упоминались такие предметы, как «Сибирская винтовка С.В. Перлова» под № 72 и «на ремне охотничий прибор С.В. Перлова» под № 48. Более подробную информацию об этом удалось найти в другом архивном деле, которое называется «Разная переписка по Музею за 1912 год». Там находятся документы, которые дают возможность узнать все обстоятельства и детали передачи коллекции в Артиллерийский исторический музей в 1912 г.

Как зафиксировано в данном деле, 16 ноября 1911 г. начальником Артиллерийского исторического музея Дмитрием Петровичем Струковым был составлен рапорт в Главное артиллерийское управление, о

передаче в Музей 1812 года коллекции вооружения Артиллерийского музея, в обмен на подобную же коллекцию. 5 марта 1912 г. из ГАУ приходит предписание осуществления этой передачи посредством петербургского и московского артиллерийских складов⁵.

Из Комитета по устройству в Москве Музея 1812 года 28 марта 1912 г. на имя Д.П. Струкова приходит письмо за подписью одного из хранителей музея генерал-майора В.А. Петрова, где обсуждаются подробности этого обмена. «Из коллекции С.В. Перлова Музей 1812 года предполагает оставить у себя образцы оружия с кремневыми замками относящихся к эпохе Отечественной войны 1812 г., около 60 наименований». Там же упоминается, что «наследникам С.В. Перлова желательно, чтобы на щитах с холодным оружием и на витринах с огнестрельным оружием сохранилась надпись, что, эта коллекция собрана С.В. Перловым, для чего я (генерал-майор В.А. Петров. – М.А.) приложу к предметам медную дощечку с надписью»⁶.

10 апреля 1912 г. начальнику Артиллерийского музея от командира Петербургской крепостной артиллерии и начальника артиллерийского склада было направлено уведомление о прибытии с Николаевской железной дороги трех ящиков с коллекцией оружия С.В. Перлова, мест – 3, вес 29 пудов 38 фунтов, с просьбой выслать квитанцию о перевозке означенного груза, исправности доставки его в музей по наружному осмотру. К ящикам прилагалась опись оружия⁷. 13 апреля в Москву было отправлено три ящика с оружием из АИМ. По доверенности № 14955 от управляющего Санкт-Петербургским артиллерийским складом нестроевому рядовому И. Челуснову доверялось получить из Артиллерийского исторического музея имущество музея, мест – 3, вес 25 пудов 30 фунтов, подлежащее отправке в Музей 1812 года в Москву⁸.

В письме В.А. Петрова от 24 мая 1912 г., адресованном заведующему Артиллерийским музеем, которое также сохранилось в архиве, упоминается о некоторых экземплярах коллекции: «Многоуважаемый Дмитрий Петрович. Очень рад, что коллекция С.В. Перлова Вас удовлетворила. В ней действительно попадаются интересные экземпляры как-то: ружье фитильное японское, ружья с Малайских островов, образцы оружия со шнеллерами и другое. Очень рад, что вы смогли расширить свое помещение, чтобы достойно их разместить»⁹.

О том, что коллекция С.В. Перлова была выставлена в залах музея в 1912 г., свидетельствует «Путеводитель по Артиллерийскому Историческому музею», составленный Д.П. Струковым и изданный в 1912 г. Согласно путеводителю, на третьем этаже музея, открылся так называемый «Новый отдел», 18 июня 1912 г. В «Новом отделе» разместились та часть имущества музея, которая хранилась до этого на дворе и в кладовых, включая как русские, так и иностранные памятники. Поскольку в отделе еще не было отопления, был открыт для осмотра только в теплое время года. Часть коллекции Сергея Васильевича Перлова, которую начальник музея отобрал для экспозиции, была

распределена по всем трем залам этого отдела.

Рядом с колоннами первого зала «Нового отдела» на специальных подставках были размещены знамена. Между колоннами были расставлены столы с моделями артиллерийских орудий и обоза. В конце зала был установлен «старинный красного дерева, богато украшенный вызолоченными арматурами, шкаф времени императора Александра Первого, в нем размещена часть богатой коллекции древнего вооружения, собранной известным московским коллекционером С.В. Перловым. Коллекция эта поступила из московского музея 1812 года»¹⁰. В этом шкафу было размещено древковое оружие и защитное вооружение – секиры, протазаны, луки со стрелами, булавы, щиты.

Во втором зале располагались образцы русской артиллерии XVIII–XIX вв., трофейные орудия и знамена Швеции, Венгрии, Турции и Польши. В шкафах и витринах было представлено холодное оружие из той же коллекции – шпаги, сабли, стилеты и т. п.

В экспозиции третьего зала «Нового отдела», посвященного исключительно иностранным памятникам артиллерии, также размещалось огнестрельное оружие, собранное С.В. Перловым. Названия и описания предметов, представленные в путеводителе, практически полностью соответствуют названиям и описаниям в описи, приложенной к прибывшим из Москвы ящикам с оружием.

О судьбе данного собрания в дальнейшем можно предположить следующее – оно было разъединено, скорее всего, во время эвакуации 1917 г., когда по распоряжению Временного правительства в Ярославль были отправлены наиболее ценные экспонаты Артиллерийского музея, и, с ликвидацией коллекции как единого целого, фамилия ее бывшего владельца была забыта. В 1920-х гг. экспозиция музея была восстановлена, предметы вооружения, собранные Перловым (по крайней мере, те, что благополучно вернулись из эвакуации) были вновь выставлены на обозрение, но уже без указания фамилии коллекционера.

Судя по описи, коллекция С.В. Перлова была достаточно разнообразной, она включала в себя огнестрельное, холодное оружие и защитное вооружение Западной Европы, Востока и России XIV–XIX вв. К сожалению, автор описи, по всей видимости, не был специалистом по оружию, поэтому данные им наименования предметов не отличаются точностью и не всегда дают возможность понять, о каком именно оружии идет речь. Например, японские мечи, персидские и турецкие сабли именуется просто шашками.

Восточное оружие представлено здесь достаточно полно и разнообразно, среди огнестрельного оружия, отнесенного автором описи к XVII в., несколько 6 и 7-линейных тибетских ружей (1 линия – 2,54 мм), два 6-линейных малайских ружья, 8-ли-

нейное крепостное турецкое ружье, 8-линейное арабское ружье и 5-линейное японское фитильное ружье XVII в. (то самое, о котором упоминает в переписке В.А.Петров. – М.А.). К XIX в. относятся два китайских штуцера, турецкое ружье Пибоди-Мартина, японская винтовка системы Арисака. Среди холодного оружия – японские мечи и кинжалы, турецкие ятаганы, персидские сабли, малайские волнистые кинжалы в деревянных ножнах и многое другое. Защитное вооружение также отличается разнообразием и относится согласно описи к XVI в. – персидские и турецкие шлемы, щиты, топорики, булавы. Здесь описания более подробные, например, № 18 – «Булава стальная с золотой насечкой. На верхней части булавы копьё. На шаре имеется надпись на турецком языке». Или № 9 – «Шлем стальной круглый с остроконечным верхом, переносом и сеткой для защиты головы». Но в фондах музея слишком много подобных предметов, чтобы среди них можно было отыскать безошибочно те самые, о которых идет речь.

Среди российских предметов упоминаются «5-ти линейное сибирское казнозарядное ружье», несколько винтовок Бердана № 1 и № 2, «русский малый пистолет работы Chorl», русские шашки конца XIX в., например «призовая шашка времен императора Александра III». Но в первую очередь, конечно же, обращают на себя внимание личные вещи С.В. Перлова – сибирская винтовка, охотни-

Кортик австрийский егерский XVIII в. с изображением рыцаря и надписью: «V. PANDUR». Инв. № 0127/100.

чий прибор на ремне. К сожалению, руководствуясь только данными описаниями, установить наличие этих предметов не представляется возможным.

Значительное число предметов из списка приводится без указания принадлежности к той или иной стране, например «поясной нож», «латы-нагрудник стальной с медным ободком и украшениями на коих орнамент, состоит из двух частей на спине и на боку», «топорик железный с выгравированными на нем фигурами в сидячем положении с секирами в руках и зверем, с обеих сторон ушка по изображению головы в шлеме».

Основная часть упоминаемого западноевропейского огнестрельного оружия относится к XIX столетию, например № 21 – 3-линейное австрийское ружье с замком Верндля, № 23 – 6-линейная винтовка Крнка со штыком, несколько карабинов Генри Винчестера, револьверы системы Веблей, английские капсюльные пистолеты. Среди западноевропейского холодного оружия интересны итальянская шпага XVII в., немецкая шпага (меч) XVI в. Упоминается также о нескольких «западных шаш-

ках» XV в. Только в двух случаях В.А. Петров приводит надписи на предметах: на двух немецких кинжалах под № 167 и № 168. Номер 167 по описи – «Короткий меч-кинжал немецкой работы XVIII в.» На клинке изображен рыцарь и под ним надпись: «(нрзб.) PANDUR». На обухе выгравировано: «Yoh. Wilh. Beck. Schwerthegeger. Presbourg».

В фондах музея находится единственный предмет с подобной надписью и изображением. Это австрийский егерский кортик XVIII в. (инв. № 0127/100), на клинке которого изображен воин в шлеме, в плаще и под ним надпись: «V: PANDUR» (сокращенный вариант надписи «VIVAT PANDUR» – «Да здравствует пандур»). Также на клинке с обеих сторон выгравированы виньетки и изображение ствола пушки, двух барабанов и знамен. Надписи «Yoh. Wilh. Beck. Schwerthegeger. Presbourg» на обухе нет, но имеются явные следы напильника. Возможно, надпись была сточена по каким-то неизвестным причинам. Клинок незначительной кривизны, однолезвийный, без долов, клиновидного сечения. Боевой конец двулезвийный. Острие расположено на линии обуха. Эфес состоит из деревянной рукояти и стальной гарды. На рукояти сверху стальная накладная пуговка. Внизу на рукояти стальная втулка. Гарда образована короткой крестовиной и фигурным щитиком с внешней стороны, украшенным волнистыми бороздками. Ножен нет. Общая длина 538 мм. Длина клинка 400 мм. Ширина клинка 29 мм. Масса 370 г¹¹. Местом поступления значится Артиллерийский исторический музей, то есть предмет поступил до 1935 г. С большой долей вероятности можно предположить, что это и есть тот «меч-кинжал», упоминавшийся в описи собрания С.В. Перлова.

Под номером 168 упоминается об охотничьем немецком мече-кинжале XVIII в., где на «дамасковом» клинке изображены лось и кабан и имеются надписи на немецком языке. С одной стороны – «War ich so weis als wie ein Schwan, kont ich so oft als wie ein Han, kont ich singen wie ein nachtagall so liebten mich die Jungfern all» (Если бы я был таким же белым как лебедь, и мог бы так же часто как петух, пел

*Кортик немецкий охотничий первой половины XVIII в.
из коллекции С.В. Перлова.
Инв. № 0127/64.*

бы как соловей, то меня любили бы все девушки). С другой – «Amor vincit omnia» (любовь побеждает все)¹². В оружейных фондах музея под инвентарным номером 0127/64 хранится кортик немецкий охотничий первой половины XVIII в. В верхней части клинок украшен травлением, с одной стороны изображение бегущего оленя, под ним растительный орнамент и первая из приведенных выше надписей. С другой стороны изображение кабана, растительный орнамент и вторая надпись, изображение мужчины и женщины, одетых по моде начала XVIII в. Клинок прямой однолезвийный с узким доликом вдоль обуха. Эфес состоит из деревянной рукояти с латунной головкой и латунной крестовины, на которой с внешней стороны укреплен небольшой щитик. На щитике растительный узор и женский бюст. Ножен нет. Концы крестовины с обеих сторон обломаны. Согласно инвентарной карточке, данный предмет выдавался для постановок в Государственный Большой драматический театр в 1920-х гг., где, вероятно, и получил некоторые повреждения. Общая длина 532 мм. Длина клинка 400 мм. Ширина клинка 26 мм. Местом поступления данного предмета значится Артиллерийский исторический музей, что свидетельствует о поступлении его в дореволюционное время.

К сожалению, это пока единственный предмет, о котором можно точно сказать, что он из коллекции Сергея Васильевича Перлова. Относительно прочих перечисленных в списке предметов вооружения можно с большой долей вероятности предположить, что они находятся и по сей день в фондах музея. Остается только надеяться на то, что в будущем будут найдены дополнительные документальные источники, которые смогут способствовать выявлению предметов коллекции Сергея Васильевича Перлова, московского купца, мецената.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 81. Л. 450–467.

² Выставка 1812 года / Иллюстрированное издание под ред. В. Божовского. М., 1913. С. 1–2.

³ Там же. С. 313–314.

⁴ Кулинский А.Н. Частные коллекции оружия в дореволюционной России. М., 2004. С. 73.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 83. Л. 92.

⁶ Там же. Л. 109.

⁷ Там же. Л. 165.

⁸ Там же. Л. 122.

⁹ Там же. Л. 204.

¹⁰ Струков Д.П. Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. СПб., 1912. С. 109.

¹¹ Кулинский А.Н. Европейское холодное оружие. СПб., 2003. С. 519–520.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 81. Л. 461.

Колодка с наградами К.Р.

В 1937 г. в состав Артиллерийского исторического музея влился Военно-историко-бытовой музей. Он был создан на базе многих музеев, в т. ч. коллекций, собранных Великим князем Михаилом Николаевичем (1832–1909). Генерал-фельдмаршал (1878), генерал-фельдцейхмейстер, наместник Кавказа и командующий Кавказской армией (1862–1865) и войсками Кавказского военного округа (1865–1881), председатель Государственного Совета (1881–1905) Михаил Николаевич всю жизнь собирал памятники военной истории, произведения искусства, в чем ему помогали многие члены дома Романовых. После смерти Великого князя на основе его собрания был создан музей, названный «Михайловским». Продолжалось пополнение музея новыми экспонатами. Наследники даже определили дни его посещения для заинтересованных лиц. Среди экспонатов, поступивших в музей Михаила Николаевича, очевидно, после 1915 г., оказалась колодка с наградами его племянника – Великого князя Константина Константиновича.

Великий князь Константин Константинович – сын генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича и его супруги, великой княгини Александры Иосифовны (принцессы Саксен-Альтенбургской Фредерики-Генриетты-Паулины-Марианны-Елизаветы), внук Николая I. У Константина Николаевича (1827–1892) и Алек-

сандры Иосифовны (1830–1911) было шестеро детей. Константин был третьим ребенком, вторым сыном. Он родился 10 августа 1858 г. в Стрельне. В тот же день был назначен шефом 15-го гренадерского Тифлисского полка. В программе образования и воспитания мальчика весьма значительное место родители отвели развитию его художественных, музыкальных наклонностей. Среди преподавателей были известные историки К.Н. Бестужев-Рюмин и С.М. Соколов, музыканты Кюндингер (пианист) и Зейферт (виолончель), художник С.В. Никитин, выдающийся русский ученый-артиллерист, конструктор А.А. Фишер. С малых лет отец предназначал сына к службе во флоте. Воспитателем к нему был приставлен лейтенант И.А. Зеленой. Уже с двенадцати лет мальчик стал ежегодно плавать на судах учебной эскадры морского училища. В шестнадцать лет Великий князь был произведен в гардемарины. В 1875 г. гардемарин Константин Романов на фрегате «Светлана», которым командовал сын императора Александра II Великий князь Алексей Александрович (1850–1908), отправился в первое дальнейшее плавание по Средиземному морю. Во время плавания фрегат посетили высокие гости: греческий король Георг I с женой, королевой эллинов Великой княжной Ольгой Константиновной (1851–1926). Старшая сестра Константина Константиновича 15 октября 1867 г. вышла замуж за греческо-

Великий князь Константин Константинович в парадной форме лейб-гвардии Преображенского полка с генеральскими эполетами. На шее и левой стороне груди знак и звезда ордена святого Владимира 2-й степени. По борту прусский орден «Pour le merite» (26 ноября 1878 г.). На груди цепь и знак ордена святого Андрея Первозванного. Под цепью видна колодка, которую открывает орден святого Георгия 4-й степени, а завершает румынский крест за переход через Дунай.

Литография из музея Константиновского артиллерийского училища с фотографии 1903–1909 гг.

го короля, родного брата Марии Федоровны (супруги тогда еще будущего императора Александра III). Ее сын Константин (Демосфен-Генрих) стал в 1913 г. королем Греции. Великого князя с сестрой связывала глубокая душевная симпатия, взаимопонимание. Именно в ее доме в Афинах муза стала посещать Константина, он серьезно занялся поэзией. «Опять, моя радость, я душу отвел с тобою», – писал он сестре. В восемнадцать лет Константин получил первый офицерский чин – мичмана и в этом звании отправился на фрегате «Светлана» в далекую Америку. В Северо-Американских Соединенных Штатах вместе с Великим князем Алексеем Александровичем они посетили Норфолк, Нью-Йорк, Флориду. 20 апреля 1877 г. оба были приглашены на обед к президенту США в Вашингтон. Через пять дней, узнав, что еще 12 апреля Россия объявила войну Турции, они поспешили домой. 4 июля 1877 г. в составе экипажа фрегата мичман К. Романов отбыл на Дунай. Русской армии предстояло решить тяжелейшую задачу: надо было форсировать такую широкую водную преграду, как Дунай, по которой курсировали турецкие корабли, а на противоположном берегу установлена вражеская артиллерия. Предстояло блокировать турецкий флот. Один из способов – поджигательные устройства, так называемые брандеры. Предприятие весьма опасное. Брандеры подводили к кораблю противника на лодках и подталкивали к нему длинным шестом. Старались делать это незаметно и бесшумно, ведь, увидев подплывающих, турки открывали огонь. Не менее важно было успеть отойти до взрыва на безопасное расстояние. Мичман Романов отличился в деле под Силистрией в ночь со 2 на 3 октября 1877 г. Он участвовал в спуске брандера на буксир катера «Птичка». С задачей моряки справились, турецкое судно подожгли. 15 октября 1877 г. девятнадцатилетний Константин был награжден орденом святого Георгия 4-й степени. Отец поздравил его телеграммой: «Радуюсь, что ты удостоился не по милости, а по статусу»¹.

В мае 1878 г. Константин был произведен в лейтенанты, вскоре пожалован флигель-адъютантом к Его Величеству. В 1880 г. он отправился в дальнее плавание вахтенным начальником, посетил Неаполь, Афины, Венецию, Алжир, Египет, Палестину и вернулся только весной 1882 г. Не лежала душа Великого князя к морской службе. Не сбылась мечта его отца. В марте 1882 г. молодой император Александр III удовлетворил просьбу кузена: уволил его из флота. Константин был произведен в штабс-капитаны и назначен в лейб-гвардии Измайловский полк, в котором семь лет командовал ротой Его Величе-

*Колодка с наградами К.Р.
Лицевая и оборотная стороны*

ства. В 1884 г. при участии и активной поддержке Великого князя офицеры полка создали литературный кружок – «Измайловский досуг», избрав его почетным и несменяемым председателем. В 1891 г. полковник К. Романов назначен командующим лейб-гвардии Преображенским полком. В 1894 г. он произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту Его Величества и утверждением в должности командира старейшего гвардейского полка. С марта 1900 г. Великий князь – главный начальник военно-учебных заведений. Он объехал и осмотрел все кадетские корпуса России, причем делал это не формально. Ему интересны были не только учеба и быт воспитанников, но их нравы, обычаи, настроения, привычки. Широко известен его приказ от 24 февраля 1903 г.: «Поддерживая все свои требования с принципиальной строгостью и устраивая над вновь поступающими самый бдительный надзор, закрытое заведение обязано, по мере нравственного роста своих воспитанников, постепенно поднимать в них сознание человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может унижить или оскорбить это достоинство»². Были изменены учебные программы, открыты курсы для подготовки учителей и воспитателей. По инициативе Великого князя в 1903 г. был созван 1-й съезд преподавателей русского языка военно-учебных заведений, а в 1908 – воспитателей кадетских корпусов. 13 февраля 1910 г. Константина Константиновича назначили генерал-инспектором военно-учебных заведений. Отмечалось его «сердечное и просветительное» руководство этими заведениями. В

1901 г. Великий князь получил звания генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта. В 1907 г. он стал генералом от инфантерии.

Константин Константинович состоял почетным членом Николаевской инженерной, Михайловской артиллерийской, Императорской военно-медицинской академий; являлся президентом Императорской Академии наук (с 3.05.1889) и ее почетным академиком по разряду изящной словесности, президентом общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и прочее, и прочее. Двадцать шесть лет Константин Константинович возглавлял Академию наук. Это был светлый и весьма плодотворный период ее деятельности. Кроме того, он состоял шефом двух и числился в списках восьми воинских частей и военно-учебных заведений³.

Вся жизнь Великого князя была связана с военной службой. Он верой и правдой служил при трех императорах, честно и добросовестно исполняя свои обязанности. Но в душе он не был «военной костью». Он был поэтом по призванию, яркой творческой личностью, страстно любил музыку. В 1886 г. вышел из печати первый сборник стихотворений К.Р. В 1900 г. появился третий, а в 1911-м – четвертый сборник его стихов. Теплые дружеские отношения связывали его с П.И. Чайковским, А.Г. Рубинштейном, И.А. Гончаровым, А.А. Фетом, А.Н. Майковым. Петр Ильич Чайковский писал на его стихи романсы. Великий князь перевел на русский язык «Мессинскую невесту» Ф.Шиллера, «Гамлета» и «Короля Генриха IV» В.Шекспира. Перевод «Гамлета» занял у него более десяти лет. «Трагедия о Гамлете, принце Датском» в переводе К.Р. впервые была поставлена 17 января 1899 г. в «Измайловских досугах» в зале офицерского собрания лейб-гвардии Измайловского полка. Роль Гамлета исполнял автор перевода. Позднее спектакль ставили много и в разных театрах. А.Ф. Кони называл переводы, выполненные К.Р., прекрасными. 9 января 1914 г. на сцене Эрмитажного театра членами его любимого кружка «Измайловский досуг» и приглашенными артистами была поставлена драма «Царь Иудейский». Можно себе представить удручение К.Р., когда он читал в газетах негативные отклики на свою пьесу. Однако возобладало иное мнение. Газеты писали: «Поход правых против пьесы Августейшего поэта не увенчался успехом. Как в широких придворных кругах, так и особенно среди придворного и военного духовенства пьесу считают высоконравственной и религиозной»⁴. Святейший Синод запретил постановку драмы, поскольку «ее высокие литературные достоинства не могут, однако, способствовать религиозному

настроению сборной театральной публики»⁵. Но печатать отдельной книгой пьесу разрешили. В том же 1914 г. редакция «Сельского Вестника» издала 10 000 экземпляров пьесы, которые распродала за две недели. Среди просвещенной части русского общества Константин Константинович пользовался авторитетом и уважением. С.В. Витте писал о нем: «тот самый почтенный, благородный, в полном смысле “великий князь” Константин Константинович»⁶.

Константин Константинович не отличался крепким здоровьем. Перед самой войной с женой и детьми Георгием и Верой уехал на лечение за границу. Обратились уже под конвоем. Дома узнали, что

Греческий орден Спасителя и французский «Академические Пальмы». Лицевая и оборотная стороны

сыновья Иоанн (1886–1918), Гавриил (1887–1955), Игорь (1894–1918), Олег (1892–1914) и муж старшей дочери Татьяны (1890–1970) князь Багратион-Мухранский идут на фронт. Вскоре пришла беда: 27 сентября 1914 г. смертельную рану получил сын Олег. Как и отец, он горячо любил русскую литературу и историю, мечтал издать все существующие автографы А.С. Пушкина. Отец бросился к сыну в госпиталь, успел увидеть его за час до смерти. В мае 1915 г. ответной телеграммой генералу Забелину благодарил его «за сочувствие нашему новому горю»: погиб зять – поручик Багратион-Мухранский.

Сердце К.Р. не выдержало. 2 июня 1915 г. в Павловске от сердечного приступа Великий князь Константин Константинович скончался. Во всех военно-учебных заведениях страны на 9-й, 20-й и 40-й дни кончины отслужили панихиды в присутствии всех чинов и воспитанников. Приказ по военно-учебным заведениям № 59 от 8 июня 1915 г. гласил: «Он всеми силами своей высокой души, доброго и любвеобильного сердца и просвещенного ума отдался служению на пользу дорогой ему молодежи. Он говорил, что “подвиги и славные дела свершать лишь тем дано, в ком доблесть расцвела, а доблести нужны и труд, и знанье, и усилье”». По воле Великого князя мы не возлагаем на гроб его ни цветов, ни венков. Почтим же дорогую всем нам могилу обетом хранить в сердцах наших образ почившего и его заветы»⁷.

Великий князь, имевший высокие звания и чины, был удостоен множества награждений. Знаки орденов святых Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого орла и святой Анны 1-й степени он получил при крещении (26.09.1858). Постепенность награждения была таковой: ордена святого Станислава 1-й степени (11.06.1865), святого Георгия 4-й степени (15.10.1877). Звание флигель-адъютанта к Его Величеству (1878), орден святого Владимира 4-й степени (1883), звания полковника (1891) и генерал-майора (1894). Орден святого Владимира 3-й степени (1896), назначение в свиту Его Величества (1898). Звания генерал-лейтенанта (1901 со старшинством с 1900) и генерал-адъютанта (1901). Орден святого Владимира 2-й степени (1903). Кроме того, Великий князь был награжден многими российскими медалями и знаком отличия за 40 лет беспорочной службы (1915). Его грудь украшали 15 иностранных орденов и медалей⁸. Куда поступили награды Константина Константиновича после его смерти? Вполне возможно, что знаки высших российских орденов передали в Капитул. Иностранные ордена согласно их статутам могли вернуться к сво-

им правительствам. Ведь это был 1915-й год. До полного развала в стране оставалось время, и какие-то правила еще действовали. Колодка с наградами К.Р. оказалась в музее Великого князя Михаила Николаевича. После революции вместе с экспонатами этого музея она долго путешествовала, пока не оказалась в 1937 г. в Артиллерийском историческом музее. К сожалению, поступила она в музей уже не в полной сохранности. Первым слева на колодке находился орден святого Георгия 4-й степени. Когда и куда он делся, бог весть. Беда могла случиться в 1920-е – 1930-е годы, когда из всех музеев страны в Гохран передавали золотые и серебряные вещи, в т. ч. ордена, ящичками. Существует и другая версия. Великий князь имел не одну колодку. Это хорошо видно по сохранившимся фотографиям, на которых он изображен с гораздо большим числом наград в колодке. С годами росло число наград, менялись и колодки. Возможно, под разные мундиры они изготавливались с разным числом наград. Можно предположить, что единственный у Великого князя орден святого Георгия с нашей ранней колодки вместе с ленточкой перенесли на другую, более позднюю. Теперь установить его местонахождение не представляется возможным. От ордена остался только маленький кусочек ленточки. Приводим описание наград в колодочке, которую носил когда-то вдохновенный поэт К.Р., генерал от инфантерии Великий князь Константин Константинович Романов.

1. Медаль «В память русско-турецкой войны 1877–1878 гг.».

На соединенной андреевско-георгиевской ленте. Светлая бронза, с ушком без кольца.

Д = 26 мм. Ширина ленты = 22 мм.

Лицевая сторона. Над полумесяцем шестиконечный лучезарный крест. Слева и справа даты: «1877 1878».

Оборотная сторона. В четыре строки надпись: «не намъ, не намъ, а Имени Твоему».

Учреждена 17 апреля 1878 г. трех видов: серебряная, светлой и темной бронзы. Серебряные медали предназначались для защитников шипкинского перевала и крепости Баязет, а также для участников штурма Карса. Медали из светлой бронзы вручали участникам боевых действий на обоих театрах войны – Дунайском и Кавказском. Всем священникам и медицинским работникам, кто выполнял свои обязанности под обстрелом. Медали из темной бронзы получали те, кто находился в действующей армии, но непосредственного участия в боях не принимал⁹.

2. Медаль «В память священного коронавания императора Александра III 15 мая 1883 г.»

На александровской ленте. Темная бронза,

с ушком без кольца. Д = 29,5 мм. Ширина ленты = 22 мм.

Лицевая сторона. Шейное профильное вправо изображение Александра III. По окружности надпись: «Б.М. АЛЕКСАНДРЪ III ИМП. И САМОД. ВСЕРОСС.»

Оборотная сторона. Вверху рельефное изображение императорской короны. Под нею в четыре строки надпись: «Коронованъ въ Москвѣ мая 15 1883».

Учреждена повелением Александра III 12 мая 1883 г. Окончательный рисунок медали был утвержден 3 июня 1883 г. Согласно высочайшему повелению от 3 ноября 1883 г. награждались лица, принимавшие участие в коронации, а также в подготовке, устройстве и охране коронационных торжеств¹⁰. Штемпели медали резал Л.Х. Штейнман (1848–1897). Только на С.-Петербургском Монетном Дворе было изготовлено более 112 тысяч медалей.

3. Медаль «В память царствования императора Александра III. 1881–1894».

На александровской ленте. Серебро, с ушком без кольца. Д = 28мм. Ширина ленты = 22 мм.

Лицевая сторона. Шейное профильное вправо изображение Александра III. Слева лавровая ветвь, справа надпись: «Имп. Александръ III».

Оборотная сторона. Под императорской короной в две строки даты царствования: «1881 1894», под ними четырехконечный крест.

Учреждена именным высочайшим указом Николая II от 26 февраля 1896 г. в 51-ю годовщину со дня рождения отца для награждения иерархов, священнослужителей, генералов, штаб- и обер-офицеров и классных чинов, состоявших на действительной службе в царствование Александра III¹¹.

4. Медаль «В память священного коронавания императора Николая II».

На андреевской ленте. Серебро, с ушком без кольца. Д = 28 мм. Ширина ленты = 22 мм.

Лицевая сторона. Шейное профильное влево изображение Николая II. Слева и справа по окружности надпись: «Б.М.НИКОЛАЙ II ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСС.»

Оборотная сторона. Под императорской короной в две строки надпись: «КОРОНОВАНЪ ВЪ МОСКВѢ», внизу полукругом: «14 мая 1896».

Учреждена именным высочайшим указом Николая II 26 мая 1896 г. Медалью награждались: все состоящие на действительной службе чины, а также нижние чины, находившиеся в Москве во время коронавания; представители всех сословий, бывших в

Москве, а также все без исключения лица, принимавшие участие в подготовке торжеств¹².

5. Крест греческого ордена Спасителя 4-й степени (?).Серебро, золото, эмаль.

На ленте голубого цвета с узкими белыми полосками по краям. Д = 36 мм. Ширина ленты = 22 мм, ширина полосок = 3 мм.

Представляет собой четырехконечный крест с расширяющимися раздвоенными концами, покрытый белой эмалью. Между лучами креста дубовый и лавровый венок, покрытый зеленой эмалью. Розетка диаметром 12 мм покрыта синей эмалью. С лицевой стороны в центре розетки на золотом фоне цветной эмалью изображен образ Христа с рукой, поднятой для благословения. Вокруг образа по ободку синей эмали золотая надпись по-гречески: «Десная твоя рука, Господи, прославлена в силе». На оборотной стороне в центре розетки на синем поле белый четырехконечный равноконечный крест, вокруг которого золотая надпись: «IV национальное собрание эллинов в Аргосе». «1829».

Крест прикреплен к большой королевской короне, с оборотной стороны которой вертикальное ушко для продевания ленты.

Греция одной из первых добилась независимости от турецкого ига. После провозглашения в 1922 г. ее независимости, в качестве государственного был принят синий флаг с белым крестом. После смерти первого президента государства Иоанна Каподистрия решением Англии, Франции и России королем Греции был избран семнадцатилетний баварский принц Оттон. В 1833 г. он прибыл в страну и в том же году (1 июня\20 мая) учредил орден Спасителя как высшую награду преимущественно для иностранных участников освободительной войны. На ордене была использована государственная символика: белый крест на голубом поле; помещено изображение короля Оттона. В 1863 г. народное возмущение вынудило Оттона вернуться в Баварию. Королем Греции стал датский принц Вильгельм, принявший имя Георга I. Портрет Оттона на знаках ордена Спасителя заменили изображением Христа. Орденом награждали как греческих подданных, так и иностранцев за заслуги в военной и гражданской службе на пользу Греции. Он имел пять степеней.

1. Большого креста. Знаки ордена: большой золотой крест на ленте через левое плечо и звезда диаметром 10 см на левой стороне груди.

2. Большой командорский. Золотой крест на шейной ленте и звезда диаметром 7 см на правой стороне груди.

3. Командорский. Золотой крест на шейной ленте.

4. Кавалерский золотого креста. Золотой крест на левой стороне груди.

5. Кавалерский серебряного креста. Серебряный крест на левой стороне груди¹³.

Описание степеней креста приведено по альбому Гельбке 1832 г., указанному в примечаниях. Проблема заключается в том, что в списках наград Константина Константиновича значатся два ордена Спасителя: первой степени, который Великий князь получил 16.08.1875 г., и четвертой степени, которым он был награжден 21.05.1878 г. Ордена пятой степени в списках нет. В то же время, согласно описанию степеней ордена по альбому Гельбке, серебряный орден в колодке должен относиться к пятой степени. Крест четвертой степени должен быть золотым. Но альбом дает описание ранних орденов, еще с изображением Оттона. Пока не будет выявлено подробное описание степеней ордена более позднего периода, мы оставляем вопросительный знак в наименовании степени ордена Спасителя в нашей колодке. Этот вопрос требует дальнейшего изучения и уточнения.

6. Французский орден «Академические пальмы».

На ленте лилового цвета. Серебро позолоченное. Размер знака – 39х30 мм. Д кольца = 17 мм. Ширина ленты = 28 мм.

Представляет собой овальный веночек из двух ветвей: лавровой (слева) и пальмовой. Стебли ветвей покрыты фиолетовой эмалью, листья позолочены.

Учрежден Наполеоном I 17 марта 1808 г. Вначале знаки ордена изготавливали из серебряных и золотых нитей (или белых и синих шелковых). С 1866 г. знаки ордена изготавливаются из металла. С 1856 г. имел две степени. Является наградой за значительный вклад в развитие науки и образования. В 1866–1955 гг. для представителей академий знаки ордена серебряные, для деятелей просвещения – золотые (позолоченные), лента с розеткой. С 1955 г. существуют три степени ордена: командорская, офицерская и рыцарская. Орденом «Officier de L'Instruction publique» (должностному лицу народного просвещения) Великий князь был награжден 22.02.1894 г.¹⁴ На ленте сохранился след круглой формы, возможно от розетки.

Основа колодки изготовлена из светло-коричневой кожи в форме трапеции со скошенными нижними углами. Высота 4 см, длина по верху 15,5 см, длина по низу 16,5 см. С оборотной стороны три металлических крючка длиной по 4 см для продевания в нитяные петли на мундире.

¹ Кузьмина Л.И. Августейший поэт. СПб., 1995. С. 25.

² Военная энциклопедия / Под ред. И.Д. Сытина. СПб., 1913. Т. XIII. С. 132.

³ Там же; Вострышев М. Августейшее семейство. М., 2001.

⁴ Архив ВИМАИВиВС (Далее – АВИМАИВиВС). Ф. 51. Оп. 96/3. Д. 45. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 15.

⁶ Кузьмина Л.И. Указ. соч. С. 135.

⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 24. Оп. 97/10. Д. 7. Л. 221.

⁸ Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия. СПб., 2005. С. 163; Список генералам по старшинству. СПб., 1906. С. 269. Необходимо отметить, что с 1831 г. великие князья при святом крещении получали ордена святых Андрея Первозванного, Александра Невского, Белого орла и святой Анны 1-й степени. Но в списках генералам по старшинству указано, что Константин Константинович получил Белого орла и святого Станислава 1-й степени лишь в 1865 г. Надеемся, что это несоответствие в будущем разъяснит послужной список Великого князя.

⁹ Приказы по военному ведомству № 107 1878 г., № 34 1881 г.; Шевелева Е.Н. Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков. Л., 1962. С.79.; Кузнецов А. Награды. М., 1999. С. 119,151.

¹⁰ Шевелева Е.Н. Указ. соч. С. 88; Чепурнов Н.И. Российские наградные медали. Ч. 5. Чебоксары, 1994. С. 356;

Кузнецов А. Указ. соч. С. 154; Петерс Д.И. Наградные медали Российской империи. Царствование императора Александра III (1881–1894). М., 2002. С. 66; Щукина Е. Монограммы и подписи на русских медалях XVIII – начала XX вв. Киев, 2002; Приказ по военному ведомству № 139 1884 г.

¹¹ Шевелева Е.Н. Указ. соч. С. 89; Чепурнов Н.И. Указ. соч. С. 390; Кузнецов А. Указ. соч. С. 934; Приказ по военному ведомству № 60 1896 г.

¹² Шевелева Е.Н. Указ. соч. С. 90.; Приказ по военному ведомству № 131 1896 г.; Чепурнов Н.И. Указ. соч. С. 392; Кузнецов А. Указ. соч. С. 125.

¹³ Спасский И.Г. Иностранцы и русские ордена до 1917 г. СПб., 1993. С. 93, 94.; Vernon, s collectors guide to orders, medals and decorations / Fourth edition by Sydney B. Vernon. USA. 2000. P. 309; Werlich R. Orders and decorations of all Nations. USA. 1974. P. 219; Gelbke C.H., de. Description des orders. Berlin, 1832; Ионина Н.А. 100 великих наград. М., 2002. С. 201. Кузьмин Ю.А. Указ. соч. С. 162; Бурков В.Г. Государственная геральдика и вексиллология. СПб., 2004. С.131.

¹⁴ Награды Франции. Б/м, б/г. С. 60; Спасский И.Г. Указ. соч. С. 45; Vernon's collectors guide... P.119; Werlich R. Orders and decorations of all Nations. P.135; Orden Europas von Jorg Nimmergut. Germany. 1991. S. 86.

Автор выражает искреннюю благодарность И. Шанину, М. Байнуриной и Т. Сангаевской за помощь в переводе с новогреческого, немецкого, французского языков.

Эхо давнего подвига

(история подвига крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» по материалам рукописно-документального фонда ЦВММ)

Того далекого дня прошло уже больше ста лет. Туманным утром 27 января 1904 г. (9 февраля по новому стилю) крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» приняли неравный бой с японской эскадрой на внешнем рейде нейтрального порта Чемульпо (ныне это южнокорейский Инчхон), предпочитая гибель позорной сдаче кораблей противнику. Много сказано, написано и даже спето об этом подвиге. Тогда, в 1904-м, известие о нем быстро облетело мир и вызвало всплеск искренних патриотических чувств в России и восхищенные мужеством, стойкостью русских моряков у жителей других стран.

Прошло более века... Несколько лет назад в Центральный Военно-Морской музей были переданы письма, датированные 1904 г., в которых упоминается крейсер «Варяг». Сохранились они плохо, текст во многих местах прочесть было невозможно – архивисты говорят о таких документах, как о больных людях – «находятся в тяжелом состоянии». Но большинство писем замечательному петербургскому реставратору, специалисту высшей категории ЛКРД РАН Людмиле Васильевне Кудояровой удалось спасти. Выяснилось, что адресованы они были Александре Федоровне Николаевой, проживавшей на станции Выкса Нижегородской губернии в собственном доме, на чердаке которого эти письма и пролежали столь долгий срок. Писал ей муж, матрос I статьи Виктор Николаев, служивший на легендарном крейсере, принимавший участие в том самом бое и описавший его в одном из писем:

«Милая Шурынька, трудно было нам, конечно, во время боя. Другая бомба упадет рядом как все равно чурбан 5 вершков толщины и 1 аршин 3 вершка длины. Когда упадет, шипит как змея, если не успеешь ее выбросить в воду, то разрывается и сколько есть тут народу ... всех убивает...

меня Бог спас чудом, около меня одиннадцать человек насмерть убило сразу, а меня только немного царапнуло. Я даже в лазарет не ходил на перевязку, а все продолжал исполнять долг своей службы до окончания боя. Крови было на верхней палубе 4 вершка, даже брызги летят и куски мяса. Стон, плач, шум, крик – ничего не разберешь. Конечно, тут каждый матрос свое дело знает. Работали все горячо, даже не помнишь, устал или нет, только тогда усталость почувствовали, когда окончили бой. Вся команда как лавы стояли...»¹.

По письмам Николаева, сопоставляя их с другими документами «варяжской коллекции» музея, можно в хронологической последовательности проследить дальнейшие события.

Исчерпав возможности продолжать неравный бой, русские корабли, изуродованные вражескими снарядами, вернулись на внутрен-

ний рейд Чемульпо. Экипажи кораблей проявили храбрость и отвагу, до конца выполняя свой долг, несмотря на большие потери. Так, из экипажа крейсера были убиты 32 нижних чина и один офицер², ранено около 200 человек. Орудия крейсера были установлены на верхней палубе открыто и не имели башен или броневых щитов, поэтому потери среди артиллеристов были особенно велики. Серьезное ранение и контузию получил командир «Варяга» капитан 1 ранга В.Ф. Руднев.

Команды боевых кораблей других стран горячо сочувствовали нашим морякам и стремились оказать им действенную помощь. На «Варяг» и «Кореец» под флагом Красного Креста были отправлены шлюпки с врачами и санитарями. Чтобы корабли не достались врагу, нашим морякам пришлось взорвать «Кореец» и затопить «Варяг», открыв кингстоны. Все оставшиеся в живых члены экипажей российских кораблей были группами приняты на борт трех крейсеров:

Адрес-приветствие от Санкт-Петербургской Городской Думы героям Чемульпо

французского «Pascal», английского «Telboat» и итальянского «Elba». Среди писем Николаева есть один небольшой листок, в левом верхнем углу которого четко просматривается штамп «Incrocio «Elba». Вероятно, в числе других он попал на итальянский крейсер. В письме он пишет: «Нас спасли от гибели итальянский, французский и английский корабли... мы теперь находимся в безопасности»³.

После этого, пересаживаясь с парохода на пароход, различными путями наши моряки добрались на Родину – в Одессу и Севастополь. Сохранился приветственный адрес на французском языке, который был вручен одной из групп во время их пребывания в Порт-Саиде: «Господину капитану 1 ранга Рудневу, командиру крейсера «Варяг», и господину капитану 2 ранга Беляеву, командиру канонерской лодки «Кореец», и их экипажам от французских друзей в Порт-Саиде в знак восхищения героизмом»⁴. Далее следуют многочисленные автографы французских моряков.

Еще восторженнее и теплее встречали героев на родной земле. В Одессе в честь их прибытия 20 марта 1904 г. были устроены торжества и праздничный обед. Пожелтевший лист меню этого обеда сегодня хранится в музее – «От города Одессы славным героям Чемульпо обед: борщ с пирожками, жаркое, пирожное, чай и кофе, фрукты, вино»⁵.

На обороте фотография крейсера «Варяг» и стихи:

«Варяг» идет свершать свой подвиг славный
Принять удар, направленный судьбой,
«Варяг» идет в кровавый, грозный бой,
В предсмертный бой, жестокий и неравный.
За ним гремит привет родной страны,
Победный звук торжественной молитвы...»

На пристани в Севастополе героев Чемульпо встречали командир Черноморского флота и порта вице-адмирал Скрыдлов, городской голова, офицеры, матросы и многочисленная толпа горожан. Был отслужен молебен перед иконой Спасителя, той самой, что в дни Крымской войны 1854 г. подарила защитникам осажденного Севастополя императрица Александра Федоровна, супруга Николая I. Затем офицерам были вручены высочайшие грамоты на пожалованные знаки ордена Святого Георгия 4-й степени (сами знаки офицеры должны были получить позднее). Впервые в истории российского флота была проявлена «настоящая монаршая милость», как писали тогда газеты, наравне со строевыми офицерами были награждены механики и корабельные врачи. Вице-адмирал Скрыдлов был настолько взволнован, что снял с себя крест ордена Святого Георгия и прикрепил его на мун-

дир старшего офицера «Варяга» капитана 2 ранга Степанова, своего бывшего подчиненного.

Таврический губернатор (то есть губернатор Крыма) телеграммой просил, чтобы экипажи по пути следования в Петербург сделали остановку в Симферополе, мотивируя свое ходатайство желанием достойно чествовать героев и тем, что на «Варяге» погиб его племянник граф Нирод. Подобных просьб и незапланированных остановок было множество. От одной из них, в Павлограде, у «варяжцев» осталось два приветственных адреса, от городского головы и жителей города и от местной гимназии.

Встреча в Петербурге была наиболее торжественной, как и подобает столице. Одна из газет писала: «С раннего утра платформа Николаевского вокзала была заполнена прибывшими для встречи героев родственниками, военными георгиевскими кавалерами, представителями ад-

Письмо на родину (ст. Выкса Нижегородской губернии) машиниста крейсера «Варяг», участника боя при Чемульпо, Николаева (Карташева) Виктора Капитоновича

министрации, дворянства, земства, публикою. Прибыло высшее морское командование во главе с генерал-адмиралом великим князем Алексеем Александровичем. Несмолкаемыми криками «Ура» встретили собравшиеся вышедших из вагонов и выстроившихся у платформы моряков с «Варяга» и «Корейца». Они прошли по Невскому проспекту до Зимнего дворца торжественным маршем под несмолкаемые рукоплескания... На Дворцовой площади состоялся церемониальный марш, а затем молебен. В Николаевском зале дворца команде был дан обед...»⁶.

После этого моряки были приглашены в Городскую Думу, где им были вручены приветственные адреса и памятные подарки. Кроме этого, Дума единогласно постановила «учредить в двух морских учебных заведениях стипендии в память героев «Варяга» и «Корейца» в твердом упо-

вании, что будущие питомцы этих рассадников храбрых заступников Отечества окажутся достойными хранителями благородных традиций своих отцов»⁷.

Последнее из сохранившихся писем матроса 1 статьи Николаева отправлено из Либавы (нынешней заграничной латвийской Лиепайи), куда из Петербурга были отправлены варяжцы: «Милая Шура, не могу я тебе описать, какая нам была встреча в Петербурге... все улицы были цветами закиданы... вместе с государем обедали и каждого целовал и каждому подарил серебряные часы, серебряную столовую ложку с надписью «Герою Чемульпо»⁸.

Основная часть «варяжской коллекции» Центрального Военно-Морского музея ранее принадлежала командиру «Варяга» В. Рудневу и после его смерти в 1913 г. осталась в семье. В годы гражданской войны семья оказалась в эмиграции. Сын В. Руднева, Николай Всеволодович, который в 1946 г. возвратился на Родину, в письме о передаче вещей отца в дар музею писал: «Во время пребывания во Франции было несколько случаев их продать. Например, коллекционер миллионер Брукс предлагал приобрести коллекцию для музея в Филадельфии, где строился «Варяг» на заводе Крампа. Брукс давал понять, что любая цена для него приемлема... В трудные минуты, когда оказывался без средств в Греции, я предпочитал голодать, но не продал вещи иностранным перекупщикам...»⁹.

Существует хорошая морская традиция, когда имя героического корабля переходит новой «боевой единице флота». На Тихоокеанском флоте около 30 лет нес службу ракетный крейсер «Варяг», исключенный из состава флота в начале девяностых годов. В январе 1996 г. имя «Варяг» было присвоено новому ракетному крейсеру проекта 1164, спущенному на воду в 1983 г. и ранее носившему имя «Червона Украина». Этот корабль и по нынешний день несет службу на Тихоокеанском флоте.

В январе 2004 г., по сообщениям средств массовой информации, ракетный крейсер «Варяг», большой противолодочный корабль «Адмирал Трибуц» и малый противолодочный корабль «Кореец» выполняли учебные стрельбы во вре-

мя перехода из южнокорейского порта Инчхон во Владивосток. Отмечалось, что корабли использовали каждую морскую милю для отработки элементов совместного плавания, что является нормальной практикой дальних походов. Отряд российских боевых кораблей находился в Южной Корее с официальным визитом в связи со столетием подвига крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».

Героизм российских моряков помнят и на родине В.Ф. Руднева, в поселке Заокском.

В далекой Филадельфии (США) был построен и в 1902 г. освящен православный собор Святого Андрея Первозванного. Возникновение этого храма связано с заключением российским правительством контракта с компанией Ч. Крампа на строительство двух кораблей – крейсера «Варяг» и броненосца «Ретвизан». Еще шли корпусные работы, когда в Филадельфию начали прибывать экипажи будущих кораблей. Но православного храма в Филадельфии не было. Службу проводили либо в специально арендуемых помещениях, либо на квартирах русских эмигрантов. Тогда начали собирать средства на строительство православного храма. Свой вклад в строительство храма внесли и российские моряки.

«Варяг» покинул Филадельфию 10 марта 1901 г. Это было торжественное и грустное событие: к русским морякам успели привыкнуть. «Ретвизан» ушел в свое первое плавание весной следующего года, подарив будущему собору шесть больших икон, из которых и был создан первый постоянный иконостас в храме. Освятил собор епископ Алеутский и Американский Тихон, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси.

О героическом подвиге «Варяга» в Филадельфии узнали из газет. Кто погиб в бою, разумеется, не знали. Однако полагали, что среди них были и те, кого помнили в Филадельфии. По погибшим в соборе состоялась торжественная панихида. С тех пор память о «Варяге» осталась в сердцах прихожан собора. Сменились поколения, но вот уже сто лет девятого февраля в Андреевском соборе поминальной молитвой чтят память российских моряков, героически погибших в неравном бою¹⁰.

¹ ЦВММ. Фонд хранения рукописей и документов. Инв. № В-31752/1.

² Там же. Инв. № В-3395.

³ Там же. Инв. № В-31752/10.

⁴ Там же. Инв. № В-31137.

⁵ Там же. Инв. № 46886/2.

⁶ Там же. Инв. № В-19627.

⁷ Там же. Инв. № В-31138.

⁸ Там же. Инв. № В-31752/14.

⁹ Там же. Инв. № В-27743.

¹⁰ По материалам: Коршунов Ю.Л. Морской собор святого апостола Андрея Первозванного в Филадельфии // Новый часовой. 2001. № 11–12.

«В воздаяние героического подвига...» **(История награждения участников боя при Чемульпо** **по материалам РГАВМФ и РГИА)**

В числе бесценных боевых реликвий, хранящихся в фондах Центрального военно-морского музея, особое место занимают награды участников легендарного боя крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», произошедшего более ста лет назад – 27 января (9 февраля) 1904 г. – возле корейского порта Чемульпо и оставившего неизгладимый след в народной памяти. Подвиг варяжцев, вступивших в неравный бой с японской эскадрой, стал символом славы Российского флота и был высоко оценен на Родине как пример проявления незыблемых традиций русского воинства – беззаветной храбрости и самоотверженности, верности присяге и воинскому долгу. История награждения участников боя является собой случай исключительный.

Накануне русско-японской войны, в конце декабря 1903 г., в корейский порт Чемульпо (Инчхон), расположенный вблизи столицы Кореи Сеула, был направлен из Порт-Артура крейсер I ранга «Варяг» под командованием капитана 1 ранга В.Ф. Руднева для несения службы в качестве стационара. В это же время в Чемульпо постоянно находились военные корабли основных морских держав для защиты дипломатических представительств своих государств в Сеуле. 5 (18) января 1904 г. к «Варягу» присоединилась канонерская лодка «Кореец» под командованием капитана 2 ранга Г.П. Беляева. Оба корабля находились в распоряжении посланника России в Корею действительного статского советника А.И. Павлова. В день начала войны русские корабли-стационары «Варяг», «Кореец» и пароход «Сунгари» оказались блокированными в нейтральном корейском порту Чемульпо.

Утром 27 января 1904 г. В.Ф. Руднев получил от командующего японской эскадрой контр-адмирала С. Уриу извещение о начале военных действий и ультиматум с требованием покинуть порт до 12 часов, в противном случае русские корабли будут атакованы на рейде. Мнение командиров и офицеров «Варяга» и «Корейца» было единым – идти на прорыв в Порт-Артур для воссоединения с русской эскадрой и ни в коем случае не сдавать корабли неприятелю.

В 11 часов 20 минут «Варяг» и «Кореец» снялись с якоря и покинули порт Чемульпо. На выходе с рейда их ожидала японская эскадра, состоявшая из четырнадцати кораблей – шести крейсеров и восьми миноносцев.

В 11 часов 45 минут русские корабли, не ответив на предложение японского адмирала сдаться, вступили в неравный бой, который длился около часа. Адмирал Уриу сосредоточил огонь своей эскадры на «Варяге». Один из первых снарядов разрушил верхний мостик, уничтожив дальномерный пост, при этом был убит младший штурман мичман граф Нирод и два матроса дальномерщика. Сосредоточенный огонь японских кораблей привел к сильнейшим повреждениям на крейсере. Все 47-мм орудия были выведены из строя, восемь из двенадцати 152-мм орудий – сбиты, так же как и семь из двенадцати 75-мм. Уничтожена дальномерная станция № 2, перебит привод рулевого управления, верхняя палуба пробита во многих местах и сожжена, разрушены кают-компания и командирское помещение. От разрывов снарядов на корабле то и дело в разных местах возникали пожары. Через четыре подводные пробоины внутрь корпуса корабля поступала вода, большинство водоотливных средств было выведено из строя, некоторые котлы сошли с фундаментов. Росло число раненых и погибших, медицинский персонал, работавший с предельным напряжением, испытывал огромные трудности. Был контужен и ранен в голову командир крейсера В.Ф. Руднев.

Сильнейшие разрушения на корабле и потери в личном составе сделали невозможным продолжение боя, и Руднев принял решение вернуться на рейд порта Чемульпо. За «Варягом» последовал и «Кореец», прикрывавший крейсер во время боя.

После возвращения в порт на место прежней стоянки и осмотра крейсера стало ясно, что ликвидировать полученные в бою повреждения в короткий срок невозможно, а, следовательно, невозможной становилась и повторная попытка прорыва в Порт-Артур. И тогда было принято решение уничтожить корабли, «Кореец» был взорван, а на «Варяге» открыли кингстоны, и крейсер погрузился в воду.

Команды «Варяга» и «Корейца» приняли на борт корабли международной эскадры, стоявшие на рейде Чемульпо – французский крейсер «Паскаль», итальянский крейсер «Эльба» и английский крейсер «Тэлбот», на которых русские моряки покинули Корейский пролив.

Все участники боя при Чемульпо, оставшиеся в живых, вернулись в Россию. Необычайно торжественной была встреча героев на Родине. Их

ожидали слава и награды. В том, что экипажи двух русских кораблей, вступившие в неравный бой с неприятелем, многократно превосходившим их по численности и вооружению, проявили мужество и героизм, выполняя свой воинский долг, сомневаться не приходилось. Свидетелями драматических событий того дня оказались и иностранные корреспонденты. Весь мир облетела весть о героическом бое «Варяга» и «Корейца» с японскими кораблями и величии духа русских моряков.

Безусловно, все участники боя достойны были высоких наград. Подтверждением этому стали Высочайшие приказы № 528 от 23 февраля 1904 г. и № 538 от 16 апреля 1904 г.

Вопрос о награждении участников боя начал обсуждаться сразу, как только решена была проблема с отправкой на Родину экипажей «Варяга» и «Корейца», размещенных на иностранных кораблях. На переговорах с японцами удалось добиться согласия признать русских моряков потерпевшими кораблекрушение и пропустить их через зону военных действий в ответ на обязательство с их стороны не участвовать в войне против Японии. В первых числах февраля 1904 г. русские моряки покинули Чемульпо, оставив в японском госпитале Красного Креста двадцать четыре тяжелораненых матроса, из которых двое позже скончались. Всего команда «Варяга» потеряла 33 моряка – это мичман граф А.М. Нирод и 32 нижних чина. Из них непосредственно в бою погибло 22 человека, а 11 умерло вскоре от ран. На «Корейце» потерь в бою не было.

17 февраля 1904 г. в телеграмме из Мукдена Наместник Императора Николая II на Дальнем Востоке генерал-адъютант Е.А. Алексеев, еще не имея, по его словам, на тот момент достоверных донесений о бое и основываясь на сообщении посланника России в Сеуле А.И. Павлова, обратился к генерал-адмиралу Великому князю Алексею Александровичу с ходатайством «о награждении командиров, офицеров и команд соответственными их боевым заслугам Всемилоштивейшими наградами, причем, согласно пункта 72 статьи 295 учреждения орденов, командиров считал бы заслуживающими награждения орденом Св. Георгия четвертой степени»¹. Статья Статута ордена Святого Георгия, на которую ссылался Наместник, гласила, что достоин такой награды «Командир всякого военного судна, выдержавший с честью сражение с несколькими судами, сила коих будет вдвое или более превосходить

1. Инв. № 42230 и 1/538с. Колодка с наградами машиниста 1-й статьи крейсера «Варяг» Николая Квасцова (Квасцовского). Слева знак Отличия Военного ордена 4 степени № 97605

его собственную оборону. Таковой подвиг сугубой награды достоин, ежели совершен после несчастного сражения»².

С представлением к награждению офицеров обеих команд обратился и В.Ф. Руднев в своем рапорте, отправленном телеграммой из Сайгона 18 февраля 1904 г. начальнику Главного морского штаба контр-адмиралу З.П. Рожественскому. Коротко изложив ход боя и его итоги, он констатировал: «Считаю безусловно достойными Георгия Зарубаева, Черниловского-Сокол; отличившимися Губонина, Степанова, Банщикова, командира Корейца Беляева, Засухина, Би-

рилева, Степанова. Общее поведение храбрость удивительная»³.

Позднее В.Ф. Руднев, по запросу контр-адмирала З.П. Рожественского, телеграммой из Сайгона, датируемой 25 февраля 1904 г., представил к знаку отличия Военного ордена (так официально именовался тогда солдатский Георгиевский крест) 32 человека, назвав их поименно, и, кроме того, счел необходимым награждение этой высокой наградой еще 60-ти нижних чинов экипажа крейсера «Варяг». Из команды «Корейца» В.Ф. Руднев перечислил 26 имен нижних чинов, представленных Г.П. Беляевым, и добавил, что тот запрашивает дополнительно еще 16 знаков⁴.

Окончательное решение было за Императором. Высочайший приказ № 528 о награждении личного состава двух кораблей, подписанный 23 февраля 1904 г., превзошел самые смелые ожидания. В воздаяние геройского подвига, оказанного крейсером I ранга «Варяг», Государь Император соизволил пожаловать командиру крейсера В.Ф. Рудневу орден Св. Георгия 4-й степени и звание флигель-адъютанта, всем офицерам крейсера и специалистам, приравненным к офицерским чинам, – орден Св. Георгия 4-й степени, а всем нижним чинам – знаки отличия Военного ордена. Корабельному священнику «Варяга», однофамильцу командиру, Михаилу Рудневу был пожалован золотой наперсный крест для ношения на ленте ордена Св. Великомученика Георгия. Золотой крест на Георгиевской ленте, выданный из Кабинета Его Величества, являлся боевым знаком отличия, редкой и очень почетной наградой для священнослужителей.

Из всего личного состава крейсера «Варяг» только гражданские чины, титулярные советники Д.С. Барсуков, А.Ф. Денисов и Ф.А. Маркелов, не получили Георгиевских наград, так как согласно Статуту ордена Св. Георгия его кавале-

ром мог стать только офицер (генерал). Однако для судовых врачей и механиков «Варяга» М.Н. Храбростина, М.Л. Банщикова, Н.Г. Лейкова, Я.С. Солдатова, Н.В. Зорина и С.С. Спиридонова, приравненных к офицерским чинам, было сделано исключение – им, наряду со строевыми офицерами, также Высочайше жаловались ордена Св. Георгия 4-й степени. Случай беспрецедентный!

За всю историю существования ордена Св. Георгия – это был первый случай одновременного награждения всех офицеров корабля этим орденом. Получение же всеми нижними чинами команды знака отличия Военного ордена – также явление исключительное, впервые такое произошло в связи с подвигом брига «Меркурий»⁵. Однако то награждение по масштабности значительно уступало награждению за бой при Чемульпо.

Знаков отличия Военного ордена вместе с варяжцами были удостоены и все нижние чины канонерской лодки «Кореец». Командиру корабля, капитану 2 ранга Григорию Беляеву, был пожалован орден Св. Георгия 4-й степени, старшему офицеру Анатолию Засухину – орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, лейтенантам Павлу Степанову и Александру Левитскому – ордена Св. Станислава 2-й степени с мечами, мичманам Владимиру Бойсману и Александру Бутлерову – ордена Св. Анны с надписью «За храбрость», Павлу Бирилеву – орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, корпуса инженер-механиков флота младшему инженер-механику Ивану Франку – орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, младшему врачу, лекарю Валерию Меркушеву – орден Св. Станислава 3-й степени с мечами.

Известие о Высочайших награждениях застало команду двух кораблей, возвращавшихся на Родину, в пути. В.Ф. Руднев находился в тот момент в Сайгоне, куда прибыл с частью экипажа крейсера «Варяг» и всей командой канонерской лодки «Кореец» на французском крейсере «Паскаль». Соответственно, все переговоры между Рудневым и Морским министерством относительно награждения участников боя велись по телеграфу. Узнав о столь щедрых наградах Государя, Руднев телеграфировал начальнику Главного морского штаба З.П. Рождественскому: «Осчастливлен

Высочайшими наградами считаю долгом доложить офицеры Корейца героически выдержали атаку 26 января на следующий день дрались бок о бок Варягом прошу не оставить ходатайством о награждении их также», имея в виду «также» орденами Св. Георгия. Резолюция З.П. Рождественского на телеграмме была следующей: «26 Января «Кореец», выйдя из Чемульпо и встретив японский отряд тотчас повернул и вполне благополучно прибыл на рейд. Не могу взять на себя представления об увеличении и без того уже беспримерно щедрых наград Самим Государем Императором назначенных»⁶. Как видно, оценка действий «Корейца» 26 января 1904 г., данная Рождественским, указывала на несогласие его с мнением Руднева, о представлении офицеров «Корейца» к награждению орденом Св. Георгия – самой почетной боевой награды в России.

Все награды для героев боя при Чемульпо, объявленные в Высочайшем приказе по Морскому ведомству от 23 февраля 1904 г., уже 2 марта были препровождены из Капитула Российских Императорских и Царских орденов в Главный морской штаб. Затем награды были отправлены через коммерции советника А.Э. Стельпа в Одессу, где ожидалось прибытие возвращающихся на Родину героев.

Доверенный Стельпу пакет содержал 30 орденских знаков: 19 орденов Св. Георгия 4-й ст., 1 орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, 1 орден Св. Анны 3-й ст. с мечами, 2 ордена Св. Станислава 2-й ст. с мечами, 2 ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, 3 ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами, 2 ордена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» к холодному оружию и 2 темляка на Анненской ленте к ним; 683 знака отличия Военного ордена 4-й ст. с № 97469 по № 98151 включительно и к ним лент 341 1/2 аршина, а также 25 знаков отличия Военного ордена 3-й ст. с № 7874 по № 7898 включительно и к ним 25 аршин ленты⁷. Знаки отличия 3-й ст. Главный морской штаб запросил из Капитула орденов на случай, если среди прибывающих в Одессу нижних чинов окажутся уже награжденные ранее знаком отличия Военного ордена 4-й степени. И действительно, два моряка на «Корейце» – машинный квартирмейстер Станислав Верпаховский и комендор Диких – уже имели знаки отличия Военного ордена 4-й ст. за военные действия в

2. Инв. № 43687 и 1/746с. Колodka с наградами матроса 1-й статьи канонерской лодки «Кореец» Василия Белоусова. Слева знак Отличия Военного ордена 4 степени № 98019

Китае, а поэтому за участие в бою при Чемульпо им были пожалованы знаки отличия более высокой 3-й степени.

Кроме того, в Одессу были отправлены пожалованные капитану 1 ранга В.Ф. Рудневу флигель-адъютантские свитской и морской формы аксельбанты, эполеты и погоны; для священника Михаила Руднева – золотой наперсный крест из Кабинета Его Императорского Величества.

Все члены команд «Варяга» и «Корейца», прибывшие тремя группами в Одессу, получили награды в соответствии с Высочайшим приказом от 23 февраля 1904 г. При этом ордена, доставленные из Петербурга, были розданы всем объявленным в приказе. А вот знаки отличия Военного ордена 4-й ст. вручить сразу всем участникам боя не удалось. Тяжелораненые варяжцы получали свои награды по мере возвращения на Родину после излечения. Из 683 знаков, доставленных из Петербурга в Одессу, 33 знака были, по-видимому, возвращены в Капитул орденов, так как в «Списках по знакам отличия Военного ордена 4-й степени» 33 номера из числа зарезервированных для участников боя при Чемульпо остались свободными⁸. Последние девять тяжелораненых варяжцев, возвратившихся из японского госпиталя в Петербург, в ноябре 1904 года получили знаки отличия Военного ордена под номерами 121198–121206.

Изучение документов позволило составить общий список нижних чинов команд крейсера «Варяг» и мореходной канонерской лодки «Кореец», награжденных знаком отличия Военного ордена 4-й степени, за отличие 27 января 1904 г. при Чемульпо, в котором значатся 503 нижних чина крейсера «Варяг» и 158 нижних чинов канонерской лодки «Кореец», всего 661 человек.

К сожалению, пока не удалось установить номеров знаков отличия Военного ордена двух варяжцев из числа тяжелораненых и оставленных на излечение в японском госпитале в Чемульпо. Их имена – Степан Силютин (он же Крылов) и Андрей Мачичин.

Таким образом, на сегодняшний день известны имена 695 нижних чинов, принимавших участие в бою 27 января 1904 г., в том числе:

– на «Варяге» – 535 человек, из них 503 остались в живых и были награждены знаком отличия Военного ордена 4-й степени (номера знаков двоих награжденных неизвестны), и 32 человека погибло и умерло от ран (в тот период времени практика посмертного награждения отсутствовала);

– на «Корейце» – 160 человек, из них 158 награждены знаком отличия

Военного ордена 4-й степени, а 2 получили знаки отличия 3-й степени.

Высочайшие награды, объявленные в приказе от 23 февраля 1904 г., стали первыми, но не последними наградами за бой при Чемульпо в послужных списках его участников.

16 апреля 1904 г. в день прибытия поезда с героями-моряками в Петербург, Высочайшим приказом № 538 «В воздаяние геройского подвига, совершенного чинами мореходной канонерской лодки «Кореец» в бою при Чемульпо 27 января» Государь Император соизволил пожаловать офицерам «Корейца», судовому механику и младшему врачу Меркушеву орден Св. Георгия 4-й ст. Таким образом оказалось, что все офицеры, судовой механик и младший врач «Корейца» получили по два ордена за один подвиг, все кроме командира. В послужных списках офицеров «Корейца» в графе «Ордена и знаки отличия» значатся по два ордена за бой 27 января со ссылками на приказы от 23 февраля и 16 апреля 1904 г.⁹

В тот же день в Зимнем дворце во время торжественного обеда Государь Император объявил об учреждении медали в память боя при Чемульпо. Создание медали было поручено одному из ведущих медальеров петербургского Монетного Двора Антону Федоровичу Васютинскому, выполнившему немало работ, посвященных флотской тематике¹⁰.

Из письма Великого князя Георгия Михайловича брату Е.И.В. генерал-адмиралу Алексею Александровичу от 5 июля 1904 г.¹¹ следовало, что уже 10 апреля «Государь Император соизволил удостоить Высочайшего одобрения» проект серебряной медали, выполненный Васютинским, и Санкт-Петербургский Монетный двор приступил к изготовлению штампов для нее. В том же письме указывалось количество экземпляров медалей, определенное Государем Императором: «чтобы было выбито по числу участников боя 697 экземпляров».

К 5 июля медали были готовы и, как следовало из письма, представлены Великим князем Георгием Михайловичем Николаю II. О Высочайшем учреждении медали в память геройского подвига участников боя при Чемульпо было объявлено Е.И.В. генерал-адмиралом Алексеем Александровичем по Морскому ведомству приказом № 132 от 10 июля 1904 г.

Медали были отчеканены из серебра и имели единственную в своем роде ленту с изображением Андреевского флага – на белом поле косяй Андреевский крест синего цве-

3. Инв. № 24920 и 1/116с. Медаль «За бой «Варяга» и «Корейца» при Чемульпо 27 января 1904 года» командира крейсера «Варяг» капитана 1 р. В.Ф. Руднева

та. На лицевой стороне медали в центре, внутри венка из перевязанных лентой лавровых ветвей, изображен знак ордена Св. Георгия Победоносца на орденской ленте. По окружности надпись: «ЗА БОЙ ВАРЯГА И КОРЕЙЦА 27 ЯНВ. 1904 г. – ЧЕМУЛЬПО. –». На оборотной стороне – изображение «Варяга» и «Корейца», вышедших в море на бой с японской эскадрой, корабли которой видны справа на горизонте. Вверху над облаками – четырехконечный крест. Медаль вручалась всем членам экипажей двух кораблей. В Центральном военно-морском музее хранится несколько таких наград, среди них и медаль командира «Варяга» Всеволода Федоровича Руднева, переданная в музей его сыном Николаем Всеволодовичем в 1949 г.¹²

Награждение участников боя продолжалось довольно долго. Первые доклады о выдаче медалей стали поступать в ГМШ в середине июля 1904 г., а, например, машинист Федор Шишков, приписанный к порту Александра III, получил медаль в сентябре 1905 г.¹³ Младшему врачу канонерской лодки «Кореец» лекарю Валерию Меркушеву орден Св. Георгия 4-й ст. был выдан в июле 1912 г., о чем командир канонерской лодки «Хивинец», в состав экипажа которой в этот период входил Меркушев, доложил в ГМШ¹⁴. К этому времени В. Меркушев уже получил звание надворного советника.

После окончания русско-японской войны к наградам участников боя при Чемульпо добави-

лась еще одна медаль – «В память Русско-японской войны». Она была учреждена 21 января 1906 г. и чеканилась на Санкт-Петербургском Монетном Дворе в трех металлах – серебре, светлой и темной бронзе. На лицевой стороне этой медали было изображено, окруженное сиянием Всевидящее Око, внизу по окружности даты: «1904-1905». На оборотной стороне медали пятистрочная надпись: «Да вознесет васъ Господь въ свое время». Члены экипажей «Варяга» и «Корейца» получили светло-бронзовые медали, которые носились на комбинированной ленте цветов орденов Александра Невского и Св. Георгия, получившим ранения и контузии в бою полагалась медаль с бантом.

Медаль «В память Русско-японской войны» стала третьей, а для некоторых участников боя четвертой наградой за одно отличие (офицеры, судовой механик и младший врач канонерской лодки «Кореец» получили по два ордена и две медали) – случай, безусловно, уникальный!

В феврале 1954 г. торжественно отмечалась 50-летняя годовщина со дня героического боя русских кораблей. В дни празднования юбилея 15 бывших моряков крейсера «Варяг», которых удалось разыскать, были награждены медалью «За отвагу» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1954 г. В дальнейшем еще 35 участников тех далеких событий также были награждены этой медалью¹⁵.

4. Инв. № 42390 и 1/549с. Медаль «За отвагу» № 3426780 комендора крейсера «Варяг» Дмитрия Степановича Залидеева.

¹ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 2879. Л. 1–2.

² Статут ордена Св. Георгия и знака отличия военного ордена, помещенного в своде учреждения орденов издания 1892 года, с изменениями и дополнениями 1901 года. Ст. 295, п. 72.

³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 2879. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ 14 мая 1829 г. 18-пушечный бриг, которым командовал капитан-лейтенант А.И. Казарский, вступил в бой с двумя турецкими линейными кораблями, имевшими более чем десятикратное превосходство в артиллерии, и вышел победителем. В том бою команда брига «Меркурий» проявила беспримерное мужество и отвагу, за что все нижние чины были удостоены знаков отличия Военного ордена, а сам

бриг получил кормовой Георгиевский флаг.

⁶ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 2879. Л. 44.

⁷ Там же. Л. 51, 53.

⁸ РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 829.

⁹ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 268. Л. 1–8. Д. 1435. Л. 1–6. Д. 4038. Л. 1–18. Д. 4442. Л. 1–5.

¹⁰ Шукина Е.С. Два века русской медали: Медальерное искусство в России 1700–1917 гг. – М.: ТЕРРА, 2000.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 2886. Л. 1, 2.

¹² ЦВММ. Д. 19. Л. 92–93.

¹³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 2886. Л. 71.

¹⁴ Там же. Д. 2879. Л. 162.

¹⁵ Указы Президиума Верховного Совета СССР от 24 августа 1954 г., от 10 марта 1955 г. и от 9 августа 1955 г.

Коллекция альбомов из Музея подарков Союзу ССР и ее использование в выставочной деятельности

В Московском Кремле в корпусе, примыкающем к зданию Оружейной палаты, в 1960 г. был организован Музей подарков Союза ССР, основу которого составляли «Подарки Парламентским делегациям, Правительству СССР, ЦК КПСС, Руководителям Советского государства и Коммунистической партии, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Обществам дружбы»¹. Просуществовал он очень недолго (до 1965 г.) и так и не был открыт для посетителей.

Во второй половине 1960-х гг. экспонаты сформированного музея были переданы в тринадцать музеев России. В Музее Московского Кремля наряду с другими экспонатами поступила коллекция альбомов и адресов советских и иностранных граждан руководству Советского Союза. С середины 1990-х гг. она находится на хранении в секторе современной документации ОРПГФ Музеев Кремля. Определенным толчком к началу изучения коллекции послужила проводившаяся в октябре-ноябре 2006 г. выставка «Дары вождям», в экспозиции которой были использованы некоторые альбомы.

Этот комплекс источников впервые стал объектом научного исследования. Однако на сегодняшний день изучение собрания находится на начальном этапе, данная работа является его первым результатом.

Главной особенностью коллекции альбомов является то, что большую их часть можно отнести одновременно к двум типам источников: письменным и фотодокументам². От этого они становятся только интереснее, поскольку дают возможность рассмотрения недавнего прошлого через определенный срез: смысловое наполнение и эстетические предпочтения конца 1950-х – начала 1960-х гг.

Коллекцию можно подразделить на несколько групп в зависимости от повода, по которому подарены альбомы. В статье «Археология власти: анатомия любви» каталога выставки «Дары вождям» авторами О. Сосниной и Н. Ссориным-Чайковым сформулирован тезис «око власти – вездесущность самого вож-

дя»³. Особенно это касается той, наибольшей, части коллекции, что адресована Н.С. Хрущеву. В основном, это фотоальбомы, подаренные после его визитов в зарубежные страны, посещений крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий, иллюстрирующие географию зарубежных и внутренних поездок лидера СССР.

Большой блок составляют альбомы-отчеты. Они отражают приоритетные сферы деятельности и достижения советской промышленности, сельского хозяйства, научных исследований. Таков, например, альбом «Прогрессивные решения в сооружении электростанций»⁴ 1960 г., с дарственной надписью на форзацном листе: «В день рассмотрения основных положений о сплошной электрификации СССР – Никите Сергеевичу Хрущеву. м. Пицунда. 20 ноября 1959 г.». В альбоме представлены новые проекты электрических станций, подстанций и линий электропередачи, выполненные государственными проектными институтами. Альбом оформлен в виде папки отделом издания «Гидропроекта».

Разработка новых проектов электростанций и линий электропередачи была инициирована необходимостью «выполнения решений XXI съезда и июньского Пленума ЦК КПСС об ускорении технического прогресса Министерством строительства электростанций». В основу проектов было положено массовое заводское изготовление конструкций, сокращение сроков строительства, увеличение сборности, повышение механизации и автоматизации строительного производства, снижение стоимости строительства за счет сокращения объемов работ и обеспечения норм проектирования. Как и во многих других альбомах, в этом документе обозначены последовательность дальнейших действий и планы утверждения Министерством новых проектных заданий до конца 1959 г.

Рапортом о проделанной работе также является альбом «Посев хлопчатника по всходозащитной бумаге»⁵ (мульча), который является ответом на поставленную Н.С. Хрущевым за-

дачу на Всесоюзном совещании хлопкоробов в Москве 19 февраля 1958 г.: «...Товарищи! Я хотел сказать еще об одном, на мой взгляд, важном деле – о мульчировании. Этот прием не следует бросать, его надо изучать, в нем заложены огромные возможности для ведения земледелия в будущем...». В форме совета оформлена директива руководству совхоза: «...Но мы неправильно поступаем, когда в достаточной степени не занимаемся изучением данной проблемы. Хотел обратиться к директору совхоза «Пахта-Арал» тов. Куликову и посоветовать ему отвести небольшой участок, достать соответствующую машину и практиковать мульчирование...». В этом альбоме поднимается и вечная проблема сельского хозяйства – экономия труда и средств и получение хорошего урожая: «...Мне кажется, стоимость мульчи составит не более 10 процентов от экономии, которую мы получим в результате мульчирования почвы. Но все это необходимо проверить...». Результаты, полученные в ходе эксперимента, подробно и красочно описаны в альбоме, который дополнен различными фрагментами мульчи с их сравнительными характеристиками. В конце альбома сформулированы выводы и пожелания, состоящие в том, что данный способ «экономически эффективен», но лишь при «хорошей сеялке и удешевленной бумаге».

Говоря о личности Н.С. Хрущева, о периоде его правления, нельзя не рассмотреть тему посева кукурузы. Несколько альбомов в собрании посвящены именно ей. Таков, например, альбом «Парафинированная кукуруза»⁶ 1962 г. о результатах посева кукурузы парафинированными семенами и получении урожая в Рязани в полной спелости к 10 сентября 1961 г. Данные эксперимента оформлены в виде фотографий этапов выращивания кукурузы с подробными аннотациями. Фотоальбом «Кукуруза на Орловской земле»⁷ посвящен выполнению взятых социалистических обязательств работниками колхоза «Красное знамя» Дмитровского района Орловской области. Альбом дает пример бодрого оптимистического рапорта вождю, с описанием планов на следующий год. Он прекрасно оформлен издательством «Орловская правда» в 1961 г.

В коллекции много альбомов, адресантами которых являются дети или детские творческие коллективы. Как правило, там содержатся рисунки, фотографии, поделки. Во многих из них тоже просматривается тема отчета-рассказа о творческих успехах и успехах в учебе. Это очень характерная черта того времени, воспитание у ребенка ответственности за свои действия перед вождем. Примером может служить альбом Вали Красновой⁸, ученицы 3-го класса 52-й Львовской школы, в котором она довольно подробно рассказывает о своей жизни, о публикации своих стихов и планах на ближай-

шее будущее: «Мне 27/III-61 г. исполнится 10 лет. Я никогда еще не ожидала так своего дня рождения, как в этом году. Я буду уже иметь право стать пионеркой. Меня в апреле как и моих одноклассников будут принимать в пионеры. Обещаю Вам быть достойной носить имя юного Ленинца».

Из текста некоторых альбомов становится понятным, что подобные подарки не всегда бывали односторонней инициативой. Так, в альбоме от членов кружка им. В.А. Обручева Риги «Ко дню Рождения»⁹ говорится о предваряющей отправку альбома переписке: «С глубокой благодарностью мы вспоминаем Ваш ответ на наше письмо, о котором мы узнали в первые дни 1960 года. Ответом на послание Главы Советского Правительства было улучшение работы в кружке и новые достижения в учебе. На сегодня 92 члена нашего кружка полностью успевающие учащиеся, за исключением одного человека. К концу учебного года у нас будет полностью успевающим весь кружок». Этот же документ можно рассматривать и как входящий в группу поздравительных альбомов: «Члены и руководство кружка юных путешественников имени В.А. Обручева Центрального клуба Госторговли и потребкооперации Латвийской ССР горячо поздравляет Вас в день Вашего 66-летия. Желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых больших успехов в борьбе за мир и дружбу между народами». Как и большинство оформленных детьми, этот альбом украшен рисунками (гуашью), а все фотографии довольно непосредственно проаннотированы.

Группа поздравительных альбомов содержит добрые пожелания, а также выражения благодарности за бескорыстную помощь Советского Союза в разных областях. Так, в справке, приложенной к альбому от имени передовых комбайнеров области Хайду-Бихар¹⁰, говорится о том, что во время пребывания делегации Верховного Совета СССР в Венгерской Народной Республике в г. Дебрецене области Хайду-Бихар 8 августа 1961 г. областным Советом в честь делегации был дан ужин, на котором от имени передовых комбайнеров области выступил тов. Ковач Лайош, работающий на советском комбайне «СК-3». Он благодарил Советский Союз за современную сельскохозяйственную технику, поставляемую в Венгрию, отметил высокие качества комбайна «СК-3». В память о встрече от имени комбайнеров области он и передал альбом с письмами четырех знатных комбайнеров в адрес коллективов советских заводов сельскохозяйственного машиностроения, изготовивших машины.

Часть материалов содержит поздравления лично Н.С. Хрущеву. Как, например, упоминавшийся выше альбом от членов рижского кружка им. В.А. Обручева «Ко дню Рождения»¹¹.

Большинство предметов коллекции отличается неплохой сохранностью и вполне пригодно для экспонирования. Есть альбомы с деревянными резными крышками, с использованием в декоре янтаря, кожи, бархата и шелка. Но чаще для оформления использовались покупные фотоальбомы, тетради для стихов. Альбомы крупных предприятий создавались в районных или заводских издательствах. Красивы и самобытны альбомы, адресованные Н.С. Хрущеву кубинскими друзьями. Это очень интересный материал, содержащий значительное количество писем, пожеланий, стихов, вырезок из газет, открыток и фотографий. На данном этапе их подробное рассмотрение невозможно, поскольку эти материалы еще не переведены.

При подготовке выставки «Дары вождям» в Новом Манеже ее организаторы, просмотрев немалое количество документов, взяли за основу несколько альбомов, пересняли фотогра-

фии. Сделанные в результате альбомы «Советское фото» получили названия: «Детство и юность» и «Труд и отдых». Эти материалы были очень востребованы на выставке, их с удовольствием читали и рассматривали посетители.

Данные документы могут использоваться при подготовке концепций выставок в качестве информативного материала. Проблема широкого использования альбомов в выставочной деятельности состоит в сложности их экспонирования, поскольку альбомы переплетены. Однако современные технические средства дают возможность показать альбом полностью на экране, а не в витрине, где нет возможности ознакомиться с его содержанием.

Таким образом, данный комплекс документов представляет немалую ценность как своеобразный источник по истории советского периода.

¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Д. 13. Л. 6. (1961 г.)

² Пушкарев Л.Н. Источники исторические // СИЭ. М., 1965. Т. 6. Стлб. 591.

³ Дары вождям. Каталог выставки. С. 19.

⁴ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 31. Оп. 2. Д. 142.

⁵ Там же. Д. 175.

⁶ Там же. Д. 273.

⁷ Там же. Д. 201.

⁸ Там же. Д. 126.

⁹ Там же. Д. 132.

¹⁰ Там же. Д. 460.

¹¹ Там же. Д. 132.

Документы Великого Архидиакона К.В. Розова в архиве Музеев Московского Кремля

Начиная с 1995 г. в Музеях Московского Кремля постоянно ведется работа по комплектованию документальных фондов бывших музейных сотрудников, а также лиц, связанных с историей Кремля. Особое место среди личных фондов занимает документальное собрание Великого Архидиакона К.В. Розова, подаренное в 2000–2001 гг. его дочерью Л.К. Розовой, Заслуженным работником культуры России, кавалером орденов Св. Ольги и Св. Даниила Московского.

Константин Васильевич Розов родился 10 февраля 1874 г. в селе Жданово Симбирской губернии в семье священника. После окончания духовного училища и семинарии в 1895 г. служил псаломщиком Всехсвятской церкви, а затем стал диаконом кафедрального Троицкого собора в Симбирске. В 1896 г. Константин Васильевич обвенчался с купеческой дочерью Любовью Ивановной Половой. Благодаря удивительному по силе и красоте голосу в 1898 г. митрополитом Московским и Коломенским Владимиром Розов был назначен диаконом в Кафедральный собор Христа Спасителя в Москве, а в 1902 г. возведен в сан протодиакона и переведен в Успенский собор в Кремле.

В 1903 г. на богослужении с участием К.В. Розова присутствовала императорская семья. Пораженный и восхищенный Николай II пожаловал протодиакону золотые часы с цепочкой и предложил ему поступить на службу в собор Зимнего дворца. Так семья Розовых переехала в город на Неве, а в апреле 1907 г. в храме Зимнего дворца состоялись крестины его дочери Людмилы. Стоит отметить, что почетной должности в дворцовой церкви добивались многие известные диаконы, однако Константин Васильевич в 1907 г. по собственному желанию вернулся из Санкт-Петербурга в Успенский собор, променяв суетную северную столицу на московскую старину. И именно в Москве его талант раскрылся с наибольшей полнотой, здесь он снискал огромную любовь и признание народа. Среди почитателей Розова были представители буквально всех слоев населения огромной Российской империи, многие ценители диаконского пения приезжали в Москву из других городов, лишь бы услышать его великолепный бас. В сохранившихся до наших дней воспоминаниях современников отмечается красота и необычная мощь его голоса. Так, маршал Г.К. Жуков в своих мемуарах писал: «В Успенский собор ходили с удовольствием слушать

великолепный Синодальный хор и специально протодиакона Розова, голос у него был как иерихонская труба...». О Константине Васильевиче славились легенды, некоторые из них были записаны его дочерью Людмилой Константиновной и вошли в ее книгу «Великий архидиакон», выдержавшую с 1994-го по 1998 г. три переиздания. Несмотря на признание и славу, Розов отличался редкостной добротой и простотой в общении, с радостью участвовал во многих благотворительных концертах в Комитете общества благоустройства средних учебных заведений и госпиталях, в монастырских обителях. В 1913 г. он был приглашен в Лейпциг на торжественное освящение храма-памятника, сооруженного в честь русских воинов, погибших в битве с войсками Наполеона в октябре 1813 г. Послужив «по-настоящему, по-русски», он буквально очаровал немцев и самого кайзера Вильгельма как своей необычной внешностью (почти два метра ростом и более десяти пудов веса при по-детски чистом и добром лице), так и сильным басом, от которого порой звенели стекла.

После Октябрьской революции 1917 г., приведшей к ликвидации всех органов прежней власти, в том числе и Святейшего Синода, в России было восстановлено Патриаршество. При избрании Патриарха Тихона в храм Христа Спасителя Розов первым провозгласил ему многолетие. В этот период богослужения в Кремле были прекращены, и К.В. Розов перешел в храм Христа Спасителя. В 1918 г. по предложению Патриарха Тихона он был возведен в сан архидиакона, а 19 сентября 1921 г. на торжественной службе, посвященной 25-летию диаконской деятельности К.В. Розова, впервые в истории русской православной церкви состоялось его наречение Великим Архидиаконом.

В 1920-е гг. в связи с изменившейся обстановкой в стране Константин Васильевич, оставшийся верным Патриарху Тихону и не поддерживавший церковь, вынужденную пойти на компромисс и сотрудничество с новой властью, много занимался концертной деятельностью, выступая как в Москве, так и в других городах России. Давал он и благотворительные концерты. Его репертуар расширился за счет русских романсов. Композитор Н. Кочетов специально аранжирует для него свой романс «Я мужик» на слова М. Леонова и преподносит его Розову в октябре 1922 г. Вошел в репертуар архидиакона и другой романс этого автора – «Я раб тру-

да». Но все же чаще он исполнял известные русские народные песни – «Лучина», «Утес на Волге», «Из-за острова на стрежень» и другие. Не оставив церковного богослужения, он становится солистом Московской Государственной Академической капеллы, концертируя вместе с артистами московского Большого театра и театров Петрограда. В то тяжелое время были проданы и золотые часы – подарок Николая II, и дорогая шуба. В марте 1923 г. состоялся последний концерт «Духовных песнопений», проходивший с участием К.В. Розова в Большом зале Московской консерватории.

30 мая того же года он скончался в возрасте 49 лет. Смерть Розова вызвала глубокую печаль москвичей. Друзьями Великого Архидиакона были композиторы П. Чесноков и А. Кастальский, многие известные певцы и актеры. По масштабу личности и таланту его нередко сравнивали с другим обладателем сильного баса, также выходцем с Волги, Ф.Г. Шаляпиным, но Константин Васильевич был ближе к народу и более любим. Чтобы послушать его пение, не приходилось покупать билеты в театр, для этого было довольно прийти в храм на службу.

К столетию со дня рождения К.В. Розова на его могиле на Ваганьковском кладбище Московской Патриархией был установлен памятный крест белого мрамора. После многих десятилетий забвения в 1990-х гг. началось возрождение памяти о Розове. Появились публикации, были выпущены пластинки, аудиокассеты и компакт-диски с записью голоса Великого Архидиакона. В 1993 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II был проведен Международный праздник диаконского искусства имени К.В. Розова, ставший ежегодным. Документы К.В. Розова экспонировались в историко-краеведческом музее на его родине в Ульяновске. Огромная заслуга в возрождении памяти о Константине Васильевиче Розове принадлежит его дочери, сохранившей для потомков большую часть документального наследия своего отца, несмотря на выпавшие на ее долю испытания.

Документальный фонд К.В. Розова в Музеях Московского Кремля (фонд № 57), поступивший в виде россыпи, в настоящее время полностью собран и обработан в соответствии с действующими архивными правилами. Он насчитывает 176 единиц хранения с середины 1880-х гг. по 2000 г., к которым составлено девять описей. Личные документы и письма К.В. Розова образуют первую опись. Это его заграничный паспорт 1913 г., оформленный для упомянутой нами выше поездки в Лейпциг, поздравительная открытка к матери, написанная к Пасхе, ежедневник 1908 г. с золотым обрезом, содержащий многочисленные пометы о проведении служб и концертов, а также другие документы.

Во вторую опись вошли поздравительные адреса и благодарственные письма К.В. Розову от верующих. Большинство из них относится к сентябрю 1921 г. и содержат поздравления с 25-летием диаконского служения и наречением Великим Архи-

диаконом. Среди них адреса от Синодального хора, служителей и сторожей Успенского собора, дьяконов московских церквей, актеров МХАТа и даже поздравление от рабочих и служащих кремлевских организаций ВЦИК, обратившихся к нему с такими словами: «Для нас вы были бескорыстным служителем и в своем лице приучали уважать и ценить благолепие церковного служения и достоинство служителей церкви». И ниже стоит несколько десятков подписей. Это одно из ярких свидетельств воистину всенародной любви москвичей к своему дяде Косте, людей, не побоявшихся выразить самые искренние чувства восхищения и благодарности священнослужителю в суровый 1921-й год. Приведем отрывок и из нескольких наивного и далекого от совершенства стихотворения Сергея Богословского, поднесенного им Розову:

Царьградский титул ты имеешь,
«Великий» ты теперь гремишь,
Архидиакон Патриарший,
ты этим весь народ дивишь!
Тебя народ любил и любит
за то, что ты краса Руси,
Руси святой и православной.
Храни Господь лета твои!

В третью опись фонда входят афиши и программы концертов с конца 1890-х гг. по 1923 г., среди них особое место занимает афиша благотворительного концерта духовных песнопений в пользу Елисаветинского благотворительного общества в Москве и Московской губернии, состоявшегося 14 марта 1910 г. Автором ее оформления является известный художник И. Билибин. Сохранилась и афиша последнего концерта Розова от 25 марта 1923 г. В конце каждой афиши надпись «Рукоплекания не дозволяются». Однако благодарные слушатели ждали, когда Розов выйдет на улицу, и там устраивали ему настоящие овации.

Наиболее многочисленный пласт документов составляют ноты, включенные в четвертую опись, их насчитывается 86 единиц хранения, делящихся на несколько групп. Первую из них составляют рукописи музыкальных произведений, принадлежавшие перу самого Константина Васильевича, а также его друзей композиторов А. Кастальского, Н. Кочетова и других. В качестве примера приведем «Многая лета патриарху Тихону, священнослужителям и всем православным христианам» Александра Кастальского с дарственной надписью: «Красе Московского Успенского собора, К.В., на добрую и долгую память от А. Кастальского. 11 июля 1918 г.» Значительную часть нотных изданий составляют духовные произведения, изданные в начале XX в. в Москве и Санкт-Петербурге. На них как правило проставлена цена и указаны штампы и адреса музыкальных магазинов. Любил Константин Васильевич и русские народные песни, романсы, арии известных композиторов – Глинки, Даргомыжского, Мусоргского и Чайковского. Эти произведения также хранятся теперь в архиве Музеев Московского Кремля.

Отдельную опись составляют фотографии Розова 1886–1922 гг., как одного, так и с родственниками – матерью, отцом, братьями, женой и дочерью. Именно эти пожелтевшие от времени снимки позволяют нам представить, как выглядел Константин Васильевич в детстве, юности и зрелом возрасте, именно они наглядно свидетельствуют, что отзвывы о его необычной внешности не являлись преувеличением. Заслуживает упоминания и фотография композитора Павла Григорьевича Чеснокова с трогательной надписью – «Милому, душевно-родному и искренне любимому моему другу Косте Розову от Павла Чеснокова. 23. IX. 1919».

В шестую опись вошли воспоминания о К.В. Розове, особый интерес из которых представляют мемуары бывшего певчего Синодального хора А.П. Смирнова, а также секретаря Ивана Сергеевича Козловского Нины Федосеевны Слезинной, поведавшей о безмерном восхищении и уважении, испытываемых великим певцом к Великому Архидиакону. Приведем небольшой отрывок из них: «Одна внешность К.В. вызывала удивление и радостное чувство: человек высокого роста... с красивым лицом... был во всем гармоничен и являл собой русского красавца. Неторопливость и уверенность в пении и движениях самого Константина Васильевича вызывали полное спокойствие у хора и у всех сопричастующих в служении...».

В составе седьмой описи – публикации о К.В. Розове разных лет. В восьмую и девятую описи включены документы, связанные с увековечением его памяти. Это программы, буклеты и другие материалы фестивалей диаконского искусства, носящих его имя, переписка Людмилы Константиновны с Московской Патриархией и т.д.

Таким образом, мы видим, что все перечисленные группы документов представляют немалую ценность. Документы фонда широко используются. Одним из пожеланий Л.К. Розовой при передаче материалов было организовать выставку, посвященную памяти ее отца. Администрация с радостью пошла навстречу этому пожеланию. В июне 2001 г. по благословению его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Успенском соборе Кремля открылась выставка, приуроченная к 80-летию наречения Розова Великим Архидиаконом. Наряду с документами и фотографиями Константина Васильевича на ней экспонировалась папка для адреса с серебряной накладкой. На накладке изображение Розова в профиль и надпись «Своему дяде Косте признательная Москва», выполненные в технике чеканки.

Перед выставкой была проделана большая подготовительная работа. Сохранность документов и фотографий оставляла желать лучшего, однако реставраторы в сжатые сроки смогли придать им экспозиционный вид, закрепив разрывы и удалив пятна. Нелегко было выбрать и место для витрин, чтобы они привлекали внимание посетителей и одновременно не создавали помех для верующих во

время проведения церковных служб в храме. Несмотря на свои скромные размеры, выставка получила широкий резонанс в прессе, репортаж с ее открытия был показан по телевидению, прозвучала серия передач по радио, вышло несколько статей в периодике. Однако самым главным свидетельством того, что выставка состоялась не зря, была постоянная толпа посетителей возле двух витрин с экспонатами, рассказывающими о Великом Архидиаконе, служившем в главном храме России.

5 октября 2001 г. в Успенском соборе состоялся памятный вечер, посвященный К.В. Розову, на который собрались те, кому дорого имя Константина Васильевича – священнослужители, музейные работники, преподаватели ВУЗов и Московской консерватории, художники и другие. После многочисленных выступлений наступила подлинная кульминация вечера, когда в храме, как много десятилетий назад, зазвучал дивный бас Розова в сопровождении певчих Синодального хора, и собравшиеся услышали «Евангелие от Луки». Газета «Российские вести» так писала об этом событии: «Под сводами древнейшего собора прозвучала удивительная музыка, поразившая красотой старинного искусства – московского дьяконского служения. Несмотря на техническое несовершенство звукозаписи того времени, Анатолию Шатову... удалось возродить ее». И действительно, именно благодаря огромной работе А.И. Шатова и средствам, выделенным на эти цели племянником Людмилы Константиновны Михаилом Розовым, стало возможно создание компакт-диска, позволившего насладиться величием и благородством церковной службы в исполнении лучшего из дьяконов России. В завершение состоялась экскурсия по выставке. Присутствовавшая на вечере, несмотря на преклонный возраст, Людмила Константиновна тепло поблагодарила всех, кто чтит память ее отца, сказав, что исполнилась ее самая заветная мечта – вновь услышать его голос в Успенском соборе. Так этот вечер явился примером плодотворного сотрудничества музея и церкви в деле сохранения русской культуры и возрождения духовности.

В 2005 г. документы К.В. Розова экспонировались на выставке «Мемориальность, древность, искусство исполнения. Новые поступления в Музеи Московского Кремля» и были опубликованы в выставочном каталоге вместе со статьей о Константине Васильевиче (М., 2005). В июне того же года в передаче «Кремлевские куранты» на радиостанции «Эхо Москвы» прозвучал рассказ о Великом Архидиаконе и запись его голоса, вызвавшие многочисленные отклики у радиослушателей.

В завершение хотелось бы добавить, что фонд К.В. Розова постоянно привлекает внимание исследователей, являясь наглядным примером активного использования архивных источников личного происхождения в различных видах музейной работы.

Сведения об авторах

Анисимова Мария Анатольевна. Младший научный сотрудник ВИМАИВиВС.

Анфертьева Антонина Николаевна. Старший научный сотрудник Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук.

Бондаренко Анна Федоровна. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного исторического музея.

Вознесенская Ирина Александровна. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая архивом ВИМАИВиВС.

Головко Елена Евгеньевна. Старший научный сотрудник, заведующая фондом хранения документов и рукописей Центрального Военно-морского музея.

Грачева Ирина Александровна. Младший научный сотрудник Отдела рукописных, печатных и графических фондов ФГУК «Музея-заповедника "Московский Кремль"».

Гусарова Елена Васильевна. Научный сотрудник Северо-западного института культурного и природного наследия.

Ефимов Сергей Владимирович. Кандидат исторических наук, начальник отдела ВИМАИВиВС, куратор выставочной работы музея.

Ильина Татьяна Николаевна. Старший научный сотрудник ВИМАИВиВС.

Кобякова Валерия Ивановна. Кандидат технических наук, начальник отдела обеспечения сохранности ВИМАИВиВС.

Лобин Алексей Николаевич. Ведущий специалист Отдела экскурсионно-выставочной деятельности ФГУК «Дворец Конгрессов».

Маковская Лилла Константиновна. Старший

научный сотрудник ВИМАИВиВС.

Никитин Владимир Олегович. Младший научный сотрудник ВИМАИВиВС.

Павлович Марина Кировна. Кандидат исторических наук, заведующая сектором современной документации ФГУК «Музея-заповедника "Московский Кремль"».

Подковырова Вера Григорьевна. Старший научный сотрудник Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук.

Рамазанова Джамиля Нуровна. Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Рудакова Людмила Петровна. Младший научный сотрудник ВИМАИВиВС.

Точкина Ирина Константиновна. Старший научный сотрудник Отдела фондов Центрального Военно-морского музея.

Трошин Дмитрий Юрьевич. Студент кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет.

Успенская Светлана Васильевна. Кандидат культурологии, главный научный сотрудник, заместитель начальника по учету и хранению фондов ВИМАИВиВС.

Федорова Татьяна Сергеевна. Главный специалист Российского государственного архива ВМФ.

Шустова Юлия Эдуардовна. Кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ.

Юркевич Евгений Иванович. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ВИМАИВиВС.